Сочиненія Густава Эмара.

Розасъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе П. П. Сойкина
12, Стремянная, 12

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 Января 1899 г.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

I.

Прологъ драмы.

Утро 27 іюля 1840 г. было мрачное и холодное. Теплота и блескъ солнечныхъ лучей задерживались массами желтоватыхъ облаковъ, насыщенныхъ водяными парами и гонимыхъ вѣтромъ съ головокружительною быстротою.

Жители Буэносъ-Айреса, дрожа отъ холода и закутываясь по самые глаза въ свои плащи, спрашивали другъ друга, ужъ не вернулась ли опять зима, бывшая весьма суровой и окончившаяся всего нѣсколько недѣль тому назадъ.

Около пяти часовъ вечера, въ гостиной богатой кинты *) (quinta) въ Барракасъ находились два лица—молодой человѣкъ и молодая женщина.

Послѣдняя, прекрасная и мечтательная, сидя на софѣ подлѣ камина, слушала молодого человѣка, который, почти склонившись къ ея ногамъ, переводилъ ей одну изъ самыхъ прекрасныхъ страницъ „Собора Парижской Богоматери", этого образцоваго произведенія Виктора Гюго.

По временамъ прелестная мечтательница склонялась впередъ, опираясь слегка своей рукою о плечо молодого человѣка; тогда его щекъ нѣжно касались шелковистыя пряди ея роскошныхъ волосъ, а она, застывъ въ этомъ гра-

*) Дача, загородный домъ.

*

ціозномъ положеніи, отдавалась своимъ мыслямъ, убаюкиваемая гармоничнымъ голосомъ человѣка, котораго она любила.

Молодой человѣкъ и молодая женщина питали другъ къ другу чистую, святую любовь. Его звали донъ Луисъ Бельграно; ее—донья Гермоза Сензъ-де-Салаберри.

Уединеніе молодыхъ людей вскорѣ было прервано, такъ какъ послышался стукъ подъѣхавшаго къ дверямъ кинты экипажа, и, минуту спустя, въ гостиную вошли m-me Барроль и ея дочь, ихъ хорошія знакомыя.

Донья Гермоза и донъ Луисъ еще сквозь жалюзи видѣли, кто были пріѣхавшія, но такъ какъ у молодыхъ людей не было тайнъ отъ нихъ, то донъ Луисъ просто бросилъ книгу на подоконникъ и сѣлъ въ кресло.

Въ то-же самое время вошелъ, или, лучше сказать, вбѣжалъ въ гостиную, по своему обыкновенію, донъ Мигуель, кузенъ Гермозы, живой, ласковый и веселый юноша. Этотъ бравый молодой человѣкъ, находился-ли онъ въ обществѣ своей кузины, или доньи Авроры Барроль, къ которой онъ питалъ глубокую любовь, забывалъ всѣ свои дневныя заботы, не думалъ болѣе о своихъ честолюбивыхъ планахъ и вполнѣ давалъ волю своему веселому характеру.

— Кофе, кузина, кофе!—вскричалъ онъ,—мы умираемъ отъ холода, мы нарочно встали изъ-за стола, чтобы придти сюда пить кофе; впрочемъ, это благое намѣреніе принадлежитъ мнѣ всецѣло, и нашимъ визитомъ, кузина, ты обязана ни m-me, ни ея дочери, а лишь одному мнѣ!

— Ты просишь слишкомъ мало за ту услугу, которую оказалъ мнѣ, — весело отвѣчала донья Гермоза, обнявъ обѣихъ дамъ, — и поэтому рискуешь не получить просимаго!

— Не вѣрьте ни одному слову изъ всего того, что онъ вамъ разсказываетъ, дорогая Гермоза! Мнѣ одной пришла мысль объ этомъ визитѣ, а то этотъ лѣнтяй сидѣлъ бы до завтрашняго утра у камина, — проговорила, смѣясь, m-me Барроль, француженка чистой крови, парижанка съ головы

до ногъ, которая, несмотря на свои сорокъ два года, все еще была прелестна.

— Хорошо, допустимъ, что я говорилъ не такъ убѣдительно, какъ m-me Барроль; но все-же никакая человѣческая логика не можетъ отсюда вывести того заключенія, что я долженъ пить кофе только по пятницамъ.

— Дорогая Гермоза, умоляю васъ, — проговорила m-me Барроль,—прикажите скорѣе подать ему кофе, а то онъ весь вечеръ только и будетъ говорить, что объ этомъ противномъ напиткѣ!

— Да, Гермоза, дай ему кофе, дай ему все, что онъ у тебя попроситъ; мы увидимъ, по крайней мѣрѣ, заставитъ ли это его немного помолчать; сегодня онъ положительно несносенъ! — сказала, повернувъ слегка голову къ Мигуелю, донья Аврора, которой донъ Луисъ показывалъ альбомъ, недавно выписанный изъ Франціи.

Слуга дона Луиса, по приказанію доньи Гермозы, отправился сервировать кофе.

— Какую книгу вы тамъ перелистываете? Она васъ интересуетъ, повидимому?—спросилъ донъ Мигуель.

— Лорда Байрона—сумасшедшій ты человѣкъ!—отвѣчалъ донъ Луисъ, показывавшій молодой дѣвушкѣ портретъ дочери поэта.

— А, Байронъ!—проговорилъ, смѣясь, Мигуель,—онъ не пилъ кофе подъ тѣмъ предлогомъ, что это былъ любимый напитокъ Наполеона; поэтъ не ненавидѣлъ Наполеона; наоборотъ, онъ имъ восторгался, но онъ былъ ревнивъ: слава великаго завоевателя безпокоила его, не допускавшаго другой славы, кромѣ своей собственной. Надѣюсь, что теперь я говорю разумно?

— Да, въ первый разъ за весь вечеръ!—отвѣчала донья Аврора.

— Что не всегда случалось съ великимъ поэтомъ, еслибы онъ всегда поступалъ разумно, то, вмѣсто того, что бы только сильно любить свою жену, которая считала его сумасшедшимъ, онъ удержалъ-бы ее у себя и не влачилъ бы

того жалкаго существованія, въ которомъ онъ находился съ тѣхъ поръ.

— Я этого не понимаю!—сказала донья Аврора.

— Да и никто не понимаетъ!—прибавила донья Гермоза.

— Я хочу сказать,—отвѣчалъ Мигуель,—что еслибы моя жена сочла меня сумасшедшимъ по той простой причинѣ, что я, въ упоеніи поэтическимъ творчествомъ, бросилъ свои часы въ огонь, и подъ этимъ предлогомъ убѣжала бы отъ меня, какъ это сдѣлала жена Байрона, то я, вмѣсто того, чтобы писать ей кучу писемъ...

— Что бы вы сдѣлали?—спросила живо донья Аврора.

— Я сдѣлалъ-бы то, что испробовалъ-бы всякій добрый испанецъ въ подобномъ случаѣ... Но, прежде всего, скажи мнѣ, Луисъ, что сдѣлалъ-бы ты?

— Я?!

— Да, ты, еслибы любимая тобою жена убѣжала отъ тебя.

— У кого-же искать лучшаго примѣра, какъ не у Байрона?—писать ей, пытаться вернуть ее на добрый путь, покинуть который ее заставила минута заблужденія.

— Ба! плохое средство!

— А что же сдѣлалъ-бы ты?

— Я?—я сѣлъ-бы въ экипажъ; еслибъ экипажа не было,—на коня; еслибъ не нашлось коня, пошелъ бы пѣшкомъ къ тому дому, въ которомъ скрылась бѣглянка, взялъ бы ее тихонько за руку, сказавъ людямъ, находившимся тамъ: „дайте дорогу, сеньоры, это моя жена и я увожу ее къ себѣ“.

— Но еслибы она отказалась туда идти, кабаллеро?—спросила донья Аврора.

— Тогда... ясно, что я остался бы подлѣ нея; во всякомъ случаѣ, еслибъ даже хозяева выпроводили меня изъ своего дома, я бы не вышелъ оттуда одинъ. Но... гдѣ же кофе, сеньоры?

Въ это время вошелъ слуга и доложилъ, что кофе сервированъ въ смежномъ кабинетѣ. Общество прошло въ этотъ кабинетъ. Всѣ сѣли, и разговоръ возобновился.

— Какъ жаль, — вскричала m-me Барроль, — что донъ Мигуель не былъ въ Константинополѣ!

— Правда, сеньоры, — отвѣчалъ, смѣясь, молодой человѣкъ, — тамъ кофе пьютъ дюжинами чашекъ, но я далъ себѣ слово болѣе не путешествовать.

— Въ особенности, если для путешествія въ Константинополь придется ѣхать въ лодкѣ! — сказала значительно донья Гермоза.

— И, возвращаясь къ себѣ, провести половину ночи въ водѣ по самую шею! — прибавила донья Аврора тономъ упрека.

— И рисковать быть принятымъ какимъ нибудь усерднымъ таможеннымъ за контрабандиста! — заключилъ донъ Луисъ.

— Ого! И ты туда-же, мой другъ! Правда, что ты самый благоразумный изъ путешественниковъ, которыхъ я только знаю и никто лучше тебя не умѣетъ пуститься въ дорогу, рискуя столь малымъ!

— Тогда онъ разсчитывалъ па тебя! — сказала живо донья Гермоза.

— Да, Провидѣніе меня тогда надоумило.

— Ты правъ, Мигуель! — проговорила m-me Барроль.

— Твой удачный приходъ на помощь твоему другу въ ту страшную ночь, Мигуель, былъ всегда тайной для насъ! — проговорила донья Гермоза, содрогаясь при воспоминаніи о затронутомъ ею событіи.

— Ну, я въ хорошемъ настроеніи и могу тебѣ все разсказать, дорогая кузина, это было очень просто! — отвѣчалъ молодой человѣкъ. — Дѣло было такъ.

4-го мая, въ пять часовъ вечера, я получилъ отъ этого кабаллеро письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня, что въ ту же ночь онъ покидаетъ Буэносъ-Айресъ. Онъ слѣдуетъ модѣ, — сказалъ я самъ себѣ. Но въ то же время меня охватило предчувствіе какого-то несчастья, я отправился къ нему — ничего: двери заперты. Я посѣтилъ съ десятокъ нашихъ общихъ друзей, никто не видалъ его. На-

конецъ, въ девять съ половиной часовъ я не выдержалъ и ушелъ отъ m-me Барроль, въ первый разъ своей жизни погрѣшивъ противъ галантности. Я ушелъ подъ предлогомъ... подъ предлогомъ... донья Аврора закончитъ мою фразу. Я пошелъ прямо къ *барранкамъ* *) Резиденсіи, гдѣ живетъ одинъ шотланецъ, расположенный ко мнѣ, который, кажется, согласился вмѣстѣ съ Розасомъ увозить людей изъ Буэносъ-Айреса, онъ — въ Монтевиде, а Розасъ—въ кое-какое другое мѣсто. Но мой шотланецъ спалъ, какъ убитый, и его никакъ нельзя было добудиться. Тогда я подумалъ: всѣ, вѣдь, садятся на суда съ берега, а поэтому, слѣдуя по берегу, я имѣю шансы встрѣтиться съ Луисомъ. Составивъ этотъ силлогизмъ, въ которомъ мнѣ позавидовалъ-бы сеньоръ Гарригосъ, который, какъ вы знаете, самый логичный человѣкъ изъ нашихъ представителей, я спустился въ барранку и пошелъ вдоль берега рѣки.

— Одинъ?—вскричала, блѣднѣя, донья Аврора.

— Ну, если меня прерываютъ, то я умолкаю!—проговорилъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, продолжайте! — отвѣчала молодая дѣвушка, стараясь улыбнуться.

— Въ добрый часъ! Итакъ, я направился къ Ретиро. Пройдя такимъ образомъ нѣсколько куадръ, я уже началъ ощущать скуку отъ окружавшаго меня пустыннаго безмолвія, какъ вдругъ мнѣ послышался звонъ оружія. Я направился въ ту сторону и вскорѣ узналъ голосъ того, кого я искалъ. Затѣмъ... затѣмъ... разсказъ конченъ, — сказалъ вдругъ донъ Мигуель, замѣтивъ, что дамы были страшно блѣдны.

Данъ Луисъ хотѣлъ перевести разговоръ на другой предметъ, какъ въ дверяхъ салона послышался легкій шумъ. Всѣ обернулись и черезъ стеклянную дверь, отдѣлявшую кабинетъ отъ гостиной, увидѣли вновь вошедшихъ. Это были донья Агустина Розасъ де-Мансилья и донья Марія

---

*) Лощина, промытая водою.

Хозефа Эскурра, стука колесъ экипажа которыхъ они не слышали: такъ ихъ заинтересовалъ разсказъ дона Мигуеля.

Донъ Луисъ не имѣлъ времени удалиться во внутреннія комнаты, что онъ дѣлалъ всегда, когда донья Гермоза принимала своихъ свѣтскихъ знакомыхъ.

Молодая вдова была одна изъ присутствующихъ, которая не была знакома съ доньей Маріей Хозефа Эскурра, но, замѣтивъ ее, Гермоза вдругъ почувствовала какую-то тоску на сердцѣ и невольную антипатію къ вновь прибывшей гостьѣ, такъ что ей стоило большаго усилія надъ собой пожать концами пальцевъ протянутую ей страшной старухой руку.

Когда донья Агустина сказала ей:

„Честь имѣю представить вамъ сеньору донью Марію Хозефа Эскурри, родственницу Ресторадора“, то нервная дрожь охватила молодую женщину и ея глаза инстинктивно стали искать глазъ дона Луиса.

— Вы не ожидали меня въ такую дурную погоду, не правда-ли?—проговорила донья Агустина, опускаясь въ кресло около камина.

Между тѣмъ донья Марія Хозефа, случайно или нарочно, сѣла противъ дона Луиса.

Донья Гермоза не имѣла возможности представить ей молодого человѣка, а всѣ остальныя лица были знакомы другъ съ другомъ.

— Это дѣйствительно пріятный сюрпризъ! — отвѣчала она на слова доньи Агустины.

— Мизи Марія Хозефа непремѣнно хотѣла поѣхать къ кому-нибудь и, зная съ какимъ удовольствіемъ я бываю у васъ, сама приказала кучеру везти сюда.

Донъ Мигуель насторожилъ уши, хотя, повидимому, былъ совершенно поглощенъ созерцаніемъ огня въ каминѣ.

— Впрочемъ, я вижу, — продолжала донья Агустина, — что не мы однѣ вспомнили о васъ: вотъ я вижу m-me Барроль, которая, кажется, ужъ съ годъ не была у меня,

неблагодарная Аврора! А сеньоръ донъ Мигуель дель-Кампо! Наконецъ, я имѣю удовольствіе встрѣтить сеньора Бельграно, котораго цѣлый вѣкъ нигдѣ не видно!

Между тѣмъ донья Марія Хозефа разсматривала молодого человѣка съ головы до ногъ.

— Это вышло случайно,—отвѣтила молодая вдова,—мои друзья рѣдко пріѣзжаютъ сюда.

— Если я рѣдко имѣю удовольствіе васъ видѣть, Агустина, — сказала m-me Барроль, — то согласитесь, что моя дочь часто бываетъ у васъ.

— Со времени бала я видѣла ее только два раза.

— Но вы, сеньора, ведете такой прелестный образъ жизни,—проговорила донья Марія, обращаясь къ доньѣ Гермозѣ,—что приходится почти завидовать вашему уединенію.

— Я живу очень спокойно, сеньора.

— О, Барракасъ очаровательное мѣсто, въ особенности для здоровья, — проговорила старуха, и, указывая на дона Луиса, она спросила: — Этотъ кабаллеро выздоравливающій, безъ сомнѣнія?

Донья Гермоза покраснѣла.

— Я совершенно здоровъ, сеньора, — отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— А, извините меня, сеньоръ; но вы выглядите такимъ блѣднымъ...

— Я всегда такой.

— Тѣмъ болѣе, — продолжала она, — что вы не носите девиза и вашъ галстукъ въ столь холодное время едва завязанъ. Поэтому я предполагала, сеньоръ, что вы живете въ этомъ домѣ.

— Однако, сеньора, — поспѣшилъ вмѣшаться въ разговоръ донъ Мигуель, чтобы избѣжать отвѣта со стороны дона Луиса, который могъ быть или ложью, или слишкомъ откровеннымъ объясненіемъ, — я обращу ваше вниманіе на то, что шотландцы, живущіе въ очень холодной странѣ, ходятъ наполовину обнажая колѣна. Все дѣло въ привычкѣ къ холоду, вотъ и все!

— Шотланцы—*гринюсъ* *), а мы живемъ въ Буэносъ-Айресѣ!—возразила донья Марія Хозефа.

— Но въ Буэносъ-Айресѣ зимы страшно суровы! — сказала m-me Барроль.

— Вы поставили у себя камины, мизи Марія Хозефа?— спросила донья Аврора, которая, подобно всѣмъ остальнымъ, старалась отвлечь вниманіе старухи отъ дона Луиса.

— Я имѣю слишкомъ много дѣлъ, дорогая, чтобы заниматься такими мелочами. Когда унитаріи причиняютъ намъ столько хлопотъ, есть-ли время думать о своихъ удобствахъ?

— Что касается меня, то я не поставлю камина, потому что Мансилья, покинувъ теплый уголокъ, можетъ простудиться!—сказала Агустина.

— Мансильѣ въ этотъ моментъ довольно жарко! — сказала донья Марія Хозефа.

— Какъ? Развѣ сеньоръ генералъ боленъ? — спросила донья Гермоза.

— Онъ никогда не чувствуетъ себя особенно хорошо, но сегодня я не слыхала, чтобы онъ жаловался на что-нибудь,—отвѣчала Агустина.

— Нѣтъ, его жаръ не отъ болѣзни,— сказала старуха,— а отъ энтузіазма. Развѣ вы не знаете, что вотъ ужъ третій день празднуется отступленіе нечестивыхъ унитаріевъ? Всѣ федералисты знаютъ объ этомъ.

— Мы какъ разъ говорили объ этомъ, когда вы вошли,— сказалъ донъ Мигуель,—это была страшная битва.

— Да, ихъ попотчивали такъ, какъ они того заслуживали.

— О, да, я вамъ скажу!

— И,— прибавилъ донъ Луисъ, — еслибы ночь не была такъ темна...

---

*) Возраженіе презрѣнія, почти непереводимое, употребляемое по отношенію къ иностранцамъ. Оно обозначаетъ приблизительно— идолопоклонникъ, невѣрный. Южные американцы были убѣждены, а многіе и теперь еще держатся того мнѣнія, что европейцы—исчадія демоновъ, безъ вѣры и закона. *Прим. автора.*

— Что вы говорите о ночи, сеньоръ Бельграно,—вскричала старуха,—сраженіе произошло среди бѣлаго дня!

— Это правда,—отвѣтилъ донъ Мигуель, — битва была днемъ, но мой другъ хочетъ сказать, что еслибы не наступила такая темная ночь, то ни одинъ изъ враговъ не ускользнулъ-бы.

— А, конечно! А Вы присутствовали при нѣкоторыхъ торжествахъ, сеньоръ Бельграно?

— Мы ходили вмѣстѣ осматривать разукрашенныя улицы и площади!—поспѣшилъ отвѣтить донъ Мигуель, боясь, чтобы донъ Луисъ не проговорился.

— Какія великолѣпныя знамена!—вскричала донья Аврора.—Гдѣ ихъ можно столько достать, сеньора?

— Ихъ можно купить, нинья, кромѣ того, ихъ дѣлаютъ добрыя федералистки. Вы украшали свой домъ, сеньора?

— Нѣтъ, сеньора, онъ такъ удаленъ...

— Я не нахожу этого!—возразила донья Марія Хозефа.

— А театръ болѣе не украшенъ, нинья Марія Хозефа? Вы были въ немъ?

— Нѣтъ, Аврора, я не ходила въ театръ, хотя знаю, что тамъ много энтузіазма. А вы, сеньоръ Бельграно, были тамъ?

— Если такъ,—сказала живо Аврора,—то въ первый же разъ, какъ я пойду въ театръ, я захвачу васъ. Согласны?

— Не безпокойся изъ-за меня, нинья, я не пойду въ театръ,—отвѣчала тономъ раздраженія старуха, понявшая, что ее хотятъ отклонить отъ разговора съ дономъ Луисомъ.

— Театръ — самый лучшій центръ, гдѣ можно видѣть народный энтузіазмъ!—замѣтилъ донъ Мигуель.

— Да, — сказала донья Агустина, но ихъ крики мѣшаютъ слушать музыку.

— Эти крики самая прекрасная музыка нашего святого дѣла!—холодно возразилъ молодой человѣкъ.

— Хорошо сказано!—прибавила старуха.

— Аврора, почему вы не сыграете немного на фортепьяно?

— Ваша мысль прелестна, Гермоза! Сядь за фортепьяно, Аврора.

— Хорошо, мама. Что желаете вы послушать, донья Марія Хозефа?

— Это мнѣ все равно.

— Хорошо, подойдите сюда, я пою очень плохо, но чтобы быть вамъ пріятной, сдѣлаю усиліе и спою свой любимый романсъ El Natalicio del Restaurador (Рожденіе Ресторадора): сядьте у фортепьяно.

— Но, дорогая, мнѣ такъ трудно встать, когда я уже сѣла!

— Хорошо, все-таки подойдите.

— Какое ты несносное дитя! Однако, приходится повиноваться,—отвѣчала старуха съ демонской улыбкой,—простите меня, сеньоръ Бельграно. Вы видите, что меня заставляютъ.

Съ этими словами старуха, какъ-бы ища опоры, положила свою руку на лѣвое бедро дона Луиса и налегла на него всею тяжестью своего тѣла какъ разъ въ мѣсто раны, еще плохо зарубцевавшейся и при томъ съ такою силою, что боль была страшная. Донъ Луисъ, несмотря на все свое мужество, откинулся назадъ, вскрикнувъ задыхающимся голосомъ:

— Ахъ, сеньора!

И, почти потерявъ сознаніе, блѣдный, какъ трупъ, застылъ безъ движенія въ своемъ креслѣ.

Донъ Мигуель съ болью въ душѣ отвернулъ свое лицо.

Всѣ присутствовавшіе, за исключеніемъ доньи Агустины, поняли тотчасъ, что поступокъ Маріи Хозефы былъ слѣдствіемъ коварнаго разсчета. Они были возмущены.

— Развѣ я причинила вамъ боль? Извините меня, кабаллеро,—проговорила старуха, лицо которой свѣтилось удовлетворенной злобой.—Если-бы я знала, что вы такъ чувствительны на лѣвое бедро, то я попросила-бы у васъ руку, чтобы подняться. О старость! Еслибъ я была молода, то не причинила бы вамъ такой печали. Извините же меня, мой милый молодой человѣкъ,—прибавила она съ ироніей

и затѣмъ преспокойно сѣла за фортепьяно, у котораго уже стояла донья Аврора.

Подъ вліяніемъ естественнаго чувства жалости, донья Гермоза забыла всякій страхъ, всякое благоразуміе даже относительно родственниковъ Розаса, находившихся тутъ; она встала, намочила свой носовой платокъ въ одеколонѣ и приложила его къ лицу дона Луиса, который начиналъ приходить въ себя. При этомъ она, оттолкнувъ вдругъ кресло, занимаемое ранѣе доньей Маріей Хозефой, взяла другое и храбро сѣла подлѣ того, кого любила, не заботясь о томъ, что она повернулась спиной къ невѣсткѣ и въ то же время другу тирана.

Донья Агустина ничего не замѣтила, она болтала съ m-me Барроль о различныхъ пустякахъ, по своему обыкновенію. Донья Аврора пѣла и играла машинально, не сознавая того, что она дѣлала.

Донья Марія Хозефа наблюдала за дономъ Луисомъ и доньей Гермозой, поднявъ голову со злою улыбкой.

Что касается дона Мигуеля, то онъ, опершись о каминъ, предавался глубокимъ размышленіямъ.

— Ничего, все уже прошло! — сказалъ донъ Луисъ на ухо молодой вдовѣ, когда почувствовалъ себя немного лучше.

— О, эта женщина демонъ, — также шепотомъ отвѣчала ему донья Гермоза; — съ первой же минуты, какъ они появилась здѣсь, она заставила насъ страдать.

— Гм... — произнесъ донъ Мигуель, бросивъ суровый взглядъ на своего друга и свою кузину; — у огня очень пріятно.

— Да, — отвѣчала m-me Барроль, — но...

— Но, — прервалъ ее донъ Мигуель, бросивъ на понятливую даму быстрый взглядъ, значеніе котораго она поняла тотчасъ, — мы воспользуемся имъ только до десяти или одиннадцати часовъ самое позднее, къ несчастью.

— Вотъ объ этомъ я и думала, — отвѣчала m-me Барроль; — поэтому я воспользуюсь, какъ можно, долѣе моимъ

сегодняшнимъ пріятнымъ визитомъ, тѣмъ болѣе, что рѣдко могу доставлять себѣ это удовольствіе.

— Мерси, сеньора!—отвѣчала донья Гермоза.

— Вы правы,—прибавила донья Агустина, — и что касается меня, то я бы осталась, еслибы не была вынуждена отправиться въ другое мѣсто.

— Ну, что, довольны вы? — спросила донья Аврора у доньи Маріи Хозефы, отходя отъ фортепьяно.

— О, совершенно! Вы чувствуете себя лучше, сеньоръ Бельграно?

— Да, сеньора!—отвѣчала молодая вдова, даже не обернувшись.

— Надѣюсь, что вы не будете сердиться на меня, а?

— О, сеньора! Это пустяки! — съ усиліемъ отвѣтилъ донъ Луисъ.

— Тогда я обѣщаю вамъ не говорить никому, что у васъ такое чувствительное лѣвое бедро, или, по крайней мѣрѣ,—молодымъ дѣвушкамъ, а то онѣ всѣ пришли бы смотрѣть, какъ вы лишаетесь чувствъ.

— Не желаете ли вы присѣсть, сеньора? — спросила ее молодая вдова.

— Нѣтъ, нѣтъ,—вскричала донья Агустина,—мы отправляемся. У меня есть еще визитъ и я хочу быть дома до девяти часовъ.

Прелестная жена генерала Мансильи встала и приготовилась уходить. Ея примѣру послѣдовала донья Марія Хозефа. Прощаніе съ обѣихъ сторонъ было очень холодно.

Донъ Мигуель вышелъ проводить дамъ до ихъ экипажа.

Въ дверяхъ гостиной, донья Марія Хозефа обернулась и, бросивъ взглядъ тигрицы на дона Луиса, произнесла:

— Итакъ, не сердитесь на меня. Совѣтую вамъ не лить слишкомъ много одеколону на ваше бедро, а то оно будетъ слишкомъ болѣть.

И она удалилась, злобно улыбаясь.

Послѣ ухода обѣихъ дамъ въ гостиной воцарилась страшное и тягостное молчаніе.

Донья Гермоза нарушила его.

— Боже мой,— проговорила она,— что это за женщина!

— Она похожа только на самое себя! — отвѣчала m-me Барроль.

— Но что-же мы ей сдѣлали? Зачѣмъ она пришла сюда, если хотѣла причинить намъ зло, не зная ни меня, ни дона Луиса?

— Увы! кузина, вся наша работа пропала, всѣ наши предосторожности ни привели ни къ чему! Эта женщина нарочно пришла сюда. Она, безъ сомнѣнія, получила отъ кого-нибудь доносъ на Луиса и, къ несчастью, все открыла.

— Какъ, что она открыла?

— Все, Гермоза, неужели ты предполагаешь, что она случайно оперлась такъ страшно на лѣвое бедро Луиса?

— Да, да, — вскричала донья Аврора; — она знала, что одинъ человѣкъ былъ раненъ въ бедро!

Присутствующіе обмѣнялись печальнымъ взглядомъ.

Донъ Мигуель продолжалъ спокойно и значительно:

— Дѣйствительно, это единственная примѣта, которою снабдили человѣка, успѣвшаго скрыться въ ночь на 4 мая. Она пришла сюда только съ этимъ коварнымъ намѣреніемъ. внушеннымъ ей, безъ сомнѣнія, только демономъ.

— Но кто сказалъ ей объ этомъ?

— Не будемъ говорить объ этомъ, моя бѣдная Гермоза. Только знайте, что всѣ мы на краю пропасти. Прежде всего надо сдѣлать одну вещь.

— Какую? — вскричали всѣ съ одинъ голосъ.

— Необходимо, чтобы Луисъ немедленно покинулъ этотъ домъ и отправился со мною.

— О, нѣтъ! — гордо вскричалъ молодой человѣкъ, — нѣтъ! Я понимаю теперь весь злобный умыселъ этой женщины, угадываю ея цѣль; но именно потому, что я считаю себя открытымъ, и хочу остаться здѣсь.

— Ни одной секунды! — отвѣчалъ ему сухо Мигуель.

— Но она, дружище? — вскричалъ донъ Луисъ съ тоской.

— Она не можетъ тебя спасти.

— Это правда, но я буду защищать ее.

— Тѣмъ, что погубишь себя и ее?

— Нѣтъ, я погибну одинъ.

— Я позабочусь о ней.

— Но развѣ они придутъ сюда? — спросила донья Гермоза съ безпокойствомъ.

— Часа черезъ два или, можетъ быть, черезъ часъ!

— О, Боже мой! Отправляйтесь, Луисъ, умоляю васъ! — вскричала молодая вдова.

— Да, идемте съ нами, донъ Луисъ: моя дочь говорила отъ моего имени! — прибавила m-me Барроль.

— Во имя неба, сеньоры, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Честь велитъ мнѣ остаться.

— Я не могу рѣшительно утверждать, — сказалъ донъ Мигуель, — что сегодня ночью что-нибудь случится, но боюсь, Гермоза не останется одна; не болѣе какъ черезъ часъ я вернусь и буду подлѣ нея.

— Но Гермоза можетъ отправиться вмѣстѣ съ нами! — сказала донья Аврора.

— Нѣтъ, она должна остаться здѣсь, а съ нею и я, — возразилъ молодой человѣкъ. — Если ночь будетъ спокойна, ну, тогда я завтра поработаю, такъ какъ сегодня много работала сеньора Марія Хозефа. Во всякомъ случаѣ намъ надо спѣшить. Ну, Луисъ, бери твою шляпу, плащъ и слѣдуй за мной.

— Нѣтъ! — вскричалъ тотъ.

Тогда донья Гермоза подошла къ нему и съ глазами, полными слезъ, заговорила умоляющимъ голосомъ, подавляя душившія ее рыданія.

— Луисъ, вотъ первая просьба, съ которой я обращаюсь къ вамъ: умоляю васъ, на сегодняшнюю ночь отдайтесь вполнѣ въ распоряженіе Мигуеля, а завтра... завтра мы увидимся, чтобы ни случилось.

— Хорошо, — проговорилъ молодой человѣкъ глухимъ голосомъ, — я повинуюсь вамъ, сеньора!

— Домой, домой къ намъ, донъ Луисъ! — вскричала радостно донья Аврора.

— Нѣтъ, ангелъ доброты, — сказалъ ей Мигуель съ улыбкой, полной ласки и нѣжнымъ голосомъ;—ни къ вамъ, ни ко мнѣ, ни къ нему, такъ какъ въ этихъ трехъ домахъ его могутъ найти, но въ другой домъ... какой... это мое дѣло.

— Итакъ,— проговорилъ донъ Луисъ, — черезъ часъ ты будешь около своей кузины?

— Да, черезъ часъ.

— До скораго свиданія, Гермоза. Вы требуете моего отъѣзда, я вамъ повинуюсь! — сказалъ онъ печальнымъ голосомъ.

— Спасибо, спасибо, Луисъ! — отвѣчала она, заливаясь слезами.

Нѣсколько минутъ спустя двери дома молодой вдовы были крѣпко заперты.

Старый Хозе, которому донъ Мигуель далъ передъ своимъ уходомъ нѣкоторыя инструкціи, прохаживался отъ передней до воротъ. Подлѣ одного окна лежали двухствольное ружье дона Луиса и его длинная рапира, кромѣ того, старый ветеранъ войны за независимость заложилъ за свой поясъ широкій кинжалъ.

Слуга дона Луиса, вооруженный также съ ногъ до головы, сидѣлъ на порогѣ дверей и былъ готовъ въ каждую минуту исполнить приказаніе стараго солдата, которому донъ Мигуель приказалъ никому не открывать дверей до своего возвращенія.

II.

Una noche toledana.

(Бѣлая ночь).

Донъ Мигуель, несмотря на свое стараніе, не могъ, согласно своему обѣщанію, вернуться черезъ часъ въ Барра-

касъ. Ему надо было сопровождать m-me Барроль и ея дочь до ихъ квартиры; затѣмъ проводить пѣшкомъ, чтобы не посвящать кучера въ тайну, дона Луиса очень далеко отъ улицы Завоевателей; потомъ пройти къ себѣ, дать нѣкоторыя приказанія своему слугѣ, велѣть осѣдлать лошадь и только тогда отправиться въ Барракасъ. Было ровно половина десятаго, т. е. прошло полтора часа съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ свою кузину, и тронулся въ путь, размышляя о томъ, что произошло во время визита невѣстки Ресторадора и представляя себѣ возможныя послѣдствія этихъ событій, подготовленныхъ злобою доньи Маріи Хозефы.

— Гм...—пробормоталъ онъ,—Розасъ заинтересованъ въ гибели Луиса, такъ какъ это былъ первый, кто сталъ на пути исполненія одного изъ его плановъ и тѣмъ вызвалъ его неудачу. Китиньо, а слѣдовательно и Масъ-Горка такъже заинтересованы въ Луисѣ, такъ какъ его голова можетъ служить доказательствомъ ихъ усердія, которое, благодаря храбрости Луиса, представлялось въ неблаговидномъ свѣтѣ. Донья Марія Хозефа также имѣетъ интересъ погубить Луиса, главнымъ образомъ вслѣдствіе своего дьявольскаго характера, воодушевлявшаго ее на всевозможное зло. Итакъ, для всѣхъ этихъ лицъ Луисъ преступникъ, лишенный покровительства закона. Но у этого преступника есть сообщники: донья Гермоза, онъ самъ, Мигуель, а, можетъ быть, кто знаетъ, m-me Барроль съ дочерью. Что дѣлать, Боже мой, и какъ отвратить эти страшныя опасности?—мысленно съ отчаяніемъ проговорилъ донъ Мигуель.

Молодой человѣкъ боялся вовсе не за себя: донъ Мигуель никогда не думалъ о себѣ; такъ и въ данный моментъ онъ думалъ только о другихъ.

— Ба!—воскликнулъ вдругъ молодой человѣкъ,—предоставимъ событіямъ идти своимъ чередомъ, а я выкажу огонь подъ ихъ ударами: если они изъ стали, то я окажусь кремнемъ.—Покончивъ такимъ образомъ со своими сомнѣніями, онъ продолжалъ путь къ кинтѣ.

*

Но, достигнувъ дороги, ведшей изъ Де-ла-Бока въ Санта-Лючію, онъ замѣтилъ близъ улицы Ларга шесть человѣкъ, ѣхавшихъ верхомъ съ такою быстротою, какую допускали только силы лошадей.

Тайное предчувствіе сказало молодому человѣку, что эти неизвѣстные не чужды событіямъ сегодняшняго вечера. Инстинктивно онъ, задержавъ свою лошадь въ моментъ встрѣчи съ ними, пропустилъ ихъ, и когда они были отъ него шагахъ въ пятидесяти, издали послѣдовалъ за ними.

Было что-то грандіозное въ отважныхъ дѣйствіяхъ молодого человѣка, который, не будучи въ состояніи разсчитывать на другую помощь, кромѣ своего оружія, посреди этой глубокой ночи, освѣщаемой только нѣкоторыми бѣглыми огоньками, храбро шелъ, быть можетъ, оспаривать жертву у могущественнаго убійцы, сдѣлавшагося главою федераціи.

— Ага! Я не ошибся, — пробормоталъ онъ, видя, что шесть солдатъ остановились передъ домомъ доньи Гермозы, соскочили со своихъ коней и принялись грубо стучать въ двери молоткомъ и рукоятками своихъ бичей.

Они не имѣли времени возобновить свой стукъ, такъ какъ донъ Мигуель появился среди нихъ и спросилъ ихъ рѣшительнымъ голосомъ:

— Что такое, сеньоры?

— А вы кто такой?

— Я человѣкъ, имѣющій право обратиться къ вамъ съ такимъ вопросомъ. Вы явились сюда по приказанію, не такъ ли?

— Да, сеньоръ, по приказанію!—отвѣчалъ одинъ изъ этихъ людей, приближаясь и вглядываясь въ дона Мигуеля.

Послѣдній спокойно соскочилъ съ коня.

— Отвори, Хозе!—крикнулъ онъ.

Шесть неизвѣстныхъ окружили дона Мигуеля, не зная, что думать о немъ.

Каждый полагался въ этомъ случаѣ на своего товарища, уступая ему инициативу.

Дверь отворилась. Донъ Мигуель, отстранивъ двухъ слугъ, вышедшихъ навстрѣчу къ нему, вошелъ твердымъ шагомъ, сказавъ неизвѣстнымъ:

— Войдите, сеньоры!

Они устремились вслѣдъ за нимъ.

Донъ Мигуель открылъ затѣмъ дверь гостиной, въ которую и вошелъ, сопровождаемый незнакомцами, волочившими свои сабли по коврамъ и раздиравшими ихъ своими шпорами.

Донья Гермоза стояла блѣдная у стола въ то время, какъ дверь открылась. Она покраснѣла, увидѣвъ, что эти люди вошли съ шляпами на головѣ съ дерзкимъ видомъ и грубыми жестами, но донъ Мигуель взглядомъ посовѣтовалъ ей соблюдать благоразумiе.

Молодой человѣкъ, скинувъ свое *пончо*, бросилъ его на ближайшее кресло, и, обнаруживъ такимъ образомъ свой пунцовый жилетъ, какой въ эту эпоху начали носить наиболѣе ярые федералисты и широкiй девизъ на груди- обратился къ незнакомцамъ, которые еще сами не имѣли опредѣленнаго понятiя о томъ, что они должны были дѣлать.

— Кто командуетъ вашимъ отрядомъ?

— Я!—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, выступая впередъ.

— Офицеръ?

— Ординарецъ подполковника Китиньо.

— Вы пришли въ этотъ домъ съ цѣлiю арестовать одного человѣка?

— Да, сеньоръ!

— Хорошо! Читайте!—проговорилъ донъ Мигуель, вынувъ изъ своего кармана какую-то бумагу и подавая ее начальнику отряда.

Солдатъ взялъ бумагу, развернулъ ее, посмотрѣлъ на нее, повертѣлъ во всѣ стороны, увидѣлъ, что на ней была печать и, наконецъ, передалъ ее одному изъ своихъ спутниковъ со словами:

— Возьми, ты умѣешь читать!

Послѣдній приблизился къ лампѣ и, разбирая слова по слогамъ, наконецъ прочелъ то, что въ ней было написано:

„Да здравствуетъ Федерація!

Да здравствуетъ Ресторадоръ нашихъ законовъ!

Смерть нечистымъ и сквернымъ унитаріямъ!

Смерть измѣннику Риверѣ и нечестивымъ французамъ!“

„Податель сего, донъ Мигуель дель-Кампо находится на службѣ народнаго общества „Ресторадора“. Все, что онъ дѣлаетъ, служитъ для пользы святого дѣла Федераціи, однимъ изъ лучшихъ слугъ которой является онъ.

Буэносъ-Айресъ, 10-го іюля 1840 г.

Президентъ Хуліанъ Гонзалесъ Соломонъ.

Секретарь Бонео“.

— Теперь, — проговорилъ донъ Мигуель, смотря на солдатъ Китиньо болѣе нерѣшительно, чѣмъ прежде,— кто-же тотъ человѣкъ, котораго вы ищете въ этомъ домѣ, гдѣ я свой человѣкъ и въ которомъ никогда не скрывался дикій унитарій?

Ординарецъ Китиньо хотѣлъ отвѣчать, но въ это время послышался шумъ, заставившій всѣхъ обернуться. Оказалось, что во дворъ въѣхали галопомъ пять или шесть всадниковъ, производя адскій шумъ конскими подковами, и въ салонъ въ безпорядкѣ вошло пять солдатъ, звеня шпорами и стуча саблями. Донья Гермоза машинально встала подлѣ дона Мигуеля, а маленькая Лиза схватилась за руки своей госпожи.

— Живой или мертвый!—входя, вскричалъ тотъ, кто находился во главѣ новоприбывшихъ.

— Ни живой, ни мертвый,—подполковникъ Китиньо,— отвѣчалъ донъ Мигуелъ.

— Онъ убѣжалъ?

— Нѣтъ; убѣгаютъ, сеньоръ подполковникъ,—возразилъ молодой человѣкъ, — унитаріи, которые, не осмѣливаясь встрѣчаться съ нами, стараются востановить насъ одного противъ другого. Отъ ихъ лукавства и безумія, которымъ

они выучились у грингосъ, не безопасенъ и домъ федералиста. Идя по этому пути, мы дойдемъ, наконецъ, до того, что завтра Ресторадора извѣстятъ о пребываніи какого-нибудь дикаго унитарія въ домѣ самого подполковника Китиньо, лучшей шпаги федераціи! Этотъ домъ мой, подполковникъ; эта дама моя кузина. Я провожу здѣсь большую часть своего времени. Мнѣ нѣтъ нужды клясться въ томъ, что тамъ, гдѣ я нахожусь, нѣтъ скрывающихся унитаріевъ. Хозе, проводи этихъ кабаллеро осмотрѣть домъ.

— Никто не трогайся съ мѣста! — вскричалъ Китиньо, обращаясь къ солдатамъ, которые собирались послѣдовать за Хозе,—домъ федералиста не подлежитъ обыску. Вы такой-же добрый федералистъ, какъ и я сеньоръ, донъ Мигуель. Но скажите мнѣ, какъ случилось, что донья Марія Хозефа такъ обманула меня?

— Донья Марія Хозефа! — вскричалъ донъ Мигуель съ прекрасно разыграннымъ удивленіемъ.

— Да, она самая!

— Что-же она вамъ сказала, подполковникъ?

— Она велѣла передать мнѣ, что унитарій, ускользнувшій отъ насъ въ ночь на 4 мая, скрывается въ этомъ домѣ, что она сама видѣля его сегодня вечеромъ здѣсь и что его зовутъ Бельграно.

— Бельграно?

— Да, Луисъ Бельграно!

— Дѣйствительно, донъ Луисъ Бельграно приходилъ сюда сегодня, такъ какъ онъ имѣетъ обыкновеніе навѣщать мою кузину; но этотъ молодой человѣкъ, капитанъ, между прочимъ, насколько мнѣ извѣстно, совершенно здоровъ; я его видѣлъ такимъ въ городѣ всѣ эти дни, между тѣмъ какъ человѣкъ, о которомъ вы говорите,—прибавилъ онъ съ значительной улыбкой,—едва-ли можетъ свободно прогуливаться.

— Тогда кой чортъ все это значитъ? Я не такой человѣкъ, которымъ можно играть, караи!

— Это унитаріи, подполковникъ; они хотятъ обмануть насъ и посѣять раздоры между нами, федералистами. Вѣ-

роятно, они сочинили что-нибудь доньѣ Маріи Хозефѣ, которая, какъ женщина, не знаетъ ихъ такъ хорошо, какъ мы, ежедневно борющіеся съ ними. Но это не важно, все-таки отыщите этого молодого человѣка; онъ живетъ на улицѣ дель-Кибильдо. Если онъ дѣйствительно тотъ человѣкъ, котораго вы ищите, то вы его легко узнаете. Что касается меня, то я самъ навѣщу донью Марію Хозефу и самого дона Хуана Мануеля, если это будетъ нужно, чтобы узнать, неужели мы дошли до того, что такимъ образомъ должны посѣщать другъ друга.

— Нѣтъ, донъ Мигуель, не дѣлайте ничего, если все это продѣлки унитаріевъ, какъ вы говорите, — проговорилъ Катиньо, предполагавшій, что молодой человѣкъ имѣетъ большое вліяніе.

— Что я могу предложить вамъ, подполковникъ?

— Ничего, донъ Мигуель. Я желаю только, чтобы эта синьора не сердилась на меня за то, что мы сдѣлали; мы не знали, въ чей домъ входили.

Доньѣ Гермозѣ стоило большого труда сдѣлать легкій поклонъ подполковнику: она была совершенно поражена не только внезапнымъ приходомъ Китиньо, но еще больше присутствіемъ духа и спокойствіемъ дона Мигуеля.

— Итакъ, вы уходите, подполковникъ?

— Да, донъ Мигуель, и не отдамъ отчета въ своей экспедиціи доньѣ Маріи Хозефѣ, ручаюсь вамъ.

— Вы правы: все это болтовня женщинъ, больше ничего.

— Сеньора, повторяю вамъ свои извиненія и желаю вамъ спокойной ночи,—сказалъ Китиньо, кланяясь молодой вдовѣ.

Послѣ этого онъ удалился со своими подчиненными, сопровождаемый диномъ Мигуелемъ, который хотѣлъ посмотрѣть, какъ подполковникъ будетъ садиться на коня.

Донья Гермоза все еще неподвижно стояла подлѣ стола, когда донъ Мигуель, проводивъ подполковника, вернулся въ гостиную, хохоча какъ сумасшедшій, и обнялъ ее.

— Прости мнѣ, дорогая Гермоза, ту политическую ересь, которую я вынужденъ признавать на каждомъ шагу въ этой всеобщей комедіи, гдѣ я играю одну изъ самыхъ необыкновенныхъ ролей. Бѣдные люди, они владѣютъ грубою силою, а я умомъ, которымъ и пользуюсь; вотъ они и одурачены и находятся почти въ состояніи анархіи, такъ какъ Китиньо не будетъ болѣе придавать важности сообщеніемъ доньи Маріи Хозефы,—а старая злодѣйка въ свою очередь будетъ злиться на него.

— Гдѣ находится Луисъ?

— Въ безопасности.

— Но они пойдутъ къ нему?

— Вѣроятно, пойдутъ.

— Имѣетъ-ли онъ необходимыя бумаги?

— Никакихъ.

— Ну, а мы съ тобой въ какомъ положеніи?

— Въ плохомъ.

— Въ плохомъ?

— Въ очень плохомъ съ этого вечера. Къ несчастью, мы ничего не можемъ сдѣлать. Надо выжидать событій и въ нихъ самихъ искать средствъ избѣжать угрожающихъ намъ опасностей.

— Когда-же, наконецъ, я увижу Луиса?

— Черезъ нѣсколько дней!

— Какъ черезъ нѣсколько дней! Вѣдь было условлено, что завтра утромъ мы увидимся.

— Это правда, но въ условіе не входило то, что Китиньо посѣтитъ насъ сегодня ночью.

— Ну, если онъ не пріѣдетъ сюда, то я отправлюсь къ нему!

— Великолѣпно. Я не могу тебѣ ничего обѣщать и не могу отказать ни въ чемъ. Все будетъ зависить отъ результата посѣщенія женщины—демона, навѣстившей тебя сегодня. Неужели ты полагаешь, что эта страшная сивилла будетъ довольна тѣмъ, что здѣсь случилось съ Китиньо? Она будетъ разъярена и станетъ изыскивать всевозможныя средства

вредить намъ. Впрочемъ, во всемъ этомъ есть одно обстоятельство, которое меня успокаиваетъ.

— Какое, Мигуель?

— То, что въ этотъ моментъ у Розаса и его друзей много дѣла.

— Что такое? Договаривай, ради Бога!

— Ничего, глупость, дорогая Гермоза,—отвѣчалъ онъ, улыбаясь.

— Да говори-же; ты, право, невыносимъ.

— Спасибо!

— Ты заслуживаешь этого своей вѣчной улыбкой.

— Это потому, что я доволенъ.

— Доволенъ?

— Да.

— Ты имѣешь мужество говорить мнѣ это?

— Конечно.

— Но чѣмъ-же ты доволенъ? Тѣмъ, что мы находимся на краю вулкана?

— Нѣтъ; я доволенъ... слушай хорошенько, что я скажу тебѣ.

— Я тебя слушаю.

— Хорошо! Но прежде, Лиза, сдѣлай мнѣ удовольствіе и скажи слугѣ дона Луиса, что такъ какъ его господина нѣтъ, то я вмѣсто него выпью чашку чаю.

— Повторяю тебѣ, что ты невыносимъ,—вскричала донья Гермоза, когда Лиза вышла изъ гостиной.

— Я это знаю. Итакъ, я тебѣ сказалъ, что я доволенъ и хотѣлъ объяснить тебѣ причину этого, когда остановился, не правда-ли?

— Не знаю!—отвѣчала молодая вдова съ прелестной гримасой.

— Очень хорошо. Я доволенъ прежде всего тѣмъ, что Луисъ скрытъ въ надежномъ убѣжищѣ, затѣмъ оттого, что Лавалль, какъ извѣстно всѣмъ и каждому, находится теперь въ прелестномъ городкѣ Санъ-Педро.

— Уже!—вскричала донья Гермоза, сжимая въ своихъ

рукахъ руки своего кузена, и глаза ея засвѣтились радосьтю.

— Да, уже! Освободительная армія вступила, наконецъ, въ провинцію Буэносъ-Айресъ. Она находится теперь не болѣе, какъ въ тридцати лье отъ тирана, и мнѣ кажется, что это событіе довольно важно для того, чтобы возбудить вниманіе нашего Ресторадора.

— Ахъ! Такъ мы будемъ свободны?

— Кто знаетъ, дорогое дитя? Это будетъ зависить отъ хода дѣлъ.

— О Боже мой! Когда я подумаю о томъ, что черезъ нѣсколько дней Луису ужъ нечего будетъ опасаться!... Лавалль можетъ быть въ Буэносъ-Айресѣ дня черезъ три, не такъ-ли Мигуель?

— Не будемъ спѣшить, Гермоза; онъ можетъ прибыть черезъ восемь дней, даже черезъ шесть, но онъ можетъ также и никогда не прибыть.

— О! Это невозможно!

— Возможно, Гермоза, возможно. Онъ прибудетъ, если воспользуется моментомъ, чтобы овладѣть городомъ, не давъ Розасу времени войти и стать во главѣ силъ, которыя еще остались у него, или если городъ будетъ атакованъ и Розасъ покинетъ его и обратится въ бѣгство. Но если генералъ Лавалль будетъ упорно заниматься маневрами въ окрестностяхъ, то счастье можетъ оказаться на его сторонѣ. Не хочешь-ли я тебѣ прочитаю нѣкоторые отрывки изъ его дневного приказа по арміи?

— Да, да!—вскричала съ восторгомъ донья Гермоза.

Донъ Мигуель взялъ одну изъ бумагъ въ своемъ портфелѣ развернулъ и прочелъ слѣдующее:

„Главная квартира въ Санъ-Педро“.

„Черезъ нѣсколько дней армія рѣшитъ участь всѣхъ жителей республики; она разрѣшитъ великую задачу свободы двадцати народовъ, безпокойные взгляды которыхъ устремлены на пики ея храбрыхъ солдатъ.

„Главнокомандующій проситъ всѣхъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ арміи хорошенько проникнуться этой важной и славной миссіей, которую они призваны исполнить въ своемъ отечествѣ. . . . .

„Сеньоры, генералы, офицеры и солдаты освободительной арміи! вскорѣ участь республики будетъ рѣшена; вскорѣ намъ предстоитъ или быть покрытыми славою и благословеніями шести сотъ тысячъ аргентинцевъ, или умереть въ тюрьмахъ тирана, а то вести жалкую жизнь въ иностранныхъ государствахъ, между тѣмъ какъ ярость тирана обрушится на нашихъ отцовъ, женъ и дѣтей. Выбирайте, мои храбрые товарищи; полчаса храбрости достаточны для славы и счастья республики!

„Врагъ въ будущемъ сраженіи противопоставитъ намъ, вѣроятно, многочисленную армію. Но ничто не должно насъ удивлять. Если главнокомандующій отдастъ приказъ къ атакѣ, побѣда будетъ вѣрная. Все будетъ зависѣть отъ храбрости освободителей. Пусть кавалерія бросится стремительно на центръ непріятельской арміи: она не выдержитъ. Важно, чтобы легіоны, назначенные главнокомандующимъ, соединили свои усилія для того, чтобы обратить непріятеля въ бѣгство, а другіе должны преслѣдовать его.

„Главнокомандующій питаетъ громадное довѣріе къ своей арміи.

Хуанъ Лавалль".

— О, какъ это возвышенно!—вскричала восторженно молодая женщина, когда Мигуель кончилъ свое чтеніе.

— Да, дорогая Гермоза, я всегда находилъ, что всѣ прокламаціи и дневные приказы арміямъ сильно похожи одни на другихъ и что всѣ они возвышенны; но вотъ, что я лучше желалъ бы видѣть—это возвышенность въ дѣйствіяхъ. Предпріятіе генерала Лавалль будетъ великолѣпно, если онъ броситъ свои эскадроны на улицы Буэносъ-Айреса.

— Онъ придетъ.

— Дай Богъ!

— Но скажи мнѣ, какъ ты такъ неблагоразумно носишь такую важную бумагу въ своемъ карманѣ?

— Я ее получилъ въ томъ домѣ, куда отвелъ Луиса.

— Какой-же этотъ домъ?

— Просто домъ одного служащаго!

— Боже мой! Ты спряталъ Луиса въ домъ служащаго Розаса?

— Нѣтъ, сеньора, въ домѣ моего служащаго.

— Твоего?

— Да, но тише!.. У дверей на улицѣ остановился конь.

— Хозе!—крикнулъ онъ, входя во дворъ.

— Сеньоръ?—отвѣчалъ ветеранъ.

— Кто-то находится за дверьми?

— Нужно открыть, сеньоръ?

— Да, открой, уже стучатъ въ дверь.

Донъ Мигуель вернулся въ гостиную и сѣлъ подлѣ своей кузины. Донья Гермоза поблѣднѣла, а молодой человѣкъ былъ такъ же спокоенъ и полонъ вѣры въ себя, какъ и всегда: онъ ожидалъ новаго событія, которое, безъ сомнѣнія, должно было усложнить трудность положенія, какъ его собственнаго, такъ и его друзей.

Уже минула полночь. Кто могъ придти въ такой поздній часъ, какъ не посланный тѣхъ, противъ которыхъ была начата борьба?

Въ этотъ моментъ вошелъ Хозе съ письмомъ въ рукѣ.

— Какой-то солдатъ принесъ это письмо сеньорѣ!—проговорилъ онъ.

— Онъ одинъ?—спросилъ Донъ Мигуель.

— Одинъ.

— Ты посмотрѣлъ на дорогу?

— Тамъ нѣтъ никого.

— Хорошо, иди и смотри въ оба.

— Вскрой это письмо!—сказала донья Гермоза, протягивая письмо своему кузину.

— Ага!—вскричалъ донъ Мигуель, быстро пробѣжавъ

глазами письмо;—взгляни на подпись: она принадлежитъ важной особѣ, которую ты знаешь.

— Мариньо!—пробормотала она, краснѣя.

— Да, Мариньо! Что-же, прочтемъ его вмѣстѣ?

— Да, прочтемъ, прочтемъ!

— Донъ Мигуель прочелъ слѣдующее:

„Сеньора!

„Я сейчасъ узналъ, что Вы замѣшаны въ одно очень непріятное и даже до извѣстной степени опасное для Вашего спокойствія дѣло. Власти получили изъ надежнаго источника свѣдѣніе, что Вы въ теченіе довольно продолжительнаго времени скрывали у себя врага правительства, преслѣдуемаго правосудіемъ. Извѣстно, что въ настоящее время это лицо не находится болѣе у Васъ; но такъ какъ, вѣроятно, Вамъ извѣстно мѣсто, гдѣ скрылся бѣглецъ, то я имѣю основаніе предполагать, что Вы будете предметомъ самыхъ серьезныхъ выслѣживаній со стороны полиціи.

„Находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи, Вы нуждаетесь въ немедленной помощи друга, и такъ какъ, вслѣдствіе занимаемаго мною положенія, я имѣю постоянныя сношенія со многими весьма вліятельными лицами, то и рѣшаюсь предложить Вамъ свои услуги, будучи убѣжденъ, что съ того дня, какъ Вы примете ихъ, Вы будете находиться внѣ всякой опасности.

„Для этого достаточно будетъ, если Вы, довѣрившись мнѣ, благоволите сказать мнѣ, въ которомъ часу завтра Вы сдѣлаете честь принять меня, чтобы вмѣстѣ обсудить тѣ мѣры, которыхъ надо держаться при настоящихъ обстоятельствахъ, я обѣщаю Вамъ, что Ваше письмо, мой визитъ и тѣ, которыя въ будущемъ я буду имѣть честь Вамъ дѣлать, будутъ покрыты самою глубою тайною...

— Довольно! Довольно!—вскричала донья Гермоза, пытаясь овладѣть письмомъ.

— Нѣтъ, подожди, тамъ еще что-то написано.

И онъ продолжалъ:

„Давно уже, по причинамъ высшей важности, Вашъ утонченный умъ понялъ безъ сомнѣнія, что я искалъ, но тщетно, случая, представившагося мнѣ сегодня, предложить Вамъ свои услуги съ величайшимъ почтеніемъ, преданностью и дружбою, съ которыми кланяется преданный Вамъ S. Q. B. S. P. *)

Николай Мариньо“.

— Вотъ и все!—сказалъ донъ Мигуель, смотря на свою кузину съ самымъ комичнымъ видомъ, какой только можетъ принимать человѣческая физіономія.

— Да, но достаточно для того, чтобы назвать того человѣка несноснымъ!—вскричала она.

— Пусть такъ; но такъ какъ каждое письмо требуетъ отвѣта, то интересно знать, что ты ему отвѣтишь?

— Что я ему отвѣчу? Дай мнѣ письмо!

— Нѣтъ!

— Дай, я тебя прошу!

— Зачѣмъ?

— Чтобы отослать этому человѣку клочки его несноснаго посланія.

— Вотъ какъ!

— О Боже мой!—вскричала она, заливаясь слезами и закрывъ свое лицо руками.—Быть такъ очерненной! Осмѣливаться просить меня писать ему и назначать тайныя свиданія!

Донъ Мигуель молча всталъ и прошелъ въ смежный съ гостиною кабинетъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся оттуда съ бумагою въ рукѣ.

— Вотъ, что мы должны дѣлать. Послушай!—сказалъ онъ доньѣ Гермозѣ и сталъ читать принесенную имъ бумагу:

„Сеньоръ!

„Уполномоченный моей кузиной—сеньорой доньей Гермозой Саенсъ де Салаберри, отвѣтить на Ваше письмо, я имѣю

---

*) Обычная формула: испанскихъ писемъ—Servidor qui besa sus pies, т. е. слуга, который цѣлуетъ Ваши ноги.

удовольствіе сообщить Вамъ, что всѣ Ваши опасенія относительно безопасности моей кузины не имѣютъ основанія: моя кузина чужда тому, что ей приписываютъ и совершенно полагается на правосудіе Его Превосходительства сеньора губернатора, которому я и буду имѣть честь доложить завтра утромъ о томъ, что произошло въ теченіе этой ночи, ничего не скрывая отъ него въ случаѣ, если это непріятное дѣло затянется долѣе ожидаемаго.

„Имѣю честь и пр....“

— Но это письмо...

— Это письмо помѣшаетъ ему спать сегодня ночью; онъ будетъ бояться того, что завтра я передамъ обо всемъ Розасу, и чтобы избѣжать этого, онъ съ ранняго утра будетъ стараться совсѣмъ замять это дѣло. Вотъ какъ наиболѣе ожесточенныхъ нашихъ враговъ я дѣлаю нашими лучшими слугами.

— Хорошо, я понимаю; отошли твое письмо.

Донъ Мигуель запечаталъ письмо и приказалъ отдать его солдату, дожидавшемуся у дверей. Затѣмъ молодой человѣкъ, не раздѣваясь, бросился на постель дона Луиса, а донья Гермоза, оставшись одна, обратилась съ горячей молитвой къ небу о здоровьи человѣка, котораго она любила и о свободѣ родины.

III.

Гдѣ можно читать о такихъ вещахъ, о которыхъ не пишутъ.

Нѣсколько часовъ спустя послѣ только что описанныхъ нами событій, т. е. утромъ 8-го августа, въ домѣ диктатора сновала масса курьеровъ, прибывшихъ изъ окрестностей города и безпрерывно слѣдовавшихъ одинъ за другимъ.

Ни одинъ изъ этихъ курьеровъ не останавливался въ канцеляріи; генералъ Корволанъ приказывалъ прямо провожать ихъ въ кабинетъ Розаса.

Начальникъ штаба Его Превосходительства, съ девизомъ посреди живота, съ эполетами, сползшими на спину и со своей маленькой шпагой, болтавшейся между его ногами, ходилъ взадъ и впередъ по большому двору дома, подобно лунатику, чуть не падалъ отъ усталости и безсонно проведенной ночи.

Лицо диктатора было мрачно; онъ читалъ донесенія своихъ агентовъ, извѣщавшихъ его о высадкѣ Лавалля, о числѣ владѣльцевъ гасіендъ, вышедшихъ на встрѣчу генералу унитаріевъ со своими лошадьми и слугами и т. п. Онъ отдавалъ распоряженія, которыя считалъ настоятельно необходимыми исполнить какъ въ главной своей квартирѣ въ Сантосъ-Лугаресъ, такъ и въ городѣ. Но различныя подозрѣнія,—эта змѣя, постоянно грызущая сердца тирановъ,—внушали ему безпокойство, страхъ и были причиною неувѣренности въ его распоряженіяхъ. Такъ, онъ отправилъ генералу Пачеко приказъ направиться со своими силами къ югу, а полчаса спустя имъ былъ посланъ новый курьеръ съ приказаніемъ, противоположнымъ первому.

Полковнику Маса онъ отдалъ приказъ идти съ батальономъ на подкрѣпленіе Пачеко, а десять минутъ спустя онъ приказалъ тому же Маса быть готовымъ двинуться со всею артиллеріею на Сантосъ Лугаресъ; назначенія же второстепенныхъ начальниковъ онъ мѣнялъ двадцать разъ въ теченіе двадцати секундъ.

Все остальное шло такимъ же образомъ: тиранъ, очевидно, терялъ голову.

Несчастная его дочь, проведшая всю ночь безъ сна, время отъ времени появлялась въ дверяхъ кабинета, стараясь прочесть на лицѣ своего отца какое-нибудь болѣе утѣшительное извѣстіе, которое бы вернуло ему, хоть отчасти, хорошее настроеніе духа.

Вигуа также нѣсколько разъ высовывалъ свою безобразную голову въ дверь передней, выходившей въ корридоръ, отдѣлявшій стѣну справа отъ сѣней; но сумрачныя лица

секретарей давали знать шуту Его Превосходительства, что сегодня нельзя шутить съ его господиномъ; поэтому онъ беззаботно усѣлся на полу коридора и ѣлъ зерна маиса, вылетавшія изъ ступки, въ которой мулатка, кухарка диктатора толкла составныя вещества, назначенныя для приготовленія *массаморы*, блюда, которое имѣло привилегію время отъ времени удовлетворять прожорливому аппетиту ея господина.

Розасъ писалъ письмо, и каждый изъ секретарей былъ занятъ этимъ же дѣломъ, когда генералъ Корволанъ, войдя доложилъ:

— Его Превосходительству угодно принять сеньора Спринга?

— Да, пусть онъ войдетъ.

Вслѣдъ затѣмъ англійскій министръ вошелъ въ кабинетъ, дѣлая глубокіе поклоны диктатору Буэносъ-Айреса, который, не давая себѣ труда отвѣчать на нихъ, сказалъ ему только:

— Пройдите сюда!

И онъ прошелъ изъ кабинета въ свою спальню.

Розасъ сѣлъ на кровать, а консулъ въ кресло лѣвѣй его.

— Ваше Превосходительство находитесь въ добромъ здравіи?—спросилъ министръ.

— Дѣло не въ моемъ здоровьи, сеньоръ Спрингъ!

— Оно, однако, очень важно.

— Нѣтъ, сеньоръ; самое важное то, чтобы правительства и ихъ министры исполняли то, что они обѣщаютъ.

— Безъ сомнѣнія.

— Безъ сомнѣнія? Однако Ваше правительство и Вы, Вы и Ваше правительство дѣлали только то, что лгали и компрометировали мое дѣло.

— О, высокочтимый сеньоръ, это черезчуръ!

— Вы этого заслуживаете, сеньоръ Спрингъ.

— Я!

— Да, сеньоръ, Вы! Вотъ уже годъ съ половиной, какъ Вы обѣщаете отъ имени Вашего правительства служить по-

средникомъ или вмѣшаться въ этотъ скверный вопросъ, поднятый французами. Кто меня обманываетъ, Вы или Ваше правительство?

— Высокочтимый сеньоръ, я уже показывалъ Вашему Превосходительству подлинныя депеши моего правительства.

— Тогда, значитъ, Ваше правительство налгало мнѣ; вѣдь вѣрно то, что Вы ни дьявола не сдѣлали для моего дѣла и что по милости французовъ Лавалль находится въ двадцати лье отсюда и вся республика подняла оружіе противъ моего правительства.

— О! такое поведеніе французовъ неслыханное дѣло.

— Не говорите-же глупостей; французы дѣйствуютъ такъ, какъ они должны, такъ какъ они воюютъ со мною; но вы, англичане, вы меня предали. Вѣдь вы—враги французовъ? Почему-же вы, обладая многочисленнымъ флотомъ и громадными богатствами, почувствовали страхъ, когда настала минута оказать помощь другу?

— Страхъ? нѣтъ, высокочтимый сеньоръ; но европейскій миръ, континентальное равновѣсіе.....

-- Какое равновѣсіе! и кой чортъ! Вы и Ваши соотечественники въ мелочахъ нарушаете то равновѣсіе и никто не говоритъ вамъ ничего; предательство ничто иное, какъ предательство; вы думаете такъ же, какъ французы, да, можетъ быть Вы и Ваши соотечественники такіе же унитаріи, какъ и они!

— О, нѣтъ, высокочтимый сеньоръ! Я преданный другъ Вашего Превосходительства и Вашего дѣла. Ваше Превосходительство имѣетъ доказательство моей преданости въ моемъ поведеніи.

— Какое поведеніе, сеньоръ Спрингъ?

— Мое настоящее поведеніе.

— Чѣмъ-же оно замѣчательно?

— Тѣмъ, что я пришелъ къ Вамъ просить соблаговолить принять мои личныя услуги въ томъ, что Вы сочтете приличнымъ потребовать отъ меня.

— Что-же Вы могли-бы сдѣлать въ томъ случаѣ, когда я сочту свое дѣло проиграннымъ?

— Я призвалъ-бы для защиты Вашего Превосходительства, Васъ и Вашей семьи, команды съ судовъ Ея Величества.

— Ба! И Вы думаете, что тридцать или сорокъ англичанъ могутъ заставить народъ относиться къ нимъ съ уваженіемъ, если онъ возстанетъ противъ меня?

— Если къ нимъ не отнесутся съ уваженіемъ, тогда послѣдствія будутъ ужасны.

— Да; но что пользы для меня въ томъ, что англичане будутъ бомбардировать городъ послѣ того, какъ я буду разстрѣлянъ? Развѣ такъ защищаютъ своихъ друзей, сеньоръ Спрингъ?

— Однако...

— Однако, еслибы я былъ англійскимъ консуломъ сэромъ Вальтеромъ Спрингомъ, а Вы были Хуаномъ Мануель Розасъ, то я вотъ-бы что сдѣлалъ: я-бы всегда держалъ на готовѣ на берегу за своимъ домомъ шлюпку, чтобы, въ случаѣ прихода моего друга Розаса, онъ могъ легко уѣхать.

— О, хорошо, хорошо, я это сдѣлаю.

— Я совсѣмъ не говорю Вамъ, чтобы Вы это дѣлали; я совсѣмъ не нуждаюсь въ Васъ. Я просто говорю о томъ, что бы я сдѣлалъ на Вашемъ мѣстѣ.

— Хорошо, высокочтимый сеньоръ! Друзья Вашего превосходительства будутъ заботиться о Вашей безопасности въ то время, какъ геній и отвага Вашего Превосходительства будутъ бодрствовать надъ судьбою этой прекрасной страны. Ваше Превосходительство получили извѣстія изъ внутреннихъ провинцій?

— Какое значеніе имѣютъ для меня внутреннія провинціи, сеньоръ Спрингъ?

— Однако, событія, происходящія тамъ...

— Событія, происходящія тамъ, ни дьявола меня не интересуютъ! Неужели Вы полагаете, что если я разобью Лавалля и отброшу его въ провинціи, то мнѣ слѣдуетъ серьезно опасаться тѣхъ, которые тамъ возстали?

— Не серьезно опасаться, нѣтъ, но... война затянется.

— Это-то и доставитъ мнѣ побѣду, сеньоръ Спрингъ. Согласно моей системѣ, враги—тѣ, которые находятся вблизи меня; напротивъ того тѣ, которые далеко и продолжаютъ упорствовать въ своемъ возстаніи, не только не вредятъ мнѣ, но скорѣе приносятъ пользу.

— Ваше Превосходительство—геніальный человѣкъ!

— По крайней мѣрѣ я значу побольше Вашихъ Европейскихъ дипломатовъ. Я сталъ-бы жалѣть федерацію еслибы ее защищали такіе люди, какъ вы. Знаете-ли Вы, почечему дьяволъ ослѣпляетъ этихъ унитаріевъ?

— Я полагаю, что да, высокочтимый сеньоръ.

— Нѣтъ, сеньоръ, Вы этого не знаете!

— Я могу ошибаться.

— Да, сеньоръ, Вы ошибаетесь. Дьяволъ ихъ ослѣпляетъ потому, что они сдѣлались французами и англичанами.

— А! Внутреннія войны!

— Наши войны, Вы хотите сказать.

— Американскія войны.

— Нѣтъ, аргентинскія войны.

— Пусть будетъ такъ, аргентинскія войны.

— Эти войны требуютъ людей, подобныхъ мнѣ.

— Безъ сомнѣнія.

— Если я разобью Лавалля здѣсь, то я смѣюсь надъ всѣмъ остальнымъ въ республикѣ.

— Ваше Превосходительство знаетъ, что генералъ Пасъ выступилъ на Корріентесъ?

— Вы увидите, будутъ-ли унитаріи настолько глупы. . ,

— Конечно, генералъ Пасъ не сдѣлаетъ ничего.

— Нѣтъ, не то, что генералъ Пасъ ничего не сдѣлаетъ. Онъ можетъ сдѣлать очень много. Они глупы по другой причинѣ: одинъ наступаетъ по одному направленію, другой по другому, и всѣ дѣйствуютъ разрозненно и нерѣшительно, вмѣсто того, чтобы всѣмъ соединиться и обрушиться на меня, какъ это сдѣлалъ Лавалль.

— Это дѣло Провидѣнія, высокочтимый сеньоръ!

— Или дьявола! Но Вы хотѣли мнѣ что-то сказать о провинціяхъ?

— Это правда.

— Въ чемъ-же дѣло?

— Ваше Превосходительство не можете терять время надъ этими глупостями.

— Какими глупостями, сеньоръ Спрингъ?

— Ваше Превосходительство не получали извѣстій ни о Ля-Мадридѣ, ни о Брисуэлѣ?

— Нѣтъ, уже давно.

— Я ихъ получилъ изъ Монтевидео.

— Когда?

— Этой ночью.

— И Вы приходите ко мнѣ сообщить объ этомъ въ полдень?

— Нѣтъ, сеньоръ, теперь десять часовъ.

— Пусть такъ, десять часовъ!

— Я не люблю передавать дурныхъ извѣстій Вашему Превосходительству.

— Такъ они дурныя?.

— Выходки унитаріевъ.

— Но что-же это такое? Договаривайте! — вскричалъ Розасъ съ безпокойствомъ, которое онъ тщетно пытался скрыть.

— Вотъ что мнѣ сообщаютъ въ моей частной перепискѣ, —отвѣчалъ консулъ, вынимая нѣсколько бумагъ изъ своего кармана; — Вашему Превосходительству угодно, чтобы я прочелъ?

— Да, прочтите.

Сэръ Вальтеръ Спрингъ прочелъ слѣдующее:

„Въ первыхъ числахъ іюля генералъ Ля-Мадридъ вступилъ на территорію Кордовы.

„Письмо, помѣченное 9 іюля, въ Кордовѣ, излагаетъ такимъ образомъ сущность операцій армій унитаріевъ:

„Ля-Мадридъ стоитъ во главѣ трехъ тысячъ человѣкъ съ десятью орудіями.

„Полковникъ Ача (Acha), съ девятью стами человѣкъ, разбилъ лагерь въ Лима Бланка, станція возставшей Реинаде, сосѣдней съ Катамаркой.

„Полковникъ Казанова поднялъ милиціи Ріо-Секо и Ель-Чаньаръ (El Chanar).

„Полковникъ Соза, Санта-Каталина, съ кирассирами сдѣлалъ тоже самое.

— Вотъ, что заключается въ моей перепискѣ относительно провинцій.

— Гм... Это важно; но они далеко!—отвѣчалъ Розасъ, которой и въ дѣйствительности мало былъ обезпокоенъ возстаніемъ въ провинціяхъ, такъ какъ болѣе серьезная опасность угрожала ему у воротъ Буэносъ-Апреса.

— О, они очень далеко!—подвердилъ консулъ.

— Больше ничего нѣтъ?

— Ничего, исключая прокламаціи Брисуэлы.

— Ага, посмотримъ, прочтите ее.

Сэръ Вольтеръ Спрингъ прочелъ эту длинную прокламацію, въ которой Розасъ былъ охарактеризованъ самымъ ужаснымъ образомъ и гдѣ всѣ его преступленія раскрыты были безъ всякаго стѣсненія.

Диктаторъ холодно слушалъ это чтеніе.

— Ба!—промолвилъ онъ, когда консулъ кончилъ чтеніе,—благословенная водица унитаріевъ!

— Ничто другое!—отвѣчалъ послушный министръ Великобританіи.

— Не знаете-ли Вы еще чего?

— Несогласія между Риверой и аргентинскими эмигрантами, между Лаваллемъ и Риверой, между друзьями временнаго правительства и Риверой.

— Хорошо, а въ Европѣ?

— Въ Европѣ!

— Да, я говорю не погречески.

— Я полагаю, высокочтимый сеньоръ, что Восточный вопросъ усложняется все болѣе и болѣе и что представленія правительства моей государыни дадутъ скорое разрѣшеніе

несправедливому вопросу, поднятому французами передъ правительствомъ Вашего Превосходительства.

— Вы говорили мнѣ то-же самое годъ тому назадъ.

— Да, но въ настоящее время я имѣю серьезныя причины.

— Всегда однѣ и тѣ-же.

— Восточный вопросъ...

— Не говорите мнѣ больше объ этомъ, сеньоръ Спрингъ.

— Хорошо, высокочтимый сеньоръ.

— Чтобы чортъ побралъ всѣхъ,—вотъ мое единственное желаніе!

— Дѣла страшно усложняются.

— Хорошо. Вы больше ничего нн знаете?

— Въ настоящую минуту нѣтъ, я ожидаю пакетбота.

— Тогда Вы меня извините, у меня много дѣла! — сказалъ, поднимаясь со своего мѣста, Розасъ.

— Я былъ-бы въ отчаяніи, еслибы служилъ причиною потери минуты драгоцѣннаго времени Вашего Превосходительства.

— Да, да, сеньоръ Спрингъ, у меня много дѣла, потому что мои друзья не умѣютъ мнѣ помогать ни въ чемъ.

Розасъ вышелъ въ сопровожденіи консула, имѣвшаго видъ болѣе приниженный и покорный, нежели у послѣдняго лакея федераціи.

Было-ли то слѣдствіемъ разсѣянности или учтивости, но Розасъ провожалъ консула до дверей своей передней, которыя вели въ корридоръ, гдѣ донья Мануела отдавала приказанія мулаткѣ кухаркѣ, всегда занятой измельченіемъ маиса.

Сэръ Вольтеръ Спрингъ разсыпался въ привѣтствіяхъ и любезностяхъ передъ дочерью Ресторадора, какъ вдругъ Розасъ, слѣдуя внезапному побужденію своего характера, похожаго наполовину па характеръ тигра и наполовину — лисицы, полу-трагическаго и полу-комическаго, сдѣлалъ глазами и руками какіе-то знаки своей дочери, которая съ трудомъ могла понять энергичную пантомиму своего отца.

Едва понявъ, наконецъ, желаніе своего отца, молодая дѣвушка была не только удивлена, но и находилась въ большомъ смущеніи, не зная, что ей отвѣчать консулу и слѣдуетъ ли ей повиноваться полученному ею приказу или нѣтъ; однако, страшный взглядъ деспота положилъ конецъ ея нерѣшительности. Эта первая жертва своего отца взяла изъ рукъ мулатки пестокъ, которымъ послѣдняя толкла маисъ; краснѣя отъ стыда и дрожащими руками, она продолжала работу служанки.

— Вы знаете, куда пойдетъ этотъ маисъ, который толчетъ теперь моя дочь, сеньоръ Спрингъ?

— Нѣтъ, высокочтимый сеньоръ! — отвѣчалъ консулъ, взгляды котораго блуждали отъ доньи Мануэлы къ ея отцу и отъ служанки къ Вигуа.

— Онъ пойдетъ на приготовленіе масаморры!—произнесъ Розасъ.

— А!

— Вы некогда не ѣли масаморры?

— Нѣтъ, высокочтимый сеньоръ.

— Но у этого ребенка нѣтъ силъ: она съ утра здѣсь, а маисъ еще весь не истолченъ; посмотрите, она уже не можетъ болѣе работать: такъ она устала. Ну, падре Вигуа, пусть Ваша Реверенція поднимется и поможетъ немного Мануелитѣ, такъ какъ у сеньора Спринга слишкомъ нѣжныя руки, да къ тому-же онъ министръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, сеньоръ губернаторъ! Я съ величайшимъ удовольствіемъ помогу сеньоритѣ Мануелитѣ! — вскричалъ генеральный консулъ.

Подойдя къ молодой дѣвушкѣ, онъ попросилъ у ней пестикъ, который та, по знаку своего отца, немедленно отдала ему, вполнѣ понявъ теперь намѣреніе своего родителя и едва удерживаясь отъ улыбки.

Тогда генеральный консулъ Ея Британскаго Величества, сэръ Вольтеръ Спрингъ, откинулъ свои батистовыя манжеты и принялся съ силой толочь маисъ.

— Хорошо, теперь его никто-бы не принялъ за англи-

чанина, скорѣе за креола! Вотъ какъ надо толочь, смотри, Мануела, и учись!—проговорилъ Розасъ, внутренно смѣявшійся надъ консуломъ.

— О, это слишкомъ тяжелое занятіе для сеньориты,—сказалъ сеньоръ Спрингъ, продолжавшій свою работу такъ энергично, что цѣлый дождь маисовыхъ зеренъ вылеталъ изъ ступки на падре Вигуа, который подбиралъ ихъ съ величайшимъ удовольствіемъ.

— Сильнѣе, сеньоръ Спрингъ, сильнѣе; если маисъ не хорошо истолченъ, то масаморра будетъ слишкомъ густа!

И генеральный консулъ, полномочный министръ и чрезвычайный посланникъ Ея Величества, королевы соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, съ новымъ усердіемъ сталъ толочь маисъ, предназначенный для масаморры диктатора аргентинской республики.

— Татита!

Розасъ дернулъ свою дочь за платье и продолжалъ:

— Если это Васъ утомляетъ, то оставьте.

— О, нѣтъ, сеньоръ губернаторъ!—отвѣчалъ консулъ, работая все энергичнѣе и энергичнѣе и начиная обливаться потомъ.

— Ну, остановитесь немного,—сказалъ Розасъ, наклоняясь надъ ступкой и взявъ въ руку немного содержимаго изъ нея; очень хорошо; вотъ, что значитъ понимать толкъ въ дѣлѣ.

При послѣднихъ словахъ диктатора въ корридоръ вошла донья Марія Хозефа Эскурра.

— Ваше Превосходительство находите, что такъ хорошо?—спросилъ консулъ, приводя въ порядокъ свои манжеты и раскланиваясь съ невѣсткой Розаса.

— Вполнѣ, сеньоръ министръ! Мануела, проводи сеньора Спринга, если онъ желаетъ, въ гостинную. И такъ, мой другъ, я сильно занятъ, какъ Вы видите, но я всегда Вашъ другъ!

— Я чрезвычайно польщенъ этимъ, высокочтимый сеньоръ, и не забуду того, что Ваше Превосходительство сдѣлали-бы на моемъ мѣстѣ, еслибы я былъ на мѣстѣ Вашего

Превосходительства!—отвѣчалъ консулъ, значительно подчеркивая свои слова и давая тѣмъ понять Розасу, что онъ помнитъ о его проектѣ относительно шлюпкѣ.

— Дѣлайте что Вы хотите; прощайте!

Розасъ пошелъ въ свой кабинетъ въ сопровожденіи своей невѣстки, а консулъ, предложивъ свою руку доньѣ Мануелѣ, прошелъ съ ней въ большую гостинную.

— Хорошія извѣстія!—проговорила донья Марія Хозефа, обращаясь къ диктатору.

— О комъ?

— О томъ демонѣ, который ускользнулъ отъ насъ 4 мая!

— Онъ пойманъ? — вскричалъ Розасъ, — и глаза его засверкали.

— Нѣтъ.

— Нѣтъ?

— Но его поймаютъ, Китиньо — малый не промахъ.

— Гдѣ онъ?

— Сядемъ сначала! —отвѣчала старушенка, проходя изъ кабинета въ спальню.

IV.

Гдѣ доказывается, что донъ Кандидо Родригесъ походитъ на донъ Хуана Мануеля де-Розасъ.

Въ то-же самое утро, какъ полномочный министръ Ея Британскаго Величества ревностно толокъ маисъ, предназначенный для масаморры Розаса, нашъ старый другъ донъ Кандидо Родригесъ прогуливался подъ навѣсомъ своего дома, находившагося вблизи Plaza Nueva (Новая площадь), одѣтый въ сюртукъ, цвѣта коринфскаго винограда, бѣлый колпакъ, надвинутый до самыхъ ушей, и съ двумя большими апельсинными корками, приклеенными къ его вискамъ, въ старыхъ суконныхъ туфляхъ и заложивъ руки въ карманы.

Его колеблющаяся походка, покраснѣвшія вѣки, безпо-

рядочные жесты свидѣтельствовали не только о продолжительной безсонницѣ, но и о томъ безпокойствѣ, которое его удручало.

Стукъ въ двери заставилъ дона Родригеса остановиться.

Не говоря ни слова, онъ подошелъ осторожными шагами къ двери и приставилъ глазъ къ замочному отверстію. Не разглядѣвъ ничего другого, кромѣ груди какого-то человѣка, онъ рѣшился, наконецъ, заговорить.

— Кто тутъ?—спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Это я, мой дорогой учитель!

— Мигуель?

— Да, Мигуель; отворите.

— Отворить?

— Да, да, ради всѣхъ святыхъ! Это именно я и говорю.

— А дѣйствительно это ты, Мигуель?

— Думаю, что такъ; сдѣлайте мнѣ удовольствіе, откройте двери,—и вы сами увидите это.

— Послушай, отойди на нѣсколько дюймовъ отъ замочнаго отверстія на продолженіи прямой горизонтальной линіи, чтобы я могъ разглядѣть тебя.

Мигуель готовъ былъ разнести дверь ударомъ своей ноги, но, подумавъ немного, исполнилъ желаніе своего учителя.

Да, это дѣйствительно ты!—произнесъ донъ Кандидо, открывая дверь.

— Да, сеньоръ, это я и, какъ видите, имѣю много терпѣнія съ вами.

— Подожди, остановись, Мигуель, не иди дальше!—вскричалъ донъ Кандидо, хватая за руку своего воспитанника.

— Кой чортъ значитъ все это, сеньоръ донъ Кандидо? Почему я не могу идти дальше?

— Потому что я желаю, чтобы ты вошелъ сюда, въ комнату Николасы.

— Прежде всего, что-нибудь случилось?

— Ничего, но войди въ куарто Николасы!

— Но съ вами ли я долженъ буду бесѣдовать тамъ?

— Да, со мной.

— Скверно.

— О вещахъ, очень серьезныхъ.

— Еще хуже.

— Иди, Мигуель.

— Съ однимъ условіемъ.

— Говори, приказывай!

— Разговоръ не долженъ продолжаться болѣе двухъ или трехъ минутъ.

— Иди, Мигуель.

— Вы согласны?

— Согласенъ, иди.

— Идемъ тогда!

Донъ Мигуель рѣшился войти и сѣлъ въ кресло; его старый учитель расположился подлѣ него.

— Пощупай мнѣ пульсъ, Мигуель;

— Я?

— Да, ты.

— Какого чорта хотите вы, чтобы я сдѣлалъ съ вашимъ пульсомъ?

— Ты увидишь, что у меня лихорадка, которая пожираетъ, сжигаетъ, мучитъ меня съ этой ночи! Что хочешь ты сдѣлать со мною, Мигуель? Что это за человѣкъ, котораго ты привелъ ко мнѣ?

— А, васъ терзаютъ сомнѣнія? Развѣ вы его не знаете?

— Я его зналъ ребенкомъ, какъ и тебя и другихъ, когда онъ былъ маленькимъ, нѣжнымъ, наивнымъ и невиннымъ, какъ всѣ дѣти. Но теперь, развѣ я знаю его взгляды, его настоящую жизнь, его знакомства? Развѣ я могу предполагать въ немъ невиннаго человѣка, когда ты приводишь его ко мнѣ по среди ночного мрака, когда ты приказываешь мнѣ прятать его отъ всѣхъ и отчего не говоришь объ этомъ дѣлѣ? Развѣ я могу предполагать въ немъ друга правительства, когда я не вижу девиза федераціи и когда онъ носитъ бѣлый галстухъ съ лиловыми крапинками? Изъ всего этого не вправѣ-ли я вывести, на основаніи логики, заключеніе, что тутъ кроется политическая интрига, заговоръ, умыселъ,

революція, быть можетъ въ которой, я безсознательно и помимо своей воли принимаю участіе, я—человѣкъ мирный, спокойный; я, которой вслѣдствіе своего важнаго положенія, въ качествѣ довѣреннаго секретаря Его Превосходительства сеньора министра Араны, очень хорошаго человѣка, каковы и его сеньора, и вся его почтенная семья, кончая слугами, и такъ развѣ я не долженъ въ силу необходимости быть благоразумнымъ и осмотрительнымъ, лойяльнымъ при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей? Тебѣ кажется....

— Мнѣ кажется, что вы потеряли способность разсуждать, сеньоръ донъ Кандидо, и такъ я не хочу подвергнуться тому же и тратить даромъ свое время, то и окончу этотъ разговоръ, а вы мнѣ позволите пойти къ Луису.

— Но сколько-же времени останется онъ у меня?

— До тѣхъ поръ, пока Богу будетъ угодно.

— Но это невозможно!

— Однако, это будетъ такъ.

— Мигуель!

— Сеньоръ донъ Кандидо, мой высокоуважаемый учитель, разсмотримъ въ двухъ словахъ наши взаимныя отношенія.

— Разсмотримъ!

— Слушайте! — Чтобы предохранитъ васъ отъ тѣхъ опасностей, которымъ вы въ настоящее время могли-бы подвергнуться со стороны федераціи, я заставилъ назначить Васъ частнымъ секретаремъ сеньора Араны;—правда это?

— Совершенно вѣрно.

— Очень хорошо! Но сеньоръ Арана и всѣ его секретари со дня на день могутъ быть повѣшены, не по приказанію властей, а по волѣ народа, который можетъ возстать противъ Розаса съ минуты на минуту.

— О!—вскричалъ донъ Кандидо, широко раскрывъ глаза.

— Повѣшены, да, сеньоръ!—повторилъ Мигуель.

— И секретари также?

— Да, и они также.

— Безъ пощады?

— Да!

— Это ужасно, — проговорилъ, задрожавъ отъ сраха, Родригесъ. Такъ что, если я покину мое мѣсто, я погибну отъ Масъ-Горки, если останусь,—народъ повѣситъ меня: и въ томъ, и другомъ случаѣ меня постигнетъ ужасное несчастіе.

— Конечно, вотъ эта логика.

— Адская лигика, Мигуель; логика, которая будетъ причиною моей смерти благодаря твоей ошибкѣ.

— Нѣтъ, сеньоръ, вы отъ нея нисколько не пострадаете, если будете дѣлать то, что я хочу.

— Что-же я долженъ дѣлать? Говори!

— Дѣло въ томъ, что мы переживаемъ теперь кризисъ: или Розасъ побѣдитъ Лавалля или Лавалль Розаса,—не правда-ли?

— Конечно, да.

— Хорошо. Въ первомъ случаѣ вы будете имѣть поддержку въ донѣ Филиппѣ Арана; во второмъ, — Луисъ послужитъ вамъ самой лучшей парой ножницъ, которыми вы можете разрѣзать народную веревку.

— Луисъ?

— Да, безполезно говорить объ этомъ или повторять еще.

-- Такъ что....

— Такъ что вы должны держать у себя Луиса до тѣхъ поръ, пока я не рѣшу иначе.

-- Но....

— Человѣкъ, менѣе великодушный чѣмъ я, купилъ бы вашу сговорчивость слѣдующими словами: сеньоръ донъ Кандидо, дневной приказъ Лавалля, который вы отдали мнѣ сегодня въ копіи, сдѣланной вами, превосходенъ. При малѣйшей нескромности этотъ цѣнный документъ попадетъ въ руки Розасу, сеньоръ донъ Кандидо!

— Довольно, довольно, Мигуель.

— Хорошо, довольно. И такъ, мы согласны другъ съ другомъ?

— Согласны! О, Боже, я таковъ же, какъ Розасъ, мой организмъ совершенно таковъ же, какъ у него, это ясно!— вскричалъ донъ Кандидо, ходя по комнатѣ и сжимая свои виски.

— У васъ такой же организмъ, какъ у Розаса?

— Да, совершенно такой-же.

— Чортъ возьми! Сдѣлайте милость, объясните мнѣ это, донъ Кандидо, потому что, если это такъ, то Луисъ и я могли-бы сейчасъ оказать большую услугу человѣчеству.

— Да, Мигуель, совершенно тождественный, тождественный!—отвѣчалъ донъ Кандидно, не замѣчая что Мигуель потѣшается надъ нимъ.

— Въ чемъ-же тождественный?

— Въ томъ, что я боюсь, Мигуель, боюсь всего, что меня окружаетъ.

— Ого! а вы знаете, что и сеньоръ губернаторъ боится?

— Знаю-ли я! Вчера, въ канцеляріи, когда я писалъ, т. е. переписывалъ тѣ бумаги, которыя я тебѣ показывалъ, сеньоръ министръ тихо разговаривалъ съ сеньоромъ Гаррпгосъ; знаешь-ли ты, что онъ сказалъ?

— Если вы мнѣ этого не скажете, то думаю, что мнѣ невозможно будетъ отгадать это.

— Онъ сообщилъ сеньору Гарригосъ, что сеньоръ губернаторъ приказалъ отнести на бортъ „Актеона“ четыре шкатулки съ унціями и что онъ предвидитъ моментъ, когда Его Превосходительство сядетъ на судно, потому что *онъ боится всего, что его окружаетъ.*

— Ого!

— Это буквальныя слова сеньора министра.

— Чортъ возьми!

— И вотъ я испытываю то-же самое: *боюсь всего, что меня окружаетъ.*

— И вы также, а?

— Да и я; вотъ потому то я и сказалъ тебѣ, что я похожу на Его превосходительство, такъ какъ доказываетъ это, приводитъ къ этому заключенію, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ этомъ то обстоятельство, что мы оба въ одно время испытали одинаковыя ощущенія.

— Конечно!—произнесъ донъ Мигуель, размышляя о словахъ дона Кандидо.

— И это явленіе не могло-бы произойти, еслибы онъ и я не имѣлъ тождественнаго подобнаго организма, одинаково впечатлительнаго.

— Вы сказали, что четыре шкатулки съ унціями отправлены на бортъ „Актеона“.

— Четыре шкатулки, да.

— И что онъ боится?

— Да, боится.

— А сеньоръ Арана ничего не сказалъ по этому поводу?

— Ясно, что онъ сказалъ. Сеньоръ министръ обладаетъ логикой такой же вѣрной, какъ моя.—„Мы должны хорошенько подумать и о себѣ, другъ Гарригосъ“!—произнесъ онъ.—„Мы не причинили зла никому, напротивъ, мы дѣлали столько добра, сколько могли; однако, будетъ благоразумнѣе и намъ уѣхать, какъ только это сдѣлаетъ сеньоръ губернаторъ“.—И вполнѣ логично тоже, Мигуель, и мнѣ уѣхать послѣ отъѣзда министра, хотя-бы черезъ Ріачуело и скрыться на островѣ Казахемѣ.

— А Гарригосъ отвѣтилъ что нибудь?

— Его мнѣніе было иное.

— А! Онъ хочетъ остаться?

— Нѣтъ; онъ пытался доказать дону Филиппу, сеньору министру, хотѣлъ я сказать, что благоразумнѣе не дожидаться отъѣзда губернатора, когда положеніе будетъ слишкомъ опаснымъ. Но затѣмъ они стали говорить такъ тихо, что я уже ничего болѣе не могъ слышать.

— Однако, въ другой разъ вы постарайтесь болѣе раскрыть ваши уши.

— Ты сердишься на меня, мой дорогой и уважаемый Мигуель?

— Нѣтъ, сеньоръ; но разъ я даю вамъ извѣстныя гарантіи для настоящаго и будущаго, то хочу, чтобы вы служили разумно и энергично.

— По мѣрѣ возможности я буду это дѣлать, Мигуель! Ты увѣренъ, что я не подвергаюсь теперь никакой опасности?

— Да, увѣренъ.

— Луисъ долго останется здѣсь?

— Увѣрены-ли вы въ Николасѣ?

— Какъ въ самомъ себѣ; она ненавидитъ всѣхъ этихъ людей съ тѣхъ поръ, какъ они убили ея сына, ея добраго, нѣжнаго, лойяльнаго сына; какъ только она догадалась, что Луисъ скрывается, она стала служить ему съ еще большей заботой, внимательностью, пунктуальностью, съ еще большею....

— Пойдемъ къ Луису, сеньоръ донъ Кандидо!

— Идемъ, мой дорогой и уважаемый Мигуель. Онъ въ моемъ кабинетѣ.

— Да, но вы проводите меня только до дверей. Я врачъ души моего друга, а вы знаете, что врачи обыкновенно говорятъ наединѣ съ паціентами.

— Ахъ, Мигуель!

— Что такое, сеньоръ?

— Ничего, входи. Пройди впередъ. Я пойду въ гостинную!—отвѣчалъ донъ Кандидо, оставляя Мигуеля.

— Здравствуй мой дорогой Луисъ,—проговорилъ молодой человѣкъ, входя въ компату своего друга, который лѣниво сидѣлъ въ старомъ креслѣ, опираясь локтями на столъ.

— Я думалъ, что не увижу тебя въ этой скверной тюрьмѣ, гдѣ не имѣю извѣстій ни о комъ!—отвѣчалъ донъ Луисъ недовольнымъ тономъ.

— Хорошо, мы начинаемъ съ упрековъ?

— Я думаю, что правъ: теперь десять часовъ утра.

— Правда, десять часовъ.

— Гермоза?

— Она совершенно здорова, благодаря Богу, но не тебѣ который желаетъ все, чтобы причинить ей непріятности.

— Я?

— Вотъ доказательство этого!—сказалъ донъ Мигуель, указывая ему на разбросанные листы бумаги, на которыхъ имя доньи Гермозы было написано болѣе сотни разъ вдоль, вкось и поперекъ.

— Ахъ!—сказалъ, краснѣя, донъ Луисъ и спряталъ бумаги.

— Хорошо,—возразилъ молодой человѣкъ беря у дона Луиса изъ рукъ бумаги и бросая ихъ въ огонь.—Вотъ что слѣдуетъ сдѣлать съ ними!

— Я согласенъ съ тобою, — произнесъ донъ Луисъ; — но теперь я немедленно хочу вернуться въ Барракасъ.

— Я понимаю это желаніе.

— И исполню его.

— На этотъ разъ нѣтъ.

— Кто-же мнѣ помѣшаетъ?

— Я!

— О, кабаллеро, это значитъ слишкомъ злоупотреблять дружбой!

— Если вы такъ думаете, сеньоръ Бельграно, то ничего нѣтъ проще...

— Что?

— Вы можете, когда вамъ угодно, вернуться въ Барракасъ; только я долженъ васъ предупредить, что когда вы прибудите туда, моей кузины тамъ уже не будетъ.

— Мигуель, ради неба, не дѣлай меня еще болѣе несчастнымъ, чѣмъ я уже есть на самомъ дѣлѣ; я не знаю, что говорю!

— Хорошо! теперь, когда ты началъ быть благоразумнымъ, будемъ продолжать. Послушай о томъ, что произошло.

Донъ Мигуель разсказалъ своему другу о событіяхъ предшествующей ночи, не забывая и вторженія генерала Лавалля.

— Правда, я не могу вернуться въ Барракасъ, не компрометируя ее!—проговорилъ съ отчаяніемъ донъ Луисъ.

— Ты говоришь, какъ разумный человѣкъ, Луисъ. Въ настоящее время единственное средство спасти Гермозу — это держаться тебѣ подальше отъ Розаса, такъ какъ, предполагая даже, что я могу освободить ее отъ доносовъ Масъ-Горкистовъ или отъ жестокихъ мѣръ тирана, отъ ней-то самой я не могъ-бы ее спасти, если она будетъ знать, что ты подвергаешься опасности.

— Что-же дѣлать, Мигуель, что дѣлать?

— Отказаться видѣть ее въ теченіи нѣсколькихъ дней.

— Невозможно!

— Иначе ты погубишь ее.

— Я?

— Ты!

— О! Я-же не могу.

— Тогда ты не любишь ее!

— Я не люблю ее!—вскричалъ онъ негодующимъ голосомъ. — О, Боже мой, Боже мой! — И донъ Луисъ закрылъ свое лицо руками.

Наступило молчаніе.

Наконецъ, донъ Луисъ поднялъ голову.

— Довольно слабости! — вскричалъ онъ, тряхнувъ головою.—Что по твоему я долженъ дѣлать, Мигуель?—прибавилъ онъ спокойнымъ тономъ.

— Прожить нѣсколько дней, не видя Гермозы.

— Пусть будетъ такъ.

— Если политическія событія сложатся такъ, какъ мы желаемъ, тогда говорить нечего.

— Конечно.

— Если, наоборотъ, они будутъ для насъ неблагопріятны, тогда ты эмигрируешь.

— Одинъ?

— Нѣтъ, не одинъ.

— Гермоза будетъ меня сопровождать? Ты думаешь, что она согласится послѣдовать за мною?

— Я въ этомъ увѣренъ, и не только она, но и нѣкоторые другіе твои знакомые.

— Ты правъ, Мигуель, уѣдемъ заграницу; воздухъ нашего отечества смертеленъ для насъ.

— Не смотря на это, тебѣ все-же надо дышать имъ до тѣхъ поръ, пока все не кончится такъ или иначе.

— Но если это положеніе вещей будетъ продолжаться долгое время?

— Это невозможно.

— Однако, можетъ случиться задержка въ операціяхъ Лавалля и тогда...

— Тогда все будетъ потеряно; малѣйшее замедленіе погубитъ Лавалля.

— Но нѣтъ, мой другъ, еще не все будетъ потеряно; впрочемъ, Лавалль придетъ, можетъ быть, дня черезъ два или три. Я знаю, что многія лица раздѣляютъ эту надежду; но у меня нѣтъ ея и я имѣю на это тысячу причинъ; повѣрь мнѣ, все зависитъ отъ случая.

— Если предположить, что война затянется, то какъ-же я буду жить безъ Гермозы?

— Ты увидишься съ нею, но не въ Барракасѣ.

— Могу я войти на одну минуту, мои дорогіе и уважаемые ученики? — спросилъ донъ Кандидо, просовывая верхушку своего бѣлаго колпака въ дверь.

— Войдите, мой дорогой и уважаемый учитель! — отвѣчалъ донъ Мигуель.

— Новость, Мигуель, событіе, такая вещь...

— Сдѣлайте милость, скажите все сразу, сеньоръ донъ Кандидо.

— Вотъ въ чемъ дѣло! Я прогуливался подъ навѣсомъ, такъ какъ это облегчаетъ мою головную боль, которою я страдаю въ настоящее время; прогуливался и прикладывалъ апельсинныя корки; надо вамъ сказать, что апельсинныя корки, приклеенныя къ вискамъ, сообщаютъ моему организму способность....

— Излѣчивать васъ, дѣлая другихъ больными. Въ чемъ же дѣло?—нетерпѣливо вскричалъ молодой человѣкъ.

— Я подхожу къ сути дѣла.

— Подходите сразу, во имя всѣхъ святыхъ!

— Подхожу, пылкая голова! Итакъ я сказалъ уже, что прогуливался подъ навѣсомъ, какъ вдругъ услышалъ, что кто-то остановился у дверей. Безпокойный, нерѣшительный, встревоженный я подошелъ и спросилъ, кто тамъ. Я былъ увѣренъ въ правдивости отвѣта и потому отворилъ дверь. Какъ ты думаешь, кто это былъ, Мигуель?

— Не знаю, но хотѣлъ-бы, чтобы это былъ дьяволъ!

— Нѣтъ, это былъ не дьяволъ, нѣтъ! Это былъ Тонильо, твой лойяльный, вѣрный Тон...

— Тонильо здѣсь?

— Да, подъ навѣсомъ, онъ говоритъ, что хочетъ видѣть тебя.

— Кончите-ли вы, тысячу чертей? — вскричалъ донъ Мигуель, бросаясь вонъ изъ кабинета.

— Что за характеръ! Послушай, Луисъ, ты кажешься мнѣ болѣе разумнымъ; необходимо, чтобы...

— Сеньоръ, будьте любезны, оставьте меня въ покоѣ!

— Ау! Malo! Ты таковъ-же, какъ и твой другъ. На что разсчитываете вы, безумные молодые люди, когда вы бѣшено несетесь по бурной стремнинѣ?

— Мы разсчитываемъ на то, что вы оставите насъ на минутку однихъ, сеньоръ донъ Кандидо! — отвѣчалъ донъ Мигуель, входя въ кабинетъ.

— Намъ угрожаетъ какая-нибудь опасность? — боязливо спросилъ профессоръ.

— Рѣшительно никакой; это частныя дѣла между Луисомъ и мной.

— Но сегодня мы образуемъ одно неразрывное тѣло!

— Ничего, мы его моментально раздѣлимъ. Сдѣлайте одолженіе, оставьте насъ однихъ!

— Оставайтесь! — произнесъ старецъ, простирая свои руки къ молодымъ людямъ, и величественно покинулъ кабинетъ.

— Наши дѣла осложняются, Луисъ!

— Что такое?

— Кое-что относительно Гермозы.

— А!

— Да, Гермозы! Она извѣстила меня черезъ Тонильо, котораго я послалъ въ Барракасъ передъ тѣмъ, какъ отправиться сюда, что черезъ часъ у ней будетъ полиція съ обыскомъ.

— Что дѣлать, Мигуель? Я побѣгу въ Барракасъ.

— Луисъ, — произнесъ донъ Мигуель такимъ твердымъ тономъ, который остановилъ пылъ молодого человѣка, — дѣло не въ томъ, чтобы дѣлать безумства; я слишкомъ люблю свою кузину, и не могу допустить, чтобы кто-бы то ни было причинилъ ей непріятность.

— Но вѣдь по моей винѣ эта сеньора подвергается теперь непріятностямъ. Я—кабаллеро, я долженъ ее защищать! сказалъ сухо донъ Луисъ.

— Не будемъ дѣлать безумства, — отвѣчалъ спокойно Мигуель, — еслибы дѣло шло о томъ, чтобы ее защищать со шпагою въ рукѣ противъ одного или даже двухъ человѣкъ, я-бы совершенно предоставилъ тебѣ дѣйствовать по твоему усмотрѣнію. Но, вѣдь, теперь мы имѣемъ дѣло съ тираномъ и всѣми его палачами, а противъ этихъ негодяевъ мужество безсильно: твое присутствіе дало-бы оружіе противъ Гермозы и я не могъ-бы спасти ни головы, ни спокойствія своей кузины.

— Ты правъ.

— Предоставь мнѣ дѣйствовать; я сейчасъ-же отправляюсь въ Барракасъ; силѣ я противопоставлю хитрость и постараюсь обмануть инстинктъ животнаго съ помощью разума.

— Не теряй ни минуты!

— Мнѣ надо десять минутъ, чтобы добраться до своей квартиры и сѣсть на лошадь; черезъ четверть часа я буду въ Барракасъ.

— Хорошо, когда ты вернешься?

— Этой-же ночью.

— Скажи ей...

— Что ты о ней думаешь!

— Говори, что хочешь, Мигуель! — вскричалъ молодой человѣкъ, падая въ кресло и съ отчаяніемъ охвативъ свою голову руками.

Донъ Мигуель вышелъ.

Пробило одиннадцать часовъ; донъ Кандидо началъ свой туалетъ, чтобы отправиться въ частный секретаріатъ сеньора дона Филиппа Араны.

V.

Начинается буря.

Едва прошли пять минуть съ тѣхъ поръ, какъ Гермоза отправила Танильо къ дону Мигуелю съ извѣщеніемъ объ ожидаемомъ посѣщеніи полиціи, какъ донъ Бернардо Викторика, полицейскій комиссаръ и Николай Мариньо, въ сопровожденіи стараго Хозе, вошли въ гостиную, гдѣ въ креслѣ сидѣла молодая женщина, одинокая, предоставленная только самой себѣ, среди угрожавшихъ ей опасностей.

Викторика, этотъ страшный человѣкъ, передъ которымъ дрожали всѣ жители Буэносъ-Айреса, не былъ, однако, такъ жестокъ, какъ его обыкновенно считали, на самомъ дѣлѣ. Онъ былъ лучше своей репутаціи. Никогда не упуская изъ виду суровости, которую предписывали ему приказы диктатора, онъ въ тѣхъ случаяхъ, когда было возможно это дѣлать, не компрометируя себя, велъ себя съ извѣстною учтивостью и извѣстной полу-снисходительностью, что въ глазахъ Розаса считалось преступленіемъ; но начальникъ полиціи считалъ себя вправѣ дѣйствовать такъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему, при исполненіи своихъ обязанностей, приходилось обращаться къ лицамъ, которыхъ онъ предполагалъ скомпрометированными вслѣдствіе своекорыстныхъ доносовъ или подвергшихся чрезмѣрной строгости правительства.

Онъ почтительно снялъ свою шляпу и, сдѣлавъ глубокій поклонъ доньѣ Гермозѣ, проговорилъ:

— Сеньора, я — начальникъ полиціи и явился исполнить тягостный долгъ произвести обыскъ въ этомъ домѣ по экстренному предписанію сеньора губернатора.

— А этимъ сеньорамъ также поручено произвести обыскъ въ моемъ домѣ? — спросила молодая вдова, указывая на Мариньо и на полицейскаго комиссара.

— Этому сеньору — нѣтъ, — отвѣчалъ начальникъ поли-

ціи, указывая на Мариньо; — другое-жо лицо—полицейскій комиссаръ!

— Могу я узнать, кого или что вы пришли искать у меня по приказанію сеньора губернатора?

— Я вамъ скажу это сейчасъ! — отвѣчалъ начальникъ полиціи, довольно смущенный тѣмъ, что его не пригласили сѣсть.

Молодая женщина позвонила, и въ гостинную немедленно вошла Лиза. Госпожа сказала ей:

— Проводи того сеньора и открой всѣ двери, которыя онъ тебѣ укажетъ!

Донъ Бернардо Викторика поклонился доньѣ Гермозѣ и послѣдовалъ за камеристкой въ сопровожденіи полицейскаго комиссара.

Пройдя черезъ кабинетъ, они вошли въ роскошную спальню молодой вдовы.

Начальникъ полиціи былъ человѣкъ, не обладавшій настолько утонченнымъ вкусомъ, чтобы понять всю изысканность той роскоши, среди которой онъ очутился.

— Гм...—пробормоталъ онъ про себя,—возможно, какъ говоритъ Мариньо, что здѣсь не скрывается никто, но, несмотря на это, здѣсь нѣтъ недостатка въ унитаріяхъ.

И онъ прошелъ въ туалетную комнату, покачавъ озабоченно головой.

— Откройте эти шкафы!—сказалъ онъ Лирѣ.

— Что Вамъ надо видѣть въ шкафахъ сеньоры?—спросила молодая дѣвушка, поднявъ свою маленькую головку и смотря прямо въ лицо сеньору Викторикѣ.

— Ну, ну, открой эти шкафы, я тебѣ говорю.

— Вотъ любопытство! Ну, вотъ они открыты.

— Закрой ихъ.

— Не угодно-ли Вамъ убѣдиться, что никто не спрятанъ въ садкахъ птицъ!—спросила она, насмѣшливо указывая на клѣтки.

— Нинья, ты очень смѣла, но я прощаю тебѣ ради твоего возроста! Открой эту дверь!

— Эту?

— Да.

— Это дверь въ мою комнату.

— Ну, и открой ее!

— Тамъ никого нѣтъ.

— Все равно, открой.

— Нѣтъ, сеньоръ, я не открою. Откройте ее сами, если Вы не вѣрите моему слову.

Викторика внимательно посмотрѣлъ на этого ребенка двѣнадцати лѣтъ, который осмѣливался такъ говорить съ нимъ. Наконецъ, онъ рѣшился повернуть самъ ручку двери и вошелъ въ спальню Лизы.

— Войди, нинья!—сказалъ онъ, видя, что она осталась въ уборной.

— Я войду, если Вы прикажете этому сеньору слѣдовать за нами.

Полицейскій комиссаръ бросилъ на молодую дѣвушку грозный взглядъ, котораго она нисколько не испугалась, и вошелъ въ комнату.

— Сеньоръ, не мните мою постель и не сердитесь за то, что я Вамъ сказала про клѣтки съ птицами!

— Куда выходитъ эта дверъ?

— На дворъ.

— Откройте.

— Толкните ее; она не заперта.

Выйдя на дворъ, Викторика сдѣлалъ знакъ комиссару вернуться въ домъ, а самъ, вт. сопровожденіи Лизы, направился къ той части дома, гдѣ находилась комнота дона Луиса и столовая.

— Кто живетъ въ этой комнатѣ?—спросилъ онъ, оглядывая спальню дона Луиса.

— Синьоръ донъ Мигуель, когда онъ пріѣзжаетъ сюда на нѣсколько дней!—отвѣчала Лиза съ величайшимъ спокойствіемъ.

— Сколько разъ въ недѣлю онъ пріѣзжаетъ?

— Сеньора приказала мнѣ показать Вамъ домъ, а не

разсказывать о томъ, что въ немъ происходитъ. Объ этомъ Вы можете спросить саму сеньору.

Викторика закусилъ себѣ губы; не зная, что отвѣчать молодой дѣвушкѣ, онъ прошелъ въ другую комнату и, наконецъ, въ столовую, не найдя ни малѣйшаго признака того, кого искалъ.

Въ то время, какъ происходилъ этотъ полицейскій обыскъ, сцена совсѣмъ другаго рода, но не менѣе интересная разыгралась въ гостинной.

Какъ только Викторика и полицейскій комиссаръ послѣдовали за молодой дѣвушкой, донья Гермоза, не поднимая глазъ на Мариньо и не удостоивая его взглядомъ, сказала ему сухо:

— Вы можете сѣсть, если намѣрены дождаться сеньора Викторики!

Донья Гермоза не была въ этотъ моментъ красная; она была пунцовая. Мариньо, напротивъ, подавленный величественными манерами этой дамы, былъ блѣденъ, какъ мертвецъ.

— Моимъ намѣреніемъ было, сеньора, — проговорилъ онъ, садясь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея,—оказать Вамъ большую услугу при настоящихъ обстоятельствахъ!

— Merci!—отвѣтила она сухо.

— Вы получили сегодня утромъ мое письмо?

— Я получила бумагу, подписанную Николаемъ Мариньо. Предполагаю, что это Вы.

— Хорошо,– отвѣчалъ глава сереносовъ, стараясь оправиться отъ своего замѣшательства.—Въ этомъ письмѣ или бумагѣ, какъ Вы его называете, я постарался увѣдомить Васъ о томъ, что Вамъ угрожаетъ.

— Могу я узнать, сеньоръ, причину, которая заставляетъ Васъ дѣйствовать такимъ образомъ?

— Желаніе, чтобы Вы приняли тѣ мѣры предосторожности, которыя я Вамъ совѣтовалъ.

— Вы слишкомъ добры ко мнѣ и слѣдовательно слишкомъ дурны по отношенію къ своимъ политическимъ друзьямъ, потому что Вы ихъ предаете!

— Я ихъ предаю?!

— Мнѣ кажется, что такъ.

— Это слишкомъ сильно сказано, сеньора.

— Однако, это правда!

— Я постоянно стараюсь дѣлать столько добра, сколько возможно. Вотъ почему я сопровождаю сюда сеньора Викторику, чтобы оказать Вамъ помощь въ случаѣ нужды. Вотъ мое поведеніе, сеньора! Если я измѣняю своимъ друзьямъ, то причина, заставляющая меня это дѣлать, оправдываетъ меня вполнѣ. Эта причина святая, она происходитъ отъ постоянной симпатіи, которую я почувствовалъ тотчасъ же, какъ только имѣлъ счастье познакомиться съ Вами. Съ тѣхъ поръ я посвящаю всю свою жизнь стремленію приблизиться къ этому дому. Мое положеніе, мое состояніе, мое вліяніе...

— Ваше положеніе и Ваше вліяніе не помѣшаютъ мнѣ оставить Васъ одного, если Вы не понимаете того, какъ Ваше присутствіе тягостно мнѣ!—отвѣчала она, поднимаясь со своего мѣста.

И, бросивъ на него взглядъ уничтожающаго презрѣнія, она вышла изъ гостинной и удалилась въ свою спальню, гдѣ сѣла на софу.

— О, я отомщу, собака-унитарка!—вскричалъ Мариньо, блѣдный отъ ярости.

Едва молодая вдова успѣла уйти въ свою спальню, какъ туда вошелъ Викторика въ сопровожденіи Лизы.

— Сеньора,—произнесъ онъ,—я исполнилъ первую часть полученнаго мною предписанія, и, къ счастію для Васъ, могу доложить Его Превосходительству, что не нашелъ той особы, которой искалъ.

— Могу я узнать, что это за особа, сеньоръ начальникъ полиціи? Могу я узнать, почему у меня въ домѣ производятъ оскорбительный обыскъ?

— Будьте любезны приказать этой ниньѣ удалиться.

Донья Гермоза сдѣлала знакъ, и Лиза вышла, не преминувъ, однако, сдѣлать гримасу начальнику полиціи.

— Сеньора, я долженъ Васъ допросить; но я желалъ-

бы избѣжать извѣстныхъ скучныхъ формальностей, чтобы этотъ допросъ былъ-бы болѣе разговоромъ.

— Говорите, сеньоръ.

— Вы знаете дона Луиса Бельграно?

— Знаю!

— Съ какого времени?

— Двѣ или три недѣли!—отвѣчала она покраснѣвъ и опустивъ голову отъ стыда за свою ложь.

— Однако, его уже давно видѣли здѣсь.

— Я уже отвѣтила, сеньоръ!

— Можете Вы сказать, что донъ Луисъ Бельграно не скрывался въ этомъ домѣ съ мая и до настоящаго мѣсяца?

— Я не буду пытаться утверждать подобную вещь.

— Итакъ, это правда!

— Я не сказала этого.

— Однако, Вы сами же говорите, что не будете утверждать, что это не такъ.

— Потому что это Ваше дѣло, сеньоръ, даказать мнѣ противное.

— Не знаете-ли Вы, гдѣ онъ находится въ настоящее время?

— Кто?

— Бельграно.

— Я этого не знаю, сеньоръ, а еслибы знала, то не сказала!—отвѣтила она просто.

— Развѣ Вы не знаете, что я исполняю порученіе сеньора губернатора?—возразилъ Викторика, который начиналъ раскаяваться въ своей снисходительности.

— Вы говорили уже мнѣ объ этомъ.

— Тогда Вы должны отвѣчать съ большимъ почтеніемъ, сеньора.

— Кабаллеро, я знаю такъ же хорошо то почтеніе, съ которымъ я обязана относиться къ другимъ, какъ и то, которое они обязаны оказывать мнѣ самой, и если сеньоръ губернаторъ и сеньоръ Викторика ищутъ доносчиковъ, то ужъ, конечно, не въ этомъ домѣ они найдутъ ихъ!

— Вы не доносите на другихъ, но доносите на самихъ себя.

— Какъ такъ?

— Потому что Вы забываете, что говорите съ начальникомъ полиціи и открыто выдаете себя за сторонницу унитаріевъ.

— О, сеньоръ, въ странѣ, гдѣ ихъ считаютъ тысячами, нѣтъ большой важности въ этомъ.

— Къ несчастію для отечества и для ихъ самихъ,—сказалъ Викторика, поднимаясь съ недовольнымъ видомъ,—но наступитъ день, когда ихъ не будетъ столько, клянусь Вамъ въ этомъ!

— Или ихъ будетъ еще больше.

— Сеньора!—вскричалъ онъ, бросивъ на нее угрожающій взглядъ.

— Что такое, кабаллеро?

— Вы злоупотребляете Вашимъ поломъ.

— Какъ Вы Вашимъ положеніемъ.

— Вы не опасаетесь за эти слова, сеньора?

— Нѣтъ, сеньоръ. Въ Буэносъ-Айресѣ мужчины боятся и забываютъ свое достоинство, а мы, женщины, умѣемъ защищать наше.

— Конечно, женщинъ болѣе всего слѣдуетъ бояться!—пробормоталъ донъ Викторика про себя.—Ну-съ, окончимъ, сеньора, — продолжалъ онъ, обращаясь къ молодой женщинѣ.—Будьте добры открыть этотъ пюпитръ.

— Зачѣмъ, сеньоръ?

— Я долженъ исполнить это послѣднее порученіе.

— Какое порученіе.

— Осмотрѣть Ваши бумаги.

— О, это превосходитъ всѣ границы, сеньоръ! Вы пришли искать у меня одного человѣка. Вы его не нашли; увѣряю Васъ, что я больше не потерплю ничего.

Викторика улыбнулся.

— Откройте, сеньора, откройте,—сказалъ онъ,—повѣрьте мнѣ.

— Нѣтъ.

— Вы не хотите открыть?

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!

Начальникъ полиціи холодно подошелъ къ пюпитру; ключъ находился въ замкѣ.

Внезапно Мариньо, слышавшій все, захотѣлъ попытаться побѣдить это гордое сердце театральной выходкой. Войдя стремительно въ комнату, онъ вскричалъ съ жаромъ:

— Мой дорогой другъ, остановитесь! Я ручаюсь за то, что въ бумагахъ этой сеньоры нѣтъ ничего компрометирующаго наше дѣло: ни журналовъ, ни писемъ нечестивыхъ унитаріевъ.

Викторика сдѣлалъ шагъ назадъ; уже Мариньо былъ увѣренъ въ своемъ успѣхѣ, какъ молодая женщина, съ глазами, пылавшими гнѣвомъ, бросилась къ пюпитру, открыла его съ рискомъ сломать и, повернувшись спиною къ Мариньо, сказала Викторикѣ:

— Вотъ все, что заключается въ этомъ пюпитрѣ, — вскричала она — смотрите!

Мариньо закусилъ себѣ губы до крови. Начальникъ полиціи бросилъ разсѣянный взглядъ на письма и бумаги, не касаясь однако, ни одной изъ нихъ, и произнесъ:

— Я видѣлъ, сеньора.

Донья Гермоза поклонилась и сѣла на софу; она была совершенно измучена.

Двое мужчинъ, сдѣлавъ ей глубокій поклонъ, вышли и присоединились къ полицейскому комиссару, который ждалъ ихъ на дворѣ.

Какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ они садились на лошадей, къ дачѣ подъѣхалъ донъ Мигуель.

Они обмѣнялись холоднымъ поклономъ, и донъ Мигуель вошелъ въ домъ, проговоривъ про себя:

— Скверно; я начинаю опаздывать; это плохой признакъ!

Мариньо съ своей стороны говорилъ Викторикѣ:

— Этотъ долженъ все знать. Это унитарій, несмотря на поведеніе его отца!

— Да, слѣдуетъ имѣть наготовѣ глаза относительно его.

— И кинжалъ!—прибавилъ Мариньо сквозь зубы.

И оба быстрымъ аллюромъ понеслись по направленію къ городу.

Донъ Мигуель пробылъ самое короткое время у своей кузины. Онъ старался успокоить ее, сообщилъ о Луисѣ, затѣмъ опять уѣхалъ задумчивый. Положеніе дѣлалось угрожающимъ. Молодой человѣкъ чувствовалъ, что надежда его покидаетъ. Размышляя такъ, онъ проѣхалъ мимо барранки генерала Броуна; затѣмъ въѣхалъ въ улицу Завоевателей и остановился передъ домомъ доньи Авроры. Онъ чувствовалъ потребность въ счастіи, чтобы придать себѣ силъ для начатой имъ страшной борьбы. Но это былъ несчастный день.

Войдя въ гостинную, онъ замѣтилъ, что m-me Барроль лежала въ глубокомъ обморокѣ, а ея дочь, поддерживая своими руками голову матери, смачивала ей виски одеколономъ.

— Иди, Мигуель!—вскричала молодая дѣвушка.

— Что такое произошло?—спросилъ Мигуель.

— Тише, не говори такъ громко; она въ обморокѣ.

Донъ Мигуль склонился на колѣни и взялъ блѣдную и холодную руку m-me Барроль.

— Это ничего, она скоро придетъ въ себя! — замѣтилъ онъ, пощупавъ пульсъ.

— Да, она начинаетъ дышать; ступай въ спальню, принеси плащъ, платокъ, все равно что, Мигуель!

Молодой человѣкъ повиновался и самъ закутавъ свою будущую тещу въ плащъ; затѣмъ онъ и Аврора склонились передъ нею на колѣни, взявъ каждый по одной изъ ея рукъ.

— Но что же такое произошло? Этотъ обморокъ неестественъ. Съ Вами случилась какая-нибудь непріятность?

— Да.

— Сегодня?

— Только что. Ты не встрѣтилъ Викторики?

— Нѣтъ.

— Онъ былъ здѣсь!

— Онъ?

— Да, онъ приходилъ съ комиссаромъ и двумя солдатами и обыскалъ весь домъ.

— Чего-же онъ искалъ?

— Онъ не говорилъ объ этомъ, но я думаю, что онъ искалъ Луиса, такъ какъ онъ задалъ нѣсколько вопросовъ мамашѣ о немъ.

— И...

— Она не хотѣла отвѣчать.

— Хорошо!

— Она отказалась также открыть дверь одной изъ внутреннихъ комнатъ, которая случайно была заперта; Викторика приказалъ взломать ее.

— Но зачѣмъ-же не открыли эту дверь тотчасъ же?

— Потому что при самомъ его приходѣ мамаша сказала, что она не будетъ помогать ему ни въ чемъ; и что, имѣя въ своихъ рукахъ силу, онъ можетъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Пока этотъ человѣкъ оставался здѣсь, мамаша не обнаруживала слабости; но тотчасъ же по его уходѣ она упала на мои руки и потеряла сознаніе. Но посмотри, Мигуель, она, кажется, открываетъ глаза!

Молодая дѣвушка встала и бросилась въ объятія своей матери.

М-me Барроль дѣйствительно пришла въ себя.

— Мигуель,—сказала она,—надо покинуть этотъ городъ Вамъ и Луису завтра, сегодня, если это возможно. Гермоза, моя дочь и я, послѣдуемъ за вами.

— Хорошо, сударыня, не будемъ говорить объ этомъ теперь, когда Вы нуждаетесь въ отдыхѣ.

— А Вы думаете, что его можно имѣть въ этой странѣ, когда каждую секунду приходится дрожать за свою безопасность? Съ тѣхъ поръ, какъ глаза Розаса устремлены на мой домъ, онъ осужденъ на постоянные доносы; каждый, кто переступаетъ его порогъ, подвергается выслѣживанію и преслѣдуется.

— Черезъ недѣлю, можетъ быть, мы всѣ будемъ спасены.

— Нѣтъ, Мигуель, нѣтъ! Богъ отвратилъ свой взоръ отъ нашей несчастной страны; мы можемъ ожидать только катастрофъ. Я не хочу, чтобы Гермоза являлась здѣсь.

— Гермоза испытала ту же самую непріятность, какъ и Вы, часъ тому назадъ.

— Это было часъ тому назадъ?

— Да, приблизительно.

— О, все это дѣло доньи Маріи Хозефы, мамаша!

Донъ Мигуель разсказалъ о томъ, что произошло на дачѣ Барракасъ и затѣмъ прибавилъ:

— Впрочемъ, во всемъ этомъ нѣтъ еще никакой серьезной опасности. Луиса они не найдутъ, я за это ручаюсь. Чтобы доставить спокойствіе Гермозѣ и вамъ, я поспѣшу предупредить Викторику о личныхъ доносахъ, направляемыхъ къ Розасу съ цѣлію дискредитировать полицію. Что касается меня, то мнѣ рѣшительно нечего бояться!—проговорилъ Мигуель, чтобы внушить дамамъ немножко вѣры въ будущее, хотя этой вѣры начинало не доставать и ему самому.

— Мамаша,—сказала молодая дѣвушка,—такъ какъ теперь ничто не помѣшаетъ Гермозѣ навѣстить насъ, то я хотѣла бы, чтобы она и Мигуель обѣдали у насъ и мы закончили бы этотъ день вмѣстѣ.

— Да, да,—отвѣчалъ Мигуель,—я хотѣлъ бы, чтобы мы были всѣ вмѣстѣ и болѣе не разлучались!

Но страшное предчувствіе сжало сердце отважнаго молодаго человѣка.

— Хорошо, пошли за нею! — отвѣчала дочери m-me Барроль.

Въ эту минуту раздался стукъ въ дверяхъ гостинной.

Всѣ остались неподвижными.

Наконецъ, Мигуель всталъ, открылъ дверь и сказалъ:

— Это Тонильо. Что такое? — прибавилъ онъ, отводя своего слугу въ переднюю, чтобы дамы ничего не могли разслышать въ томъ случаѣ, если онъ узналъ еще о какой-нибудь непріятности.

— Донъ Кандидо здѣсь!—отвѣчалъ Тонильо.

— Гдѣ это?

— Подъ навѣсомъ.

Въ два прыжка молодой человѣкъ очутился подлѣ своего профессора.

— Что новаго о Луисѣ?—быстро спросилъ онъ.

— Ничего; онъ доволенъ, спокоенъ, отдыхаетъ. Дѣло идетъ о тебѣ.

— Обо мнѣ?

— Да, о тебѣ, молодой безумецъ; ты стремишься въ...

— Въ преисподнюю, хорошо. Но что же случилось?

— Слушай.

— Живѣе!

— Тише, слушай. Викторика говорилъ съ Мариньо.

— Хорошо.

— Мариньо съ Белостеги.

— Дальше.

— Белостеги съ Араной.

— Дальше.

— А я слышалъ разговоръ Белостеги съ Араной.

— Результатъ всего этого?

— Результатъ тотъ, что Белостеги сказалъ Аранѣ, что, по словамъ Мариньо, Викторика сообщилъ этому послѣднему, будто онъ отдалъ приказаніе комиссару твоего участка слѣдить этой ночью за твоимъ домомъ, такъ какъ противъ тебя существуютъ страшныя подозрѣнія.

— Ого! очень хорошо. Что еще?

— Что еще?! Ты находишь, что мало того, что тебѣ угрожаетъ чудовищная, огромная опасность, которая, естественно относится и ко мнѣ, такъ какъ всѣмъ извѣстны наши взаимныя отношенія тѣсныя, дружественныя, родственныя? Ты хочешь...

— Я хочу, чтобы Вы подождали меня минутку; мы будемъ продолжать этотъ разговоръ въ экипажѣ во время переѣзда отсюда ко мнѣ.

— Я у тебя въ домѣ, безумецъ?!

— Подождите, мой дорогой другъ! — отвѣчалъ Мигуель, оставляя его подъ навѣсомъ.

— Тонильо, садись на мою лошадь и возвращайся домой!—сказалъ онъ своему слугѣ.

— Что случилось?—спросили дамы, когда молодой человѣкъ вернулся въ гостинную.

— Ничего, новости о Луисѣ. Онъ нетерпѣливъ, безумствуетъ отъ желанія выйти изъ своего убѣжища, чтобы явиться въ Барракасъ, но я отправлюсь къ себѣ и напишу ему одно слово, которое вернетъ ему благоразуміе.

— Не ходите къ нему!—сказала m-me Барроль.

— Обѣщайте мнѣ это, Мигуель!—вскричала Аврора.

— Клянусь вамъ въ этомъ!—отвѣчалъ онъ, улыбаясь.

— Вы уже уходите?

— Да, я беру экипажъ, на которомъ должна пріѣхать Гермоза, а свою лошадь я уже отослалъ.

— И вы вернетесь?

— Въ три часа.

— Хорошо, до трехъ часовъ!—сказала Аврора, пожимая ему руку.

Распрощавшись, донъ Мигуель вышелъ, обнаруживая полнѣйшее спокойствіе, котораго, на самомъ дѣлѣ, далеко не было въ его душѣ.

— Знаешь ли ты одну вещь, Мигуель?—спросилъ молодаго человѣка донъ Кандидо, ждавшій его подъ навѣсомъ.

— Послѣ, послѣ! Сядемъ въ экипажъ!

Донъ Мигуель такъ стремительно вышелъ изъ дома, что чуть не опрокинулъ какого-то толстаго человѣка, проходившаго въ тотъ моментъ размѣренными шагами, съ высоко поднятой головой и шляпой на затылкѣ.

— Извините меня, кабаллеро,—проговорилъ молодой человѣкъ, приближаясь къ дверцамъ экипажа и не обращая никакого вниманія на неизвѣстнаго. Обратившись къ кучеру, Мигуель крикнулъ: „ко мнѣ“!

— О, этотъ голосъ!—вскричалъ неизвѣстный, останавливаясь и вглядываясь въ дона Мигуеля, который поставилъ

свою ногу на подножку.—Извините меня, кабаллеро,—прибавилъ онъ учтиво,—не сдѣлаете-ли Вы мнѣ честь выслушать два слова?

— Сколько будетъ Вамъ угодно! — отвѣчалъ молодой человѣкъ.

И онъ продолжалъ стоять у дверецъ экипажа, повернувъ голову къ незнакомцу, котораго пе успѣлъ еще разглядѣть, между тѣмъ какъ донъ Кандидо, блѣдный какъ мертвецъ, протиснулся между ногами молодого человѣка и нырнулъ поскорѣе въ экипажъ, гдѣ и усѣлся въ дальнемъ углу, принявшись нарочно вытирать свое лицо платкомъ, съ очевидною цѣлью не быть узнаннымъ.

— Вы меня узнаете?

— Мнѣ кажется, я имѣлъ несчастіе толкнуть сеньора кура *) Гаета!—отвѣчалъ донъ Мигуель самымъ естественнымъ тономъ.

— Мнѣ кажется, я уже слышалъ раньше Вашъ голосъ. А другой сеньоръ, сидящій въ экипажѣ... Какъ Ваше здоровье, сеньоръ?

Донъ Кандидо, не отвѣчая ни слова, сдѣлалъ два или три поклона, не переставая вытирать платкомъ свое лицо.

— А, онъ нѣмой!—продолжалъ патеръ.

— Что же Вамъ угодно, сеньоръ Гаетъ?

— Я испытываю сильное желаніе услышать Вашъ голосъ сеньоръ... Не угодно-ли Вамъ сказать...

— Что я долженъ дѣлать, сеньоръ!—прервалъ его молодой человѣкъ, который, вскочивъ въ экипажъ, сдѣлалъ знакъ кучеру.

Послѣдній пустилъ лошадей крупной рысью по направленію къ площади Побѣды, оставивъ почтеннаго падре Гаету съ выраженіемъ адской улыбки на лицѣ и внимательно смотрѣвшаго на номеръ дома m-me Барроль.

---

*) Священникъ.

VI.

Гдѣ говорится о политикѣ.

Прошло двѣ недѣли.

Ничего еще не рѣшилось окончательно, но небо будущаго было омрачено такими угрожающими облаками, что все населеніе Буэносъ-Айреса, обезумѣвъ отъ страха, боязливо сгибалось подъ игомъ тирана, потерявъ всякую надежду на освобожденіе.

Было 16 августа, около пяти часовъ утра. Мрачное небо, густой мракъ—ничто не говорило еще о наступленіи утра.

Три тѣни, похожія на фантастическія привидѣнія, виднѣлись близъ жилища молодой вдовы въ Барракасъ.

— Повторяю Вамъ, что тутъ нѣтъ никого; и если-бы Ваша милость осталась тутъ до завтра, то не увидѣли-бы ни людей, ни свиту!—проговорила, не принимая никакихъ предосторожностей, крикливымъ голосомъ какая-то женщина.

— Когда они уѣхали и куда?—спросило съ нетерпѣливой яростью то лицо, къ которому обращалась женщина.

— Я уже Вамъ говорила, Ваша милость, что они уѣхали третьяго дня и должны быть въ окрестностяхъ, не особенно далеко отсюда; я видѣла, какъ они выходили. Донья Гермоза сѣла въ экипажъ, старый Хозе служилъ кучеромъ, а мулатъ—лакеемъ. Маленькая Лиза сѣла со своей госпожей; минуту спустя, донья Гермоза, выйдя изъ экипажа, вернулась на дачу, откуда вышла съ клѣтками съ птицами. Они ничего не увезли; здѣсь остались только два старыхъ негра, которые спятъ въ какомъ-то углу кинты.

Послѣ словъ женщины снова наступило молчаніе.

Одно изъ этихъ таинственныхъ лицъ начало перебѣгать отъ одной двери къ другой, отъ окна къ окну, чтобы открыть хоть какой-нибудь признакъ присутствія обитателей въ этомъ мрачномъ жилищѣ.

Однако, все было напрасно. Этотъ человѣкъ не услы-

халъ иного шума, кромѣ эха своихъ шаговъ и воя вѣтра, потрясавшаго большіе тополи въ саду дачи.

Одно мгновенье неизвѣстный поднялъ свою руку, какъ-бы желая разбить стекло въ окнѣ спальни доньи Гермозы, но затѣмъ, оставивъ это намѣреніе, присоединился къ своему товарищу и женщинѣ, дававшей имъ вышеприведенныя указанія.

— Сеньоръ подполковникъ, Ваша милость знаетъ, что конвой отправляется въ путь сегодня рано утромъ, а теперь почти уже разсвѣло.

— Хорошо, лейтенантъ, идемъ! Вы сопровождали меня, какъ другъ, и я не хочу Васъ больше стѣснять. Вернемся домой.

— Сеньоръ донъ Мариньо, пусть будетъ Вашей милости извѣстно, что я истратила все, что Вы мнѣ дали, на подобранный ключъ, и теперь у меня ничего не осталось для себя и для своихъ.

— Хорошо, завтра!

— Какъ завтра?

— Ну, возьмите это и оставьте меня въ покоѣ!

— Сколько тутъ?

— Я не знаю сколько, но этого даже много.

— Всего пять піастровъ!—пробормотала женщина, идя впереди подполковника Мариньо и лейтенанта конвойнаго эскадрона.

Когда всѣ трое вышли изъ кинты, Мариньо заперъ дверь въ желѣзномъ рѣшетчатомъ заборѣ и положилъ ключъ себѣ въ карманъ.

Затѣмъ эти два члена федераціи оставили свою сообщницу — женщину въ низинѣ, смежной съ дачей, и пустились галопомъ по направленію къ городу. Мариньо поѣхалъ въ квартиру сереносовъ, а лейтенантъ въ помѣщеніе конвоя Его Превосходительства.

Наступалъ день.

Все, исключая человѣка, конечно, спѣшило насладиться жизнью.

Горделивые жеребцы пампасовъ, потрясая своими стройными головами, издавали дикое ржаніе; неукротимые быки, наклонивъ свою могучую шею, спѣшили утолить свою жажду въ холодныхъ струяхъ ручьевъ, птицы западнаго пояса, менѣе блестящія, чѣмъ на тропикахъ, но болѣе крупныя и болѣе граціозныя, оставивъ свои гнѣзда, садились на верхушки вѣковыхъ ombùes или espinillos, чтобы привѣтствовать наступленіе дня.

Скромныя маргаритки, затерянныя среди густой травы и покрытыя ночною россою, точно брилльянтами, полуоткрывали свои бѣлые, желтые и пунцовые лепестки, чтобы дать согрѣть себя первому солнечному лучу.

Вся пустыня была полна радостными криками и веселымъ пѣніемъ.

Въ городѣ же царила могильная тишина.

Монотонный стукъ телѣгъ, отправляющихся на рынки, шаги рабочихъ, крики молочницъ, звонки aquadores (водовозовъ), и т. п., все, что хариктиризуетъ Буэносъ-Айресъ раннимъ утромъ,—всего этого не слышно было уже четыре или пять дней.

Это былъ пустынный городъ, кладбище живыхъ, души которыхъ витали, однихъ—на небѣ, ожидая тріумфа Лаваллья, другихъ—въ преисподней, ожидая торжества Розаса.

Только на дорогѣ Санъ-Хозе-де-Флоресъ, на этой знаменитой дорогѣ, славѣ федераціи и стыду Портеньосовъ, сооруженной по приказанію Розаса въ честь генерала Кирога, только на этой дорогѣ можно было слышать звукъ копытъ нѣсколькихъ лошадей.

Это отправлялся донъ Хуанъ Мигуель де-Розасъ въ лагерь Сантосъ-Лугаресъ, утромъ 16 августа 1840 года.

Диктаторъ покинулъ городъ среди ночнаго мрака, чтобы съ наступленіемъ дня явиться среди солдатъ, къ которымъ онъ, въ первый разъ въ своей жизни, имѣлъ право обратиться со словомъ *товарищи*.

Конвой его получилъ приказаніе отправиться часомъ позже его.

Розасъ сдалъ управленіе дону Филиппу Арана, чтобы ожидать Лавалля; правильнѣе же, онъ убѣгалъ изъ города въ два лье отъ него съ цѣлью запереться въ своемъ лагерѣ въ Сантосъ-Лугаресъ.

Батальоны Маса, Равело, 1-й кавалерійскій, два эскадрона развѣдчиковъ, конвойный эскадронъ и нѣсколько дивизіоновъ, бывшихъ въ лагерѣ ранѣе, образовали силу въ пять тысячъ человѣкъ, бывшую въ распоряженіи у Розаса въ Сантосъ-Лугаресъ, который представлялъ собою что-то вродѣ огромнаго редута, окруженнаго рвами и вооруженнаго со всѣхъ сторонъ артиллеріей.

Охрана города была организована иначе. Въ казармахъ форта помѣщалась половина корпуса сереносовъ, а въ теченіи ночи здѣсь располагались бивакомъ штабъ, т. е. судьи, алькады и ихъ лейтенантъ, числомъ всего до 400 или 500 человѣкъ.

Полковникъ Раллонъ занималъ съ двумя стами ветерановъ казарму дель-Ретиро.

Полковникъ Рамиресъ командовалъ восьмьюдесятью старыми инвалидами—неграми.

Четвертый батальонъ Патрисіосъ случайно находился подъ командой дона Педро-Химено.

Полковникъ Видаль командовалъ также нѣсколькими солдатами.

Только немногіе изъ оставшихся жителей Буэносъ-Айреса не получили никакого назначенія.

Корпусъ Масъ-Горки, состоявшій изъ восьмидесяти или ста головорѣзовъ, былъ раздѣленъ на отдѣленія по 6 — 8 человѣкъ, которые обходили городъ втеченіи цѣлой ночи. Вся обязанность ихъ состояла въ томъ, чтобы осматривать прохожихъ съ цѣлью убѣдиться, не носятъ ли они оружія, отводя ихъ въ этомъ случаѣ къ Соломону или грубо поносяихъ, если на ихъ груди не красовалось огромныхъ девизовъ, свидѣтельствовавшихъ о принадлежности къ числу федералистовъ.

Генералъ-инспекторъ Пинедо назначалъ дежурныхъ на-

чальниковъ,—обязанность, обыкновенно выпадавшая на долю генераловъ, свободныхъ отъ служебныхъ обязанностей и оставшихся въ городѣ.

Эти дежурные, въ сопровожденіи нѣсколькихъ помощниковъ, втеченіи ночи объѣзжали всѣ казармы съ цѣлью убѣдиться, что всѣ отданныя ранѣе приказанія исполнены.

Посмотримъ теперь, что дѣлается въ домѣ сеньора дона Араны, временнаго губернатора Буэносъ-Айреса. Войдемъ въ квадратную комнату съ большимъ столомъ посрединѣ и другимъ маленькимъ въ одномъ изъ угловъ, нѣсколькими полками, содержавшими извѣстное количество книгъ по богословію, собраніе законовъ, одинъ словарь изд. 1764 г., гравюру, изображавшую св. Антонія, графинъ воды, нѣсколько фарфоровыхъ чашекъ и т. п. Эта скромная комната носила громкое названіе библіотеки.

Нашъ достойный другъ сеньоръ донъ Кандидо Родригесъ, сидя за маленькимъ столомъ, былъ занятъ перепиской длинной депеши.

За большимъ столомъ, заваленнымъ кипами бумагъ, письмами, депешами, съ большимъ бронзовымъ письменнымъ приборомъ посрединѣ, сидѣли донъ Филиппъ Арана, министръ Ея Британскаго Величества сэръ Вальтеръ Спрингъ и донъ Мигуель дель-Кампо, нашъ хитроумный дипломатъ.

— Но, вѣдь, не было оффиціальнаго объявленія войны, сеньоръ Спрингъ!—говорилъ сеньоръ донъ Филиппъ въ тотъ моментъ, какъ мы проникаемъ въ кабинетъ.

— Это правда, объявленія войны не было! — отвѣчалъ консулъ.

— Вы видите, сеньоръ министръ,—продолжалъ донъ Филиппъ, — что, согласно международному праву и обычаямъ цивилизованныхъ націй, нельзя начинать военныхъ дѣйствій безъ торжественнаго и точнаго мотивированнаго объявленія войны.

— Конечно.

— А такъ какъ международное право относится и до насъ, неправда-ли, сеньоръ дель Кампо?...

— Совершенно вѣрно, сеньоръ министръ.

— И такъ, если международное право касается и насъ,— продолжалъ министръ, — Францiя должна объявить намъ войну ранѣе того, чѣмъ посылать экспедицiи противъ насъ. А такъ какъ она этого не сдѣлала, то Англiя должна помѣшать французской экспедицiи; иначе, если страна будетъ завоевана французами, то Англiя потеряетъ всѣ свои привиллегiи въ федерацiи. Вотъ почему я считаю своимъ долгомъ повторить сеньору министру, съ которымъ имѣю честь говорить, что Англiя должна воспротивиться высадкѣ названнаго экспедицiоннаго корпуса французовъ, который теперь вѣроятно, находится уже въ морѣ.

— Я передамъ моему правительству важныя соображенiя сеньора временнаго губернатора! — отвѣчалъ сеньоръ Спрингъ, хорошо знавшiй, какое значенiе слѣдуетъ придавать дипломатическому краснорѣчiю стараго звонаря Братства Розарiо.

— Еслибы мнѣ было позволено принять участiе въ этой бесѣдѣ, — сказалъ донъ Мигуель тономъ, восхитившимъ министра, — я сообщилъ бы сеньору губернатору, какова была, по моему мнѣнiю, политика Сентъ-Джемскаго кабинета въ дѣлахъ Лаплаты.

— Мнѣнiе такого выдающагося молодого человѣка, какъ сеньоръ дель-Кампо, конечно, всегда должно быть выслушано!

— Весьма благодаренъ Вамъ, сеньоръ Арана.

Британскiй министръ посмотрѣлъ на молодого человѣка, имя котораго было ему уже знакомо, и приготовился слушать его съ серьезнымъ вниманiемъ.

— Весьма вѣроятно, — началъ донъ-Мигуель, — что въ данное время лордъ Пальмерстонъ имѣетъ въ своихъ рукахъ весьма важный документъ, касающiйся настоящихъ событiй. Я говорю о протоколѣ конференцiи, бывшей 22 iюня этого года, членами которой были аргентинская миссiя и сеньоръ Мартиньи. Сеньору Спрингу извѣстно что-нибудь объ этомъ документѣ?

— Рѣшительно ничего, — отвѣчалъ англiйскiй ми-

нистръ,—и я сомнѣваюсь, чтобы онъ получилъ его, такъ какъ этотъ документъ не прошелъ черезъ мои руки.

— Въ этомъ случаѣ я имѣлъ удовольствіе замѣстить сеньора министра.

— Возможно-ли это?

— Да, сеньоръ. Этотъ документъ подписанъ 22 іюня, а 26 былъ отосланъ въ Лондонъ моремъ на имя виконта Пальмерстона; онъ уже пятнадцать дней находится въ пути.

— Но этотъ документъ...,—проговорилъ слегка заинтригованный сеньоръ Спрингъ.

— Вотъ онъ, сеньоръ министръ! Прочтемъ его и выскажемъ наши соображенія по поводу него.

Затѣмъ, вынувъ изъ своего портфеля листъ весьма тонкой бумаги, Мигуель сталъ читать его.

Мы не будемъ вдаваться въ подробное содержаніе этого документа, во-первыхъ потому, что онъ очень длиненъ, а болѣе всего потому, что оно будетъ достаточно выяснено изъ разговора трехъ дипломатовъ.

Сеньоръ Спрингъ былъ чрезвычайно удивленъ. У Сеньора Арана была одна мысль, которая всегда носилась у него въ головѣ.

— Но,—вскричалъ онъ,—что подумаетъ сеньоръ губернаторъ, узнавши, что этотъ документъ долгое время оставался въ Вашихъ рукахъ, между тѣмъ какъ онъ ничего не зналъ о немъ?

— Сеньоръ губернаторъ познакомился съ этимъ документомъ въ тотъ же день, какъ я получилъ его.

— А!

— Да, сеньоръ Арана, онъ знаетъ о немъ, такъ какъ мой долгъ требовалъ того, чтобы я показалъ ему сначала этотъ документъ, во-первыхъ для того, чтобы доказать свое усердіе къ нашему дѣлу, а затѣмъ, чтобы онъ не отказался отъ своего геройскаго сопротивленія притязаніямъ французовъ.

— Этотъ молодой человѣкъ какое-то чудо!—вскричалъ донъ Филиппъ, смотря на сеньора Спринга.

Донъ Кандидо перекрестился, убѣжденный въ томъ, что Мигуель заключилъ союзъ съ дьяволомъ и что послѣднiй принимаетъ участiе въ федерацiи.

— Впрочемъ, — продолжалъ донъ Мигуель, — на первый взглядъ этотъ союзъ долженъ внушить Британскому кабинету кое-какiя опасенiя насчетъ того влiянiя, которое Францiя прiобрѣтетъ въ этихъ странахъ въ случаѣ торжества унитарiевъ. Но послѣднiе разсѣяли эти опасенiя искусной и хорошо соображенной политикой, изъ которой можно понять, что уступки, сдѣланныя Францiи, соотвѣтствуютъ той общей программѣ, которой они намѣрены держаться на будущее время въ политическихъ и коммерческихъ сношенiяхъ со всѣми другими государствами, что эта система гарантiй и порядка будетъ распространена на всѣхъ иностранцевъ, живущихъ въ республикѣ. Они объявляютъ навигацiю по внутреннимъ рѣкамъ свободною; они называютъ европейскую эмиграцiю необходимостью и свои политическiе интересы связываютъ съ коммерческими.

— Все это измѣна! — вскричалъ донъ Филиппъ, не понявшiй изъ всего слышаннаго имъ ни одного слова.

— Продолжайте! — сказалъ сеньоръ Срингъ, живо заинтересованный.

— Англiйскiй министръ, — продолжалъ молодой человѣкъ, — долженъ считаться съ такой программой, принимая во вниманiе, съ одной стороны, невыгоды прямо враждебныхъ къ Францiи отношенiй по Лаплатскому вопросу, а съ другой — выгоды, которыя онъ можетъ сохранить и въ будущемъ, только оставаясь нейтральнымъ въ томъ вопросѣ, при разрѣшенiи котораго можетъ восторжествовать партiя, принявшая во вниманiе при выработкѣ своей программѣ выгоды торговли, капитала и европейской эмиграцiи, дружбу которой, быть можетъ, впослѣдствiи придется покупать дорогою цѣною для того, чтобы уравновѣсить влiянiе, прiобрѣтенное Францiею.

— Но это мошенничество! — вскричалъ сеньоръ донъ Филиппъ, — измѣна, посягательство на нацiональную независимость!

— Конечно,—проговорилъ донъ Мигуель,—это страшное мошенничество унитаріевъ. Но это не помѣшаетъ имъ разрушить наши разсчеты на Англію. Вся наша надежда въ этомъ случаѣ основана, сеньоръ Арана, на томъ искусствѣ, съ которымъ Вы убѣдите сеньора Спринга въ томъ, сколько вреда заключается въ мысли унитаріевъ для американскихъ и европейскихъ интересовъ.

— Да, конечно... дѣйствительно, я поговорю объ этомъ съ сеньоромъ Спрингомъ.

— Да, мы поговоримъ объ этомъ!—отвѣчалъ англійскій министръ, обмѣниваясь значительнымъ взглядомъ съ молодымъ человѣкомъ.

— Не можете-ли Вы дать мнѣ копію этого документа?

— Къ несчастію это невозможно!—отвѣчалъ донъ Мигуель, дѣлая, однако, утвердительный знакъ англійскому министру, который тотчасъ-же былъ понятъ послѣднимъ.

— Я не могу сдѣлать этого,—продолжалъ донъ Мигуель,—такъ какъ отдалъ одну копію сеньору губернатору, который казался весьма раздраженнымъ тѣмъ, что его министръ иностранныхъ дѣлъ ничего не зналъ объ этомъ дѣлѣ.

— Я рѣшительно ничего не зналъ!—вскричалъ донъ Филиппъ.

— Я и говорю о томъ, что Вы ни о чемъ не знаете; если когда-нибудь Вы будете говорить объ этомъ дѣлѣ съ Его Превосходительствомъ, Вы сами увидите, какъ онъ недоволенъ этимъ невѣдѣніемъ.

— О, я говорю съ Его Превосходительствомъ только о тѣхъ вещахъ, о которыхъ онъ самъ начинаетъ говорить!

— Въ этомъ заключается Ваше искусство, сеньоръ Арана!

— Я остерегусь сказать хоть одно слово по этому дѣлу

— Вы правы!

— Не таково-ли и Ваше мнѣніе, сеньоръ Спрингъ?

— Я раздѣляю мнѣніе сеньора дель-Кампо.

— О, мы вполнѣ всѣ согласны другъ съ другомъ!—сказалъ Арана, откинувшись на спинку своего кресла.

— А можемъ-ли мы придти къ соглашенію по тому дѣлу,

которое привело меня къ Вашему Превосходительству?— спросилъ сеньоръ Спрингъ.

— По дѣлу объ англійскомъ подданномъ?

— Совершенно вѣрно.

— Если-бы мы могли, то...

— То что-же, сеньоръ? Это самое простое дѣло.

— Такъ какъ сеньора губернатора нѣтъ...

— Но, вѣдь, Ваше Превосходительство временный губернаторъ, — и въ такомъ простомъ дѣлѣ...

— Это правда, сеньоръ; но я не могу, не посовѣтовавшись съ нимъ...

— Да, вѣдь, это не политическій вопросъ; это гражданское дѣло; дѣло идетъ о томъ, чтобы возвратить имущество одному изъ подданныхъ Ея Величества.

— Я посовѣтуюсь съ нимъ.

— Valga me Dios!

— Я посовѣтуюсь съ нимъ.

— Дѣлайте, какъ Вы хотите, сеньоръ Арана.

— При первой возможности я посовѣтуюсь съ нимъ.

— Хорошо, сеньоръ! — отвѣчалъ британскій министръ, поднимаясь съ своего мѣста и берясь за шляпу.

— Вы уже уходите?

— Да, сеньоръ министръ.

— И Вы также, сеньоръ дель-Кампо?

— Къ сожалѣнію, да!

— Но Вы зайдете еще ко мнѣ?

— При первомъ-же удобномъ случаѣ, если только я не стѣсню Ваше Превосходительство.

— Меня стѣснить! мнѣ надо о массѣ вещей поговорить съ Вами.

— Это для меня величайшая честь.

— Итакъ, до свиданія!

Сеньоръ Спрингъ и донъ-Мигуель вышли вмѣстѣ, внутренно смѣясь надъ этимъ бѣднякомъ, носившимъ титулъ министра иностранныхъ дѣлъ.

— Не угодно-ли вамъ выпить стаканъ пунша у меня,

сеньоръ дель-Кампо?—спросилъ министръ, подходя къ своей каретѣ.

— Съ большимъ удовольствіемъ!—отвѣчалъ донъ Мигуель.

Оба сѣли вмѣстѣ въ карету.

Въ тоже самое время съ двухъ разныхъ сторонъ показались два человѣка, направлявшіеся къ дому министра.

Эти два человѣка были донъ Бернардо Викторика и падре Гаетъ.

Когда донъ Мигуель и сеньоръ Спрингъ ѣхали къ прелестной дачѣ англійскаго минисдра, то разговоръ у нихъ, конечно, обратился опять къ тому документу, о которомъ они уже столько говорили и который сильно интересовалъ ихъ обоихъ.

VII.

Сеньоръ временный губернаторъ.

Падре Гаетъ тщетно пытался ускорить свои шаги, чтобы войти въ домъ дона Филиппа Араны ранѣе начальника полиціи; послѣдній, пройдя черезъ дворъ, вошелъ въ кабинетъ временнаго губернатора въ то время, какъ почтенный падре Гаетъ, имѣвшій свои частныя причины не желать разговора съ министромъ въ присутствіи дона Бернардо Викторика, вошелъ въ гостинную, гдѣ и разсыпался въ привѣтствіяхъ передъ сеньорой доньей Паскуалитой Арана, простой, наивной, доброй дамой, ничего не понимавшей въ политикѣ и которая была федералистка только потому, что ея мужъ принадлежалъ къ федералистамъ.

— Что новаго, сеньоръ Викторика?—спросилъ министръ, обмѣнявшись первыми привѣтствіями и дѣлая дону Кандидо знакъ продолжать писать.

Достойный профессоръ, замѣтивъ начальника полиціи, поспѣшилъ привѣтствовать его низкими поклонами.

— Въ городѣ—ничего, сеньоръ донъ Филиппъ,—отвѣчалъ Викторика, закуривая сигаретку и не обнаруживая ни ма-

лѣйшихъ знаковъ почтенія къ Его Превосходительству временному губернатору.

— А что думаете вы о Лаваллѣ?

— Я?

— Да, что вы думаете о томъ, что онъ такъ близко отъ насъ?

— Всего необыкновеннѣе было-бы, если-бы онъ пошелъ назадъ, сеньоръ донъ Филиппъ.

— Не предвидите-ли вы, что этотъ человѣкъ подниметъ всю страну?

— Онъ для этого и пришелъ сюда!

— Но что-же худого мы сдѣлали ему? Развѣ мы не позволяли ему спокойно жить въ западномъ поясѣ, совсѣмъ ни въ чѣмъ не стѣсняя его?

— Какъ вы думаете, такое поведеніе будетъ наказано Богомъ?

— Я этого не знаю, сеньоръ, но во всякомъ случаѣ, предпочелъ бы, чтобы онъ былъ наказанъ людьми, такъ какъ Богъ далеко, а Лавалль близко.

— Да, слишкомъ даже близко. Знакомы ли Вы съ журналомъ его марша?

— Нѣтъ, сеньоръ.

— Скажите мнѣ, донъ Кандидо, Вы сдѣлали копію съ маршевого журнала?

— Она готова, высокочтимый сеньоръ!—отвѣчалъ частный секретарь съ глубокою почтительностью.

— Прочтите ее.

Донъ Кандидо откинулся назадъ въ своемъ креслѣ, поднесъ бумагу къ своимъ глазамъ и прочелъ слѣдующее:

„Маршъ арміи измѣнниковъ и нечестивцевъ унитаріевъ съ 11 числа текущаго мѣсяца и пр., и пр.

— Вы видите, что дѣлаетъ этотъ человѣкъ!—произнесъ донъ Филиппъ, когда секретарь окончилъ свое чтеніе.

— Да, сеньоръ, я даже съ удовольствіемъ замѣчаю, что онъ не идетъ такъ прямо и быстро, какъ-бы долженъ дѣлать.

— Но онъ идетъ, и въ тотъ день, когда о немъ менѣе всего будутъ думать, появится въ городѣ.

— Что-же дѣлать?—отвѣчалъ Викторика, внутренно смѣясь надъ тѣмъ страхомъ, который легко было замѣтить у министра.

— Что дѣлать?—Вотъ ужъ три ночи, какъ я не сплю, сеньоръ Викторика, и если случайно засыпаю, то тяжело охаю, какъ мнѣ говорила Паскуалита.

— Очевидно, вы больны, сеньоръ донъ Филиппъ.

— Тѣломъ—нѣтъ, благодаря Богу, такъ какъ я веду очень правильную жизнь, но я боленъ душою!

— А, душою!

— Конечно! Я не привыкъ къ такимъ вещамъ! Я никогда не причинялъ никому зла.

— Унитаріи говорятъ не то.

— Т. е., я никого не приказалъ разстрѣлять. Я знаю, что, если они справедливы, то оставятъ меня въ покоѣ. Чего я желаю?—жить по христіански, воспитывая своихъ дѣтей, и окончить сочиненіе о Св. Дѣвѣ Розаріо, которое я началъ въ 1804 г. и съ тѣхъ поръ не могъ окончить, такъ какъ занятія отнимали у меня все свободное время. Вотъ почему, если Лавалль человѣкъ справедливый, то онъ не обагритъ своихъ рукъ въ моей крови и . . .

— Извините меня, сеньоръ донъ Филиппъ, но мнѣ кажется, Вы оскорбляете знаменитаго Ресторадора и всѣхъ защитниковъ федераціи.

— Я?

— Да.

— Что Вы говорите, сеньоръ донъ Бернардо!

— Я говорю, что это значитъ оскорблять Ресторадора и федералистовъ, предполагая хоть одну секунду, что каналья Лавалль можетъ восторжествовать.

— Кто-же Вамъ говорилъ, что онъ не восторжествуетъ?

— Его Превосходительство Ресторадоръ.

— А, онъ это сказалъ!

— И мнѣ кажется, что не временному губернатору опровергать это.

— Кто-же думаетъ опровергать, hombre de Dios! Напротивъ, я очень хорошо знаю что Лавалль найдетъ себѣ здѣсь могилу; я предположилъ только, что, въ случаѣ, если онъ...

— Восторжествуетъ?

— Вотъ именно.

— А, это другое дѣло!—сказалъ Викторика, котораго несмотря на его суровость, сильно забавлялъ этотъ разговоръ.

— Вотъ именно; вотъ что называется понимать другъ друга!

— Если мнѣ удастся придти къ соглашенію съ Вами и по поводу нѣкоторыхъ служебныхъ дѣлъ, то я буду считать цѣль моего посѣщенія Васъ выполненною.

-- Говорите, сеньоръ донъ Бернардо.

— Полицейскій камиссаръ третьяго участка тяжело боленъ; мнѣ надо знать, можетъ ли камиссаръ второго участка исполнять его обязанности!

— Затѣмъ, сеньоръ Викторика?

— Народное общество всѣ ночи производитъ патрулированіе по городу безъ разрѣшенія полиціи.

-- Отмѣтьте все это, донъ Кандидо!

— Сейчасъ высокочтимый сеньоръ губернаторъ!

— Эти патрули не слушаются распоряженій полиціи, такъ что между ними и полиціею происходятъ постоянныя столкновенія.

— Отмѣтьте это обстоятельство, сеньоръ донъ Кондидо!

-- Сію минуту, высокочтимый сеньоръ!

— Одинъ изъ патрулей Народнаго общества арестовалъ сегодня ночью двухъ полицейскихъ сторожей (vigilantes), акъ какъ у нихъ не было членскихъ знаковъ Общества есторадоровъ.

— Не забудьте этого, сеньоръ донъ Кандидо!

— Я уже отмѣтилъ, высокочтимый сеньоръ!

— Четыре булочника явились въ мое бюро съ заявленіемъ, что они не могутъ продолжать болѣе своей работы, если имъ не разрѣшатъ умѣньшить вѣсъ булокъ, такъ какъ они принуждены платить очень дорого иностраннымъ рабо-

тамъ вслѣдствіе всеобщаго возстанія туземцевъ послѣ слуховъ о скоромъ прибытіи Лавалля.

— Пусть они дѣлаютъ булки больше, а, если не хотятъ работать, то пусть нищенствуютъ!

— Сеньора донья Марія Хозефа Эскурра проситъ произвести вторично обыскъ въ Барракасъ, владѣлецъ котораго находится въ отсутствіи уже нѣсколько дней.

— Она проситъ этого на основаніи разрѣшенія Его Превосходительства губернатора?

— Нѣтъ, сеньоръ, отъ самой себя.

— Если такъ, то воздержитесь отъ обысковъ въ домахъ. Что за безуміе возстановлять всѣхъ противъ себя! Довольно людей мы скомпроментировали, сеньоръ донъ Бернардо! Не дѣлайте ничего безъ личнаго приказа сеньора Губернатора.

— Однако, существуютъ сильныя подозрѣнія противъ родственника хозяйки этого дома.

— Кто этотъ родственникъ?

— Донъ Мигуель дель-Кампо.

— Хезусъ! Что Вы говорите?

— Я ихъ.....

— Не говорите глупостей. Я ручаюсь за него, какъ за Св. Дѣву дель-Розаліо. Вы и донья Марія Хозефа Эскурра не знаете, чѣмъ обязана федерація этому молодому человѣку. Интрига, клевета! Ничего противъ дель-Кампо, развѣ только по приказанію сеньора губернатора.

— Я повинуюсь сеньору Арана, такъ какъ не имѣю на этотъ счетъ спеціальныхъ приказаній Его Превосходительства, но я не буду выпускать изъ виду этого молодца.

— Еще что?

— Ничего болѣе!

— Итакъ, Вы кончили?

— Не совсѣмъ, сеньоръ донъ Филиппъ!

— Что-же еще?

— То, что Вы мнѣ не дали никакого отвѣта ни относительно патрулей, ни о томъ, чтобы обязать Народное общество, арестующее агентовъ полиціи...

— Я посовѣтуюсь.

— Но развѣ Вы—не временный губернаторъ?

— Да, я временный губернаторъ!

— Ну, такъ чего-же еще?

— Все равно, я посовѣтуюсь съ Его Превосходительствомъ сеньоромъ губернаторомъ

— Но у сеньора губернатора теперь есть другія дѣла и ему некогда заниматься внутреннею службой.

— Все равно, я посовѣтуюсь съ нимъ.

— Valga me Dios! Сеньоръ донъ Филиппъ, я не знаю, дѣйствительно-ли Вы временный губернаторъ, и входитъ-ли въ число Вашихъ полномочій то, о чемъ я Васъ прошу?

— Да, сеньоръ, я дѣйствительно временный губернаторъ, но только для формы, понимаете!

— Думаю, что понимаю!—отвѣчалъ Викторика, прекрасно знавшій это и раньше, но все-же надѣявшійся заручиться нѣкоторыми гарантіями противъ Масъ—Горки.

— Для формы, — продолжалъ донъ Филиппъ, — чтобы; унитаріи не могли говорить, что мы пренебрегаемъ формами но не болѣе!

— Хорошо.

— Это останется между нами, да?

— Однако, этотъ секретъ всѣмъ извѣстенъ.

— Какой секретъ?

— Относительно формы.

— И....

— И унитаріи зло смѣются надъ нами.

— Измѣнники!

— Они говорятъ, что Вы номинальный временный губернаторъ.

— Продажныя твари!

— Они говорятъ еще, что Вы боитесь.

— Я?

— Да, они утверждаютъ это.

— Боюсь кого?

— Сеньора губернатора, если сдѣлаете что — нибудь,

что ему не нравится, и Лavалля, если сдѣлаете то, что нравится губернатору.

— Они это говорятъ, да?

— Именно это.

— А Вы что-же дѣлаете, сеньоръ начальникъ полиціи?

— Я?

— Да, Вы!

— Ничего.

— Но это неправильно. Клеветники должны быть въ тюрьмѣ.

— Не сами-ли Вы сказали, минуту тому назадъ, что мы довольно уже скомпроментировали людей, чтобы еще преслѣдовать другихъ?!

— Да, но я говорилъ не о клеветникахъ.

— Не придавайте этому значенія.

— Повѣрьте мнѣ, у меня сильное желаніе покинуть министерство, сеньоръ донъ Бернардо!

— Я вѣрю этому. Вы хотите поселиться въ Вашей усадьбѣ, не правда-ли?

— Какая усадьба, если она въ развалинахъ!

— Унитаріи не говорятъ этого.

— Что! Они говорятъ даже о моей усадьбѣ?!

— О Вашихъ *усадъбахъ*.

— Хезусъ! Сеньоръ, о моихъ усадьбахъ!

— Да, они говорятъ, что эти усадьбы полны рогатымъ скотомъ и лошадьми; что всѣ онѣ неправильно пріобрѣтены вами и что ихъ у васъ поэтому конфискуютъ; впрочемъ, почему мнѣ знать все, что они говорятъ?

— Я вамъ приказываю ихъ арестовать.

— Кого?

— Тѣхъ, кто говоритъ подобныя вещи.

— Но они говорятъ это въ Монтевидео, сеньоръ Арана.

— А, въ Монтевидео!

— Да.

— Измѣнники!

— Вѣрно!

— Судите сами: я долженъ былъ отдать за долги купцу Рехасъ все до послѣдняго серебрянаго креста, подареннаго мнѣ Пріоромъ изъ Санъ-Франциско.

— О!

— Вотъ каковы мои усадьбы, измѣнники!

— Итакъ вы не даете мнѣ полномочій для усмиренія Народнаго Общества?

— Теперь моя голова занята не этимъ, я подумаю и дамъ отвѣтъ въ другой разъ.

— Хорошо. Я напишу сеньору губернатору!—сказалъ, поднимаясь со своего мѣста, сеньоръ Викторика, рѣшившись не писать ни одного слова Розасу, но желая только испугать министра.

— Вы уходите?

— Да, сеньоръ.

— Итакъ вы уполномочены!

— Уполномоченъ на что?

— Относительно хлѣба.

— А, я и забылъ объ этомъ.

— Пусть они пекутъ его большимъ.

— Хотя-бы и въ убытокъ?

— Да, хотя-бы и въ убытокъ!

— Очень хорошо! До свиданія, сеньоръ донъ Филиппъ!

— Я вашъ слуга, сеньоръ Викторика. Совѣтуйтесь со мною, если вы будете въ затрудненіи,

— Я сдѣлаю это, такъ какъ вы временный губернаторъ!

— Да, сеньоръ, это такъ, какъ-бы ни злились на это унитаріи.

— Добрый день!

Наиболѣе любопытнымъ явленіемъ въ правительственной системѣ Розаса было тщательное и постоянное производство, которымъ обязаны были всѣ люди, имѣвшіе какую-либо роль въ огромномъ сценаріумѣ его политики.

Каждое лицо было своего рода актеромъ: король передъ зрителями и бѣднякъ въ дѣйствительности.

Министръ, начальникъ дивизіи, депутатъ, судья, главно-

командующій не значили ничего; но они великолѣпно выполняли свои роли въ глазахъ толпы. Но сами они, подобно авгурамъ древняго Рима, знали прекрасно, въ чемъ дѣло, и не могли безъ смѣха смотрѣть другъ на друга, понимая хорошо, что ихъ короны изъ золоченаго картона, а пурпурная мантія—изъ фланели.

Но никто изъ нихъ не осмѣливался открыто сознаться въ истинѣ т. е., что они являлись только носителями титуловъ, а вся власть принадлежала только автору этой траги—комедіи, такъ часто разыгрываемой на глазахъ всего свѣта.

Однако, мы отклонились отъ нашего разсказа. Достойный падре Гаетъ слѣдилъ изъ оконъ гостинной за уходомъ начальника полиціи. Какъ только послѣдній вышелъ на дворъ, онъ распрощался съ дамами, съ которыми бесѣдовалъ и направился въ кабинетъ министра, республиканскія убѣжденія котораго обязывали принимать всѣхъ безъ церемоній.

Голова Медузы или внезапное появленіе тѣни отца не произвели-бы такого ужасающаго дѣйствія на достойнаго дона Кандидо Родригесъ, какъ шутовское и насмѣшливое лицо почтеннаго падре. Удрученный ужасами послѣдняго времени, его слабый духъ ослабѣлъ еще болѣе. Онъ готовъ былъ упасть въ обморокъ. Однако, онъ нѣсколько оправился и, нагнувъ свою голову почти вплотную къ столу, принялся писать дрожащею рукою, не сознавая самъ того, что дѣлаетъ.

Донъ Филиппъ Арана любилъ всѣхъ духовныхъ, но падре Гаета онъ сильно побаивался, зная его близкія сношенія съ Масъ-Горкой.

Замѣтивъ Гаета, онъ стремительно бросился къ нему съ довольнымъ видомъ.

— Что это за чудо, падре!

И онъ хотѣлъ принудить его сѣсть вблизи себя, но патеръ наоборотъ, сталъ прямо противъ дона Кандидо.

— Я пришелъ изъ за двухъ вещей!—сказалъ онъ.

— Говорите, падре! Вы знаете, что я вамъ старый другъ.

— Я сейчасъ увижу это.

— Сначала спѣшу васъ поздравить.

— Спасибо, тысячу разъ спасибо! Что дѣлать! Наша обязанность повиноваться во всемъ сеньору губернатору.

— Это вѣрно. Мы остаемся здѣсь, пока онъ будетъ изгонять измѣнниковъ.

— Что вы хотите еще, падре?

— Я хочу, чтобы вы дали мнѣ разрѣшеніе арестовать нечестивыхъ унитаріевъ, оскорбившихъ меня.

— Ого!

— Меня и всю федерацію.

— Да?

— И самого Ресторадора!

— И его также?

— Всѣхъ!

— Какая дерзость!

— Я больше десяти разъ приходилъ къ губернатору до его отъѣзда, но не могъ говорить съ нимъ.

— Онъ былъ такъ занятъ послѣдніе дни.

— Хорошо; но Викторика не занятъ, а онъ отказался арестовать указанныхъ мною людей, потому что не получилъ на это приказанія.

— Но если это исключительный случай, то онъ долженъ это сдѣлать.

— Онъ ничего не сдѣлалъ и ничего не хочетъ дѣлать изъ того, о чемъ его просятъ я и другіе члены общества Ресторадора.

— Его обязанности, быть можетъ....

— Нѣтъ, сеньоръ: какія обязанности? Онъ ничего не дѣлаетъ потому, что онъ не такой федералистъ, какъ всѣ мы.

— Ну, падре, успокойтесь!

— Я не успокоюсь, сеньоръ, и, если вы откажете мнѣ въ разрѣшеніи, о которомъ я васъ прошу, то я не отвѣчаю за то, что случится.

— Ну, въ чемъ-же дѣло?—спросилъ министръ, внутренно ругавшій своего посѣтителя.

— Въ чемъ дѣло?

— Да, посмотримъ, если эта вещь заслуживающая вниманія, то.....

— Да, хорошо, вы увидите, заслуживаетъ-ли она вниманія. Слушайте меня, сеньоръ донъ Филиппъ!

— Говорите, но будьте спокойнѣе.

— Слушайте! Въ кварталѣ резиденсіи у меня есть нѣсколько старыхъ пріятельницъ, которыя заботятся о моемъ бѣльѣ. Однажды вечеромъ я пошелъ ихъ повидать, это было около двухъ мѣсяцевъ тому назадъ; отворивъ дверь, я вошелъ и повернулся, чтобы затворить ее. Подъ навѣсомъ было темно и...

Падре Гаетъ, прервавъ свой разсказъ, направился къ дверямъ кабинета, полуоткрылъ ее и, указавъ дону Кандидо на уголокъ подлѣ двери, сказалъ ему:

— Идите, товарищъ, и сядьте здѣсь!

Донъ Кандидо дрожалъ съ головы до ногъ; онъ не могъ говорить, будучи какъ-бы парализованъ.

— Ну, это я вамъ говорю,—продолжалъ Гаетъ, — идите и сдѣлайте мнѣ удовольствіе сѣсть здѣсь; Васъ не собака проситъ объ этомъ!

— Идите, донъ Кандидо!—прибавилъ министръ.

Донъ Кандидо поднялся и, тяжело шагая, направился къ мѣсту, указанному ему падре.

— Хорошо,—сказалъ послѣдній.—И такъ я вошелъ подъ навѣсъ, гдѣ было темно и—трахъ!—натолкнулся на какого-то человѣка.

Съ этими словами Гаеиъ подошелъ къ дону Кандидо и сталъ прямо противъ него.

— Тотчасъ-же я вытащилъ свой кинжалъ, этотъ федеральный кинжалъ, сеньоръ Арана, — прибавилъ онъ, вытаскивая изъ-за своего пояса длинный ножъ, — этотъ кинжалъ, который отечество дало мнѣ и всѣмъ своимъ дѣтямъ для защиты святаго дѣла. „Кто тутъ?“ — Спросилъ я, приставивъ этотъ кинжалъ къ груди этого человѣка.

И падре Гаетъ приставилъ къ груди дона Кандидо свой кинжалъ.

— Онъ отвѣчалъ мнѣ, что другъ; но я не вѣрю друзьямъ, рыскающимъ подъ навѣсомъ. Ощупью я повалилъ его и схватилъ за горло.

Съ этими словами падре Гаетъ схватилъ дона Кандидо за галстухъ.

Бѣдный профессоръ чуть не вскрикнулъ, но имѣлъ еще силу удержаться: все спасеніе его заключалось въ молчаніи.

Падре продолжалъ:

— Но въ тотъ моментъ, какъ я готовъ былъ уже задушить его, я выронилъ свой кинжалъ; я наклонился, чтобы поднять его, какъ вдругъ на меня неожиданно наскочилъ другой человѣкъ и приложилъ пистолетъ къ моему виску; и вотъ безоружный, имѣя смерть передъ глазами, я былъ осыпанъ оскорбленіями со стороны этого человѣка; изруганы были также и федерація, и Ресторадоръ; затѣмъ, наговоровъ мнѣ всего, что ему приходило только въ голову, этотъ человѣкъ и его товарищъ овладѣли мной и, такъ какъ случайно женщины вошли, то они заперли меня въ гостиной и убѣжали.

— О, это невѣроятная дерзость!—вскричалъ донъ Филиппъ.

— Не говорилъ-ли я вамъ этого?

— Кто-же эти люди?

— Въ томъ-то и дѣло, что я не могъ ихъ узнать. Они проникли въ домъ съ помощью подобраннаго ключа съ цѣлью дождаться меня, видя, что женщины ушли, но до сихъ поръ я могъ узнать только одного изъ нихъ по голосу.

— Вы слышали весьма любопытную вещь, не правда-ли донъ Кандидо?

Секретарь молча сдѣлалъ жестъ, который долженъ былъ обозначать.

— Необычайную!

— Но что съ вами? Вы блѣдны, какъ мертвецъ.

Донъ Кандидо поднялъ свою руку къ головѣ и приложилъ ее къ своему лбу.

— А, у васъ болитъ голова?

Секретарь сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— Хорошо составьте записку о жалобѣ сеньора кура Гаета, и затѣмъ можете уйти домой!

Донъ Кандидо сѣлъ за столъ и принялся писать.

Падре продолжалъ.

— Это событіе чуть не стоило мнѣ жизни, такъ какъ я только что обильно пообѣдалъ съ четырьмя друзьями. Поэтому ночью у меня былъ апоплексическій припадокъ.

— О, это ужасно!

— Но, какъ я вамъ сказалъ, я уже знаю одного изъ этихъ неизвѣстныхъ и, если мнѣ откажутъ въ правосудіи, то вотъ что мнѣ дастъ его! — прибавилъ онъ указывая на свой длинный кинжалъ.

— Какъ его имя?

— Я его не знаю. Дайте мнѣ бланкъ приказа объ арестованіи, я самъ проставлю имя.

— Однако...

— Вотъ то, чего я хочу!

— Вы кончили, донъ Кандидо? — спросилъ министръ, не знавшій, какъ ему выйти изъ этого лабиринта.

Донъ Кандидо сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— Ну, такъ прочтите это сеньору Гаетѣ.

Бѣднякъ медлилъ.

— Читайте, hombre de Dios! Читайте, что вы написали!

Донъ Кандидо поручилъ себя Богу, взялъ бумагу и началъ читать:

— „Жалоба достойнаго, почтеннаго и уважаемаго выдающагося патріота федераціи...

— Онъ! — вскричалъ монахъ, раскрывая неестественно широко свои глаза и простирая руки къ дону Кандидо.

— Что такое? — спросилъ министръ.

— Вотъ другой!

— Кто?

— Этотъ, онъ былъ подъ навѣсомъ!

— Въ умѣ-ли вы?—вскричалъ Филиппъ.

— Оба найдены!—вскричалъ Падре, потирая себѣ руки.

— Но...

— Да, сеньоръ донъ Филиппъ, а этотъ и былъ другимъ неизвѣстнымъ.

— Я? Мнѣ желать убить достойнаго и уважаемаго падре де-ла Піедадъ? — вскричалъ донъ Кандидо, проникнутый внезапно смѣлостью, которая ему самому, безъ сомнѣнія, показалась странной, чрезвычайной, невѣроятной.

— Тоmа! Поговорите еще немножко...

— Вы ошибаетесь, уважаемый сеньоръ, жарь, возбужденіе...

— Какъ васъ зовутъ?

— Кандидо Родригесъ, готовый къ услугамъ вашимъ и всей вашей почтеннсй семьи...

— Семьи?—Ну, все равно. Вотъ они оба.

— Сеньоръ кура Гаетъ сядьте; во всемъ этомъ есть что-то необычайное!—сказалъ министръ.

— Это ясно, высокочтимый сеньоръ,—вскричалъ донъ Кандидо, набравшись смѣлости,—я думаю, что этому почтенному отцу приснился сонъ, посланный ему нечистымъ.

— Я вамъ дамъ сонъ!

— Тише, сеньоръ Гаетъ! Этотъ сеньоръ—старецъ, давшій мнѣ многочисленныя доказательства своей честности и благоразумія!

— Да, онъ прелестенъ!

— Слушайте: слово „сонъ", произнесенное моимъ секретаремъ, навело меня на блестящую мысль.

— Я ничего не смыслю въ идеяхъ, сеньоръ донъ Филиппъ; это одинъ, а другой я знаю кто.

— Слушайте, hombre de Dios, слушайте!

— Ну, я слушаю.

— Въ тотъ день, вы обѣдали съ нѣсколькими друзьями?

— Да, сеньоръ, я обѣдалъ.

— А затѣмъ спали?

— Да.

— Ну, такъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что

вы намъ разсказали: все это было ничто иное, какъ сцена лунатизма.

— Кой чортъ все это?

— Я объясню вамъ: лунатизмъ есть явленіе, недавно открытое, не знаю кѣмъ. Извѣстно, что есть много лицъ, которыя говорятъ во снѣ, встаютъ, одѣваются, садятся на лошадь, прогуливаются—все это во снѣ; они поддерживаютъ разговоръ съ отсутствующими лицами. Есть между ними и такіе, которыя бросаются на стѣну, воображая, что они сражаются съ врагами. Всѣмъ этимъ явленіямъ и присвоено названіе лунатизма или магнетизма.

— Высокочтимый сеньоръ губернаторъ совершенно правъ! Больше всего этимъ вопросомъ занимаются въ Германіи, стараясь проникнуть въ таинственныя явленія человѣческой природы; на основаніи этихъ изслѣдованій оказывается, что наиболѣе подвержены этимъ таинственнымъ явленіямъ особы нервнаго, горячаго, впечатлительнаго темперамента, подобныя почтенному падре Гаету. Итакъ высокочтимый сеньоръ губернаторъ своимъ просвѣщеннымъ умомъ совершенно правильно рѣшилъ, что уважаемый сеньоръ Гаетъ подвергся припадку лунатизма.

— Вы хотите смѣяться надо мной?

— Я, уважаемый сеньоръ?

— Сеньоръ донъ Филиппъ, развѣ вы не временный губернаторъ?

— Да, но въ случаѣ, подобномъ данному...

— Въ этомъ случаѣ вы должны не отказать мнѣ въ правосудіи. Если вы не прикажете арестовать этого человѣка и другого, котораго я знаю, то я завтра обращусь къ Ресторадору.

— Дѣйствуйте, какъ вамъ угодно. Что касается меня, то я не могу арестовать никого безъ приказанія его превосходительства.

— Даже и этого человѣка?

— Его менѣе, чѣмъ кого-либо другого! Дайте мнѣ доказательства, сеньоръ Гаетъ, доказательства!

— Я вамъ говорю, что это онъ!

— Вы его видѣли?

— Нѣтъ, я его слышалъ.

— Сонъ, лунатизмъ, мой дорогой сеньоръ!—сказалъ донъ Кандидо.

— Я васъ заставлю уснуть навсегда!

— О, сеньоръ Гаетъ, вы — священникъ, — прервалъ его министръ, — человѣкъ съ такимъ положеніемъ и обвиняете безъ всякихъ доказательствъ; хотите затруднять вниманіе правительства въ то время, какъ мы поглощены вторженіемъ этого мерзавца Лавалля!

— Да, но я также поглощенъ оскорбленіемъ этого человѣка и его сообщника, которому я подвергся.

— Онъ не могъ быть этимъ человѣкомъ!

— Это онъ, сеньоръ Арана!

— Нѣтъ, сеньоръ Кура де-ля-Піедадъ! — сказалъ донъ Кандидо, возвысивъ свой голосъ въ первый разъ, такъ какъ онъ чувствовалъ сильную поддержку.

— Это вы; я вижу это по вашему лицу!

— Нѣтъ!

— Да!

— Повторяю вамъ, что нѣтъ, я трижды протестую противъ унизительнаго, ложнаго и клеветническаго обвиненія, возводимаго на меня церковною властью.

— Тише! миръ! миръ!—сказалъ донъ Филиппъ.

— На улицѣ мы увидимъ, будете-ли вы также возвышать свой голосъ! — вскричалъ патеръ, бросая свирѣпый взглядъ на дона Кандидо.

— Я не принимаю этого вывоза. Мы помѣряемся передъ судьями.

— Миръ, ради Бога, миръ!—вскричалъ донъ Филиппъ.

— Сеньоръ министръ, я ухожу; я пойду къ сеньору губернатору.

— Дѣлайте то, что хотите.

— До свиданія, сеньоръ! — сказалъ онъ, смотря на дона Кандидо и подавая руку дону Филиппу.

— Идите, идите, лунатикъ!

— Я васъ заставлю видѣть во снѣ дьявола!

— Идите, идите, сновидецъ!

— А!

— Ну, уходите, падре, уходите!

И взявъ его слегка за руку, министръ выпроводилъ его изъ кабинета. Донъ Кандидо выросъ на десять вершковъ въ собственныхъ глазахъ отъ выказаннаго имъ героическаго мужества.

— Тысячу разъ благодарю, ваше превосходительство, сеньоръ губернаторъ, за благородную и справедливую защиту, которую вы удостоили оказать самому преданному и покорному изъ вашихъ слугъ. Этотъ человѣкъ помѣшанъ, высокочтимый сеньоръ.

— Знаете-ли вы, сеньоръ донъ Кандидо, суть всего этого дѣла?

— Природный глубокій талантъ вашего превосходительства, расширенный образованіемъ, поможетъ мнѣ разъяснить себѣ это.

— Суть всего дѣла состоитъ въ слѣдующемъ: падре Гаетъ, который вообще не отличается трезвостью, выпилъ со своими друзьями болѣе, чѣмъ слѣдовало; затѣмъ онъ повздорилъ съ кѣмъ-нибудь въ пьяномъ видѣ, но самъ не помнилъ гдѣ и съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, а потому и вбилъ себѣ въ голову, что это вы.

— О, какъ я восхищенъ и изумленъ талантомъ вашего превосходительства, который съ перваго взгляда открываетъ всегда съ необыкновенной легкостью скрытыя причины видимыхъ явленій!

— Привычка, мой другъ, привычка...

— Нѣтъ, это талантъ, геній!

— Можетъ быть, немножко и этого, но не столь много, какъ это предполагаютъ!—скромно сказалъ министръ.

— Вполнѣ по заслугамъ!

— Вообще обо мнѣ судятъ поверхностно, такъ, напр., вѣдь не знаютъ всего, что можетъ случиться, и дѣйствуютъ на-

обумъ, а я хочу, чтобы съ удовольствіемъ вспоминали программу моего короткаго управленія.

— Возвышенная программа!

— Христіанская, — вотъ какой я желаю ее видѣть! Но теперь вамъ пора пойти къ монахинямъ и исполнить мое порученіе.

— Сейчасъ?

— Не теряя ни одной минуты,

— Ваше превосходительство не думаетъ того, что этотъ сумасшедшій патеръ дожидаетъ меня у дверей?

— Я не думаю этого, такъ какъ это показывало бы недостатокъ почтенія ко мнѣ; но на всякій случай примите мѣры предосторожности.

— О, я ихъ приму; ваше превосходительство можете быть спокойны!

— Я не хочу крови!

— Крови! клянусь вашему превосходительству, что я сдѣлаю все, что будетъ зависѣть отъ меня, чтобы не пролить ея ни капли!

— Хорошо, вотъ этого я и желаю. Итакъ, идите къ монахинямъ и возвращайтесь сегодня ночью!

— Сегодня ночью?

— Да.

— Это время преступленій, высокочтимый сеньоръ!

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего не будетъ; теперь я пойду отдохнуть немного передъ обѣдомъ.

VIII.

Какъ донъ Кандидо рѣшилъ эмигрировать и что изъ этого вышло.

Двѣ монахини сидѣли на каменной скамьѣ среди группы апельсинныхъ деревьевъ и смотрѣли на прогулку другихъ монахинь въ саду, примыкавшему къ стѣнѣ монастыря, который находился на улицѣ дель-Такуари.

Эти двѣ монахини были сестра Марта дель-Розаріо, аббатисса капуцинокъ, и сестра Марія дель-Пилярь.

Сестра Марія читала внимательно какую-то бумагу; кончивъ свое чтеніе, она обратилась къ матери аббатиссѣ съ слѣдующими словами:

— Это шедевръ, сестра Марта!

— Богъ просвѣщаетъ насъ, сестра Марія, когда мы должны исполнить Его волю,—сказала смиренно аббатисса,—но прочтите мнѣ громко это письмо; можетъ быть, я что нибудь пропустила.

Сестра Марія развернула бумагу и прочла

Хезусъ.

Высокочтимый сеньоръ!

„Мы возносимъ хвалы Богу, повелителю армій, могучая рука котораго поддерживаетъ и даетъ величайшую силу оружію Вашего Превосходительства для одержанія многочисленныхъ побѣдъ. Во имя милосердаго Бога и нашей святой общины, я тысячу разъ привѣтствую Ваше превосходительство. Съ неутомимымъ усердіемъ мы будемъ продолжать молить Всевышняго, чтобы онъ сохранилъ за Вашимъ превосходительствомъ высокія державныя права, доброту, милосердіе и спокойствіе, для утѣшенія любимаго Имъ народа и для славы Вашего Превосходительства, которая, подобно славѣ святыхъ и самого Бога, пребудетъ вѣчною!

„Желаю Вашему Превосходительству наслаждаться добрымъ здоровьемъ, постоянно воспламеняемымъ Божественною любовію, о чемъ за Васъ молитъ смиренная и любящая Ваша дочь въ монастырѣ Пилярской Богоматери и бѣдныя капуцинки“.

Буэносъ-Айресъ, 31 іюля 1840 г.

Сестра Марта дель-Розаріо, недостойная аббатисса.

— Я думаю, что тутъ ничего не пропущено!—сказала сестра Марія, свертывая бумагу.

— Я давно думала объ этомъ въ глубинѣ своей души.

— И Ваша Реверенція полагаетъ, что и вся община думаетъ также?

— Община должна думать такъ же, какъ его аббатисса, иначе это будетъ не только отсутствіе уваженія ко мнѣ, но и неблагодарность, ересь и неисполненіе нашихъ обязанностей передъ сеньоромъ Ресторадоромъ. Вѣдь онъ далъ намъ рѣшетку для храма; онъ уладилъ наши дѣла съ синдикомъ; затѣмъ мы постоянно получаемъ подарки отъ его и его семьи. Что съ нами станетъ въ случаѣ его паденія? Кромѣ того, и другія общины—Сэнто Доминго, Санъ-Франсиско и монахини—Каталинки показали намъ примѣръ; если мы забудемъ поздравить его, то неминуемо впадемъ въ немилость. Пусть это поздравленіе со сраженіемъ подъ Лосъ-Гранде будетъ немного запоздалымъ, зато мы предупредимъ остальныя общины въ другомъ дѣлѣ; но послѣднее, съ которымъ мы обращаемся къ нему, должно сначала показать въ черняке̇ дону Филиппу Арана.

— Ваша мысль нравится мнѣ; дѣйствительно, никто не можетъ намъ дать лучшаго совѣта, чѣмъ этотъ святой человѣкъ.

— Сейчасъ придетъ одно лицо, черезъ котораго все это можно устроить.

Едва сестра Марта успѣла проговорить послѣднія слова, какъ прозвонилъ у дверей колокольчикъ,—и въ садъ вошла монахиня съ докладомъ, что кто-то спрашиваетъ мать аббатиссу.

Послѣдняя встала и направилась въ пріемную. Тамъ былъ сеньоръ донъ Кандидо Родригесъ, который, проговоривъ обычную священную формулу „Ave Maria“ и пр., сказалъ аббатиссѣ:

— Высокочтимый сеньоръ временный губернаторъ, совѣтникъ, докторъ донъ Филиппъ Арана поручилъ мнѣ привѣтствовать отъ своего имени Ея Реверенцію мать аббатиссу и всю святую монастырскую общину и освѣдомиться о здоровьи Ея Реверенціи и всей общины.

— По милости Божіей мы всѣ здоровы и возносимъ молитвы за здравіе сеньора дона Филиппа и всѣхъ, пользующихся милостью Св. Духа,—отвѣчала сестра Марта, которая

по уставу своего ордена, могла разговаривать съ посторонними только черезъ отверстіе въ нижней части „разговорной“.

— Высокочтимый сеньоръ временный губернаторъ приказалъ мнѣ благодарить Вашу Реверенцію за присланные ему торты и лимонныя лепешки.

— Торты не были хороши!

— Я слышалъ, онѣ такъ понравились высокочтимому сеньору, что онъ съѣлъ ихъ цѣлыхъ три штуки.

— Завтра мы пришлемъ ему маленькихъ пирожковъ.

— Маленькіе пирожки высокочтимый сеньоръ кушаетъ съ наибольшимъ удовольствіемъ.

— Мы и вамъ пошлемъ ихъ. Вы живете въ домѣ дона Филиппа?

— Нѣтъ, мать аббатисса, я имѣю свою квартиру; я недостойной секретарь сеньора дона Филиппа, но еслибы вмѣсто маленькихъ пирожковъ вашей Реверенціи и всей общинѣ угодно было помолиться Богу о безопасности и спокойствіи моей жизни среди переживаемаго нами хаоса, я бы былъ вѣчно благодаренъ за ваши благочестивыя молитвы.

— Развѣ вы не федералистъ и не секретарь Его Превосходительства?

— Да, это такъ, но я боюсь интригъ враговъ Бога и людей и въ особенности, мать аббатисса, боюсь недоразумѣнія и клеветъ.

— Будьте покойны, мы будемъ молиться. Какъ васъ зовутъ, братъ мой?

— Кандидо Родригесъ, родился въ Буэносъ-Айресѣ, сорока шести лѣтъ отъ роду, холостякъ, въ настоящее время частный секретарь Его Превосходительства временнаго губернатора, смиренный рабъ Божій и слуга ея Реверенціи и всей общины.

— Сеньоръ донъ Филиппъ не поручалъ Вамъ ничего болѣе?

— Да, поручалъ, мать аббатиса, получить отъ Вашей Реверенціи письмо, адресованное Его Превосходительству Ресторадору всѣхъ законовъ, герою всѣхъ пустынь и федераціи

и чернякъ другого, которое Ея Реверенція, отъ своего имени и всей общины, должна ему послать.

— Это такъ. Все уже готово. Вотъ письмо! — сказала аббатисса, просовывая его въ отверстіе.

— Оно въ моихъ рукахъ, мать аббатисса.

— Очень хорошо. Вотъ чернякъ другаго.

— И его я взялъ!

— Посовѣтуйте сеньору дону Филиппу внимательно прочесть чернякъ и сдѣлать въ немъ исправленія, какія онъ сочтетъ нужнымъ.

— Ихъ придется мало дѣлать, мать аббатисса; письма Вашей Реверенціи должны быть полны, закончены, совершенны.

— Не желаете-ли Вы прочесть чернякъ?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, мать аббатисса.

— Читайте вслухъ: я люблю слушать то, что написала.

— Таковъ вкусъ у всѣхъ мудрыхъ и ученыхъ.

Вслѣдъ затѣмъ донъ Кандидо прочелъ слѣдующее:

Хезусъ!

Высокочтимый сеньоръ!

„Мы молимъ Бога неба и земли, Верховнаго Владыку, чтобы онъ далъ силу побѣдоносной десницѣ Вашего Превосходительства для одержанія новыхъ побѣдъ надъ ожесточенными врагами, наводнившими страну, чтобы они были разсѣяны въ прахъ Вашимъ Превосходительствомъ съ помощью Божественнаго Провидѣнія. Мы непрестанно возносимъ молитвы о томъ, чтобы всѣ славныя предначертанія Вашего Превосходительства исполнились, безъ опасности для Вашей жизни и Вашего драгоцѣннаго здравія и чтобы, воспламеняемые Божественною любовью, Вы вѣчно жили для счастья своихъ народовъ“.

„Таковы мольбы, возносимыя къ небу всей общиной капуцинокъ, и пожеланія для Вашего Превосходительства“.

Августъ 1840 г., Буэносъ-Айресъ.

„Сестра Марта, недостойная аббатисса“.

— Великолѣпно, мать аббатисса!

— Вы находите, что такъ хорошо?

— Сеньоръ донъ Филиппъ не написалъ-бы лучше, несмотря на всю его огромную мудрость и краснорѣчіе.

— Ну, хорошо! Тысячу разъ благодарю Васъ, сеньоръ донъ Кандидо.

— Ея Реверенція не прикажетъ болѣе ничего?

— Нѣтъ, ничего!

— Тогда, какъ только сеньоръ временный губернаторъ познакомится съ этимъ святымъ документомъ, я самъ отнесу его къ Ея Реверенціи, чтобы она могла переписать его начисто.

— Хорошо.

— Теперь я снова прошу Ея Реверенцію не забывать меня въ своихъ святыхъ молитвахъ.

— Будьте покойны.

— Мнѣ остается теперь распроститься съ Ея Реверенціей и святой общиной.

— Да сопутствуетъ Вамъ Богъ, братъ мой!

— Да, мать аббатисса, пусть Богъ будетъ всегда со мною!— отвѣчалъ донъ Кандидо.

Задумчивый, медленными шагами вышелъ онъ изъ монастыря.

Но едва нашъ частный секретарь успѣлъ поставить одну ногу на тротуаръ, а другая еще была на послѣдней ступенькѣ монастырской лѣстницы, какъ его схватила за руку какая-то женщина съ большими черными кудрями, въ безпорядкѣ, одѣтая въ шаль изъ бѣлаго мериноса съ красной каймой, кончикъ которой мелъ мостовую.

— О, какое счастье! Сами Олимпійскіе боги привели меня сюда. О, я не сомнѣваюсь болѣе въ судьбѣ, потому что нашла васъ!—вскричала она.

— Вы ошибаетесь, сеньора, — сказалъ изумленный донъ Кандидо,— я не имѣю чести васъ знать и думаю, что и вы не знаете меня, не смотря на судьбу и на Олимпійскихъ боговъ.

— Я васъ не знаю, я? Вы—Пиладъ!

— Я донъ Кандидо Радригесъ, сеньора.

— Нѣтъ вы Пиладъ, какъ Мигуель—Орестъ.

— Мигуель?

— Да. Неужели и теперь вы будете притворяться, что не знаете меня?

— Сеньора!—вскричалъ онъ въ замѣшательствѣ.

— Я сеньора донья Марселина, въ домѣ которой вы произвели ту удивительную трагедію, которая...

— Сеньора, ради всѣхъ святыхъ молчиге: мы на улицѣ.

— Но я говорю тихо, такъ что и вы едва меня слышите.

— Вы ошибаетесь, я не... я не...

— А, легче было-бы Оресту не узнать болѣе своего отечества, чѣмъ мнѣ не знать своихъ друзей, особенно когда они въ опасности.

— Въ опасности?

— Да, въ опасности. Хотятъ принести васъ и Мигуеля въ Гекатомбу богамъ! — съ жаромъ вскричала донья Марселина.

Донъ Кандидо бросалъ вокругъ себя растерянные взгляды.

— Войдите, сеньора,— наконецъ произнесъ онъ, проводя ее подъ крыльцо монастыря и усаживая на скамью. — Что такое случилось, — продолжалъ онъ, — какого рода ужасныя, страшныя пророчества быстро, стремительно вылетаютъ изъ вашихъ устъ? Въ какомъ мѣстѣ я васъ видѣлъ?

— Я вамъ отвѣчу прежде всего, что разъ я видѣла васъ утромъ въ домѣ моего покровителя дона Мигуеля, а другой въ тотъ моментъ, когда вы выходили изъ подъ навѣса моего дома въ ту ночь, когда...

— Тише!

— Я прибавлю, что въ то время у меня былъ падре Гаетъ.

— Ему надо было быть въ преисподней.

— Тише!

— Продолжайте, прелестная женщина, продолжайте!

— Во время обѣда онъ поносилъ васъ и дона Мигуеля. Въ его рукѣ сверкалъ кинжалъ, болѣе длинный, чѣмъ у Брута, и съ яростью Ореста онъ поклялся преслѣдовать васъ съ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ Монтекки -- Капулетти.

-- Это ужасно!

— Это еще не все.

— Не все?

— Да, онъ поклялся, что начиная съ этой ночи, онъ и четверо другихъ будутъ слѣдить за вами и Мигуелемъ, чтобы убить васъ всюду, гдѣ-бы ни встрѣтили.

— Начиная съ этой ночи!

— Да, въ сравненіи съ мыслью Гаета ни что и слѣдующій стихъ Креона:

Я умру, ты умрешь, они умрутъ.
Всѣ погибнутъ!

Знаете-ли вы Argia, сеньоръ донъ Кандидо?

— Оставьте меня въ покоѣ съ вашими комедіями, сеньора,— вскричалъ донъ Кандидо, вытирая потъ, струившійся съ его лба.

— Это не комедія, это страшная трагедія.

— Какая трагедія ужаснѣе того, что со мной происходитъ, Санто Діосъ?

— Хуже всего то,, что вы и Мигуель будете невинными жертвами, принесенными Юпитеру.

— Невинными! Я-то ужъ конечно невиненъ! Адскій кура Гаетъ! Пусть его во снѣ мучаетъ милліонъ змѣй!

— Тише! Даже здѣсь насъ могутъ слышать. Мы живемъ на вулканѣ. Я, несмотря на то что женщина, быть можетъ больше всѣхъ скомпрометирована моими старыми знакомствами и моими политическими взглядами. Вы знаете меня?

— Нѣтъ, я не хочу васъ знать, сеньора.

— Уже давно я скомпрометирована.

— Вы?

— Я, всѣ мои друзья были жертвами: приблизиться, ко мнѣ или имѣть надъ своей головою мечъ ангела-истребителя—

одно и тоже. Я, мои друзья и несчастіе образуемъ всѣ трое три единства классической трагедіи, какъ это мнѣ часто онъ смялъ знаменитый поэтъ Лафинаръ, знавшій, что ничѣмъ нельзя мнѣ доставить большаго удовольствія, какъ разговоромъ о магистратурѣ. И такъ я не могу говорить съ кѣмъ-нибудь безъ того, что съ нимъ не случилось тотчасъ же несчастія.

— И вы говорите мнѣ это только сейчасъ! — вскричалъ донъ Кандидо, поспѣшно хватаясь за свою шляпу и поднимаясь со скамьи.

— Остановитесь, жертва, предназначенная для ярости вашего врага!—вскричала донья Марселина.

— Я? Мнѣ остаться съ вами?

— А что стало-бы съ жизнью вашей и Мигуеля, еслибы я не полетѣла предупредить васъ объ угрожающей вамъ страшной опасности?

— А что станетъ со мною, если я буду продолжать разговаривать съ вами?

— Все равно, вамъ предназначено умереть: судьба неумолима.

— Чортъ бы васъ побралъ, сеньора!

— Опомнитесь безумецъ! Если вы не будете разговаривать со мною, то умрете отъ руки Гаета; если же останетесь со мною, то погибнете отъ руки властей.

— Съ нами крестная сила! — вскричалъ донъ Кандидо, смотря на донью Марселину испуганными глазами и складывая указательные пальцы обѣихъ рукъ ввидѣ креста.

— Ah', cuando no se ha istvoa
A la benexisencia Naciendo iugrataes!

т. е. Ахъ, когда благодѣтель могъ видѣть.

Благодарность отъ тѣхъ, кому сдѣлалъ добро!—отвѣчала донья Марселина двумя стихами испанскаго поэта.

— Прощайте, сеньора.

— Подождите; боги устроили нашу встрѣчу, и мнѣ не надо болѣе идти къ дону Мигуелю. Поклянитесь мнѣ летѣть на встрѣчу къ нему и увѣдомить его объ угрожающей вамъ катастрофѣ?

— Да, сеньора, ранѣе, чѣмъ черезъ часъ я увижусь съ нимъ. Но вы, съ своей стороны, поклянитесь мнѣ, что никогда, чтобы со мною не случилось, вы не остановите меня на улицѣ!

— Клянусь въ этомъ могилами моихъ предковъ!—вскричала донья Марселина, простирая свою руку и возвышая голосъ, хриплое эхо котораго потерялось подъ сводами монастырскаго входа.

Испуганный донъ Кандидо подумавъ, что имѣетъ дѣло съ сумасшедшею, пустился бѣжать безъ оглядки, куда глаза глядятъ, не безпокоясь даже за странность своего бѣгства.

Только удостовѣрившись, наконецъ, что онъ одинъ, почтенный профессоръ прекратилъ свой бѣгъ и пошелъ спокойными шагами. Оглядѣвшись кругомъ, онъ увидѣлъ. что находится близъ улицы Потози. Онъ пошелъ туда большими шагами, повернулъ затѣмъ на улицу Флорида и черезъ Викторію спустился къ Бахо, пройдя Площадь 25 мая и оставивъ крѣпость вправо отъ себя.

Было три часа по-полудни—часъ, когда въ зимнее время портеньи никогда не покидаютъ своей старой привычки выходить на солнышко.

Аламеда *) была полна народомъ.

Пять пушечныхъ выстрѣловъ съ баттареи, построенной съ начала блокады въ заливѣ дель-Ретиро, сзади великолѣпнаго дворца сеньора Лаприды, занятаго теперь мистеромъ Слэдомъ, консуломъ Соединенныхъ Штатовъ, привлекли сюда вниманіе всѣхъ прохожихъ, желавшихъ узнать причину кононады.

Это была, однако, обычная вещь, случавшаяся постоянно: этой кононадой сопровождались, обыкновенно, приближеніе какой-нибудь французской шлюпки, проѣзжавшей близъ берега и отыскивавшей удобное мѣсто, гдѣ бы можно было пристать ночью для пріема эмигрантовъ.

Ни разу ни одна изъ такихъ шлюпокъ не была даже слегка задѣта ядрами съ трехъ большихъ береговыхъ

---

*) Мѣсто гулянья.

батарей: артиллеристы Розаса не могли имѣть другого удовольствія, какъ любоваться рикошетами своихъ снарядовъ по бушующимъ волнамъ рѣки.

На этотъ разъ французское суденышко, по которому раздалось пять выстрѣловъ съ батареи, такъ близко подошло къ берегу, въ насмѣшку-ли надъ врагомъ или по приказанію, полученному офицеромъ, бывшимъ на немъ, но только оно подъ прикрытіемъ крутаго берега подошло почти на дальность ружейнаго выстрѣла съ порта, находясь, слѣдовательно, подъ перекрестнымъ огнемъ съ крѣпости и батареи.

Тотчасъ-же собралась толпа на пристани, самой худшей между прочимъ, изъ тѣхъ которыхъ, мы знаемъ, потому что ее и не хотѣли дѣлать хорошей.

— Они идутъ на насъ!—говорили одни.

— Умертвимъ ихъ, когда они высадятся! — вскричалъ Ларразабаль.

— Бинокль! — кричалъ Химено.

— Это высадка! — кричали другіе.

— Очистите мѣсто: батареи откроютъ огонь! — сказалъ одинъ изъ членовъ Народнаго Общества, сидѣвшій верхомъ на лошади.

На шлюпкѣ внезапно убрали паруса, и она стала неподвижно не болѣе, какъ въ двухъ стахъ метрахъ отъ берега.

Всѣ ждали.

Но не одна шлюпка привлекала всеобщее вниманіе. Въ пятидесяти метрахъ отъ берега изъ воды подымалась черноватая и довольно большая скала; добраться до нея можно было, только пройдя по водѣ. На этомъ, своего рода островѣ, вблизи котораго находилась шлюпка, стоялъ человѣкъ, одѣтый въ широкій бѣлый сюртукъ. Очевидно, сорокъ метровъ, отдѣлявшихъ островокъ отъ берега, онъ прошелъ прямо по водѣ, незамѣченный никѣмъ: другой дороги не было. Этотъ человѣкъ былъ донъ Кандидо Родригесъ, у котораго внезапно явилась мысль эмигрировать.

— Вотъ благопріятный случай для тебя, Кандидо! —

сказалъ онъ самъ себѣ, сидя на скалѣ. — Само Провидѣніе привело тебѣ сюда. Ну, мужайся! Какъ только эта спасительная лодка немного приблизится, бѣги, бросайся, лети въ рѣку и отдайся подъ защиту этой шлюпки.

Все это внушалъ несчастному профессору страхъ—самый худшій совѣтникъ на свѣтѣ, а между тѣмъ донъ Кандидо и не замѣтилъ, что за нимъ была сотня солдатъ — федералистовъ, которые съ однимъ ударомъ нагайки по лошадямъ въ двѣ минуты будутъ близъ него, если онъ сдѣлаетъ только шагъ къ шлюпкѣ, что въ дѣйствительности и случилось.

Офицеръ, командовавшій шлюпкою, наводилъ свою подзорную трубу на толпу, какъ вдругъ раздался пушечный выстрѣлъ, и четыре пирамиды воды поднялись въ нѣсколькихъ только метрахъ отъ шлюпки, привлекая взгляды всѣхъ зрителей, разразившихся при этомъ шумными рукоплесканіями.

Въ этотъ моментъ на шлюпкѣ подняли парусъ и такъ такъ для слѣдованія по вѣтру ей надо было идти на западъ, то всѣ и думали, что она направится къ молу. Первымъ, кто схватился за эту мысль, былъ несчастный профессоръ: соскочить со скалы, войти въ воду и, дойдя до болѣе глубокаго мѣста, пуститься вплавь—было для него дѣломъ одной минуты.

Но не успѣлъ еще онъ сдѣлать и одного шага въ этой импровизированной ваннѣ, какъ шлюпка повернула бортъ, взяла на востокъ и скорѣе полетѣла, нежели поплыла, уносимая южнымъ вѣтромъ.

Въ то самое время, какъ донъ Кандидо, открывъ испуганно глаза, скрестилъ свои руки, четыре лошади поднявъ облака воды, налетѣли на него.

Донъ Кандидо только повернулъ голову, какъ уже былъ окруженъ четырьмя федералистами, на лицахъ которыхъ прочелъ свой смертный приговоръ.

— Вы хотѣли уѣхать!—сказалъ одинъ изъ нихъ, поднимая надъ головою несчастнаго желѣзный наконечникъ своего бича.

— Нѣтъ, сеньоръ!—отвѣчалъ донъ Кандидо, машинально дѣлая глубокіе поклоны передъ солдатами и лошадьми.

— Какъ же могло быть иначе, когда вы направились въ самую глубь?

— Да, мои уважаемые друзья федералисты, я вышелъ изъ дома сеньора временнаго губернатора, у котораго состою секретаремъ и.....

— Однако, вы направлялись на встрѣчу шлюпкѣ! — перебилъ его другой солдатъ.

— Нѣтъ, сеньоръ! Боже избави меня отъ подобной мысли! Я хотѣлъ только возможно ближе подойти къ шлюпкѣ съ цѣлью убѣдиться, не скрывается-ли въ ней подъ скамейками солдаты, предназначенные для высадки. Объ этомъ я увѣдомилъ-бы геройскихъ защитниковъ федераціи и побуждалъ-бы ихъ побѣдить или умереть за отца всѣхъ жителей Буэносъ-Айреса и за сеньора дона Филиппа и его почтенную семью.

Толпа матросовъ и другого простого люда, окружившая дона Кандидо и федералистовъ, сначала съ цѣлью посмотрѣть, какъ будетъ убитъ почтенный профессоръ, испуская крики.— „Смерть французамъ!“ и „Да здраствуетъ федерація“, теперь, напротивъ, разразились восторженными рукоплесканіями по его адресу, услышавъ его разговоръ съ солдатами.

Полковникъ Креспо, подполковникъ Химено, Ларразабаль и нѣкоторые другіе сгруппировавшись на маленькомъ холмѣ близъ порта, не зная, что такое произошло, кричали такъ громко, желая узнать въ чемъ дѣло, и дѣлали такіе энергичные знаки солдатамъ, что одинъ изъ нихъ посадилъ дона Кандидо на крупъ своей лошади съ помощью нѣсколькихъ находившихся тутъ энтузіастовъ. Затѣмъ они проводили съ тріумфомъ до самой Аламеды геройскаго секретаря Его Превосходительства, бросившагося въ воду съ цѣлью разглядѣть дно французской шлюпки.

Безполезно говорить о всѣхъ поздравленіяхъ, съ которыми обращались къ дону Кандидо его почитатели.

Мы прибавимъ только, что подъ тѣмъ предлогомъ, что

онъ вымокъ, экс-профессоръ дона Мигуеля наскоро простился со своими друзьями и, такъ какъ по естественной реакціи его организма, искуственное мужество, давшее ему возможность избѣжать опасности, почти немедленно смѣнилась слабостью, то онъ и принужденъ былъ зайти въ ближайшую гостинницу и выпить чашку кофе, чтобы имѣть силу дойти до дома дона Мигуеля, причемъ обѣщалъ себѣ бросить послѣднему въ лицо напоминаніе о тѣхъ бесчисленныхъ опасностяхъ, которымъ онъ подвергается съ тѣхъ поръ, какъ его ученикъ заставилъ его вступить на арену политической жизни.

IX

Гдѣ говорится о многихъ интересныхъ вещахъ.

Во время всякой революціи, когда идеи, составляющія ея основу, не настолько еще назрѣли, чтобы народъ могъ ихъ понять, а, слѣдовательно, и признать, потому что ихъ время еще не наступило и яркій свѣтъ цивилизаціи затемненъ тѣнью варварства, которое изо всѣхъ силъ старается погасить этотъ свѣтъ, тогда-то и всплываютъ на поверхность жизни реакціонные принципы, подобно мутному илу; они ищутъ другъ, друга, соединяются, сгущаются, такъ сказать, и наконецъ, воплощаются въ одномъ человѣкѣ, соединяющемъ всѣ эти дурные элементы.

Реакція въ Буэносъ-Айресѣ была воплощена въ лицѣ Розаса.

Розасъ, прекрасный гаучо (пампасскій пастухъ) въ полномъ смыслѣ этого слова, присоединилъ къ своему воспитанію и своимъ дикимъ инстинктамъ и всѣ пороки цивилизаціи: онъ умѣлъ говорить, лгать и обманывать.

Однако, онъ обязанъ былъ вѣрностью той реакціи, которая была воплощена и олицетворена въ немъ, такъ какъ зналъ, что въ тотъ день, когда онъ измѣнитъ ей, будетъ первой жертвой. Вѣрный своему происхожденію и

принятой имъ на себя миссіи, онъ далъ первое мѣсто въ обществѣ Буэнесъ- Айреса гаучосомъ, ихъ идеямъ и ихъ привычкамъ, какъ только почувствовалъ себя главою реакціи.

Буэносъ-Айресъ со стономъ согнулся подъ этимъ ненавистнымъ игомъ. Теперь уже не федералисты и унитаріи стояли лицомъ къ лицу, а прогрессъ и цивилизація, олицетворяемые унитаріями съ одной стороны, и коварство въ лицѣ федералистовъ, т. е. гаучосовъ,—съ другой.

Интересно познакомится поближе съ этой странной расой. Эти существа по своимъ инстинктамъ приближаются къ дикарямъ; по религіи же и языку они близки къ цивилизованному обществу.

Аргентинскій гаучо не имѣетъ себѣ подобнаго въ цѣломъ свѣтѣ; его нельзя сравнить ни съ арабомъ, ни съ цыганомъ, ни съ индѣйцами американскихъ пустынь. Онъ не похожъ ни на кого изъ нихъ: онъ самъ по себѣ.

Природа—его первая наставница; онъ родился среди наиболѣе дикихъ ея явленій, выростаетъ въ борьбѣ съ нею и получаетъ образованіе отъ нея-же.

Необъятность, дикость и суровость его родныхъ саваннъ — вотъ впечатлѣнія, которыя съ дѣтства закаляютъ его духъ.

Одинокій, предоставленный самому себѣ, отторгнутый, такъ сказать, отъ общенія съ жизнью цивилизованныхъ людей, постоянновъ борьбѣ съ стихіями и опасностями, онъ закаляетъ свое сердце; его умъ постепенно наполняется гордостью по мѣрѣ того, какъ онъ торжествуетъ надъ препятствіями, попадающимися ему на каждомъ шагу. Его мысли дѣлаются смутными; его кругозоръ съуживается, вмѣсто того чтобы расшириться. Пустыня и природа проявляютъ на немъ свои неизмѣнные и вѣчные законы; свобода и независимость—эти два первыхъ могучихъ инстинкта человѣчества, дѣлаются непремѣнными условіями жизни гаучо.

Лошадь доканчиваетъ дѣло природы: матеріальный элементъ оказываетъ свое моральное дѣйствіе. Родясь, такъ сказать, на лошади, гаучо забываетъ необъятность пустынь,

такъ какъ перелетаетъ ихъ вихремъ на своемъ конѣ; послѣднiй является въ одно время и его другомъ, и его рабомъ. Сидя на немъ онъ не боится ни природы, ни людей. На немъ онъ представляетъ изъ себя образецъ грацiи и изящества, которыя не свойственны ни американскому индѣйцу, ни европейскому всаднику.

Патрiархальная жизнь, которую гаучо ведетъ или по необходимости, или изъ вкуса къ ней, дополняетъ его физическое и моральное воспитанiе. Эта жизнь дѣлаетъ его сильнымъ, ловкимъ, смѣлымъ; она даетъ ему то равнодушiе къ виду крови, которое такъ влiяетъ на его нравъ.

Эта-то жизнь и это-то воспитанiе и даютъ гаучо понятiе о своемъ превосходствѣ надъ жителями городовъ, которые, совершенно естественно, независимо отъ его воли, внушаютъ ему глубокое презрѣнiе.

Горожанинъ плохо сидитъ на лошади, онъ не способенъ обойтись безъ посторонней помощи въ льяносахъ, пампасахъ и въ пустынѣ, еще болѣе неспособенъ достать себѣ тѣ вещи, въ которыхъ чувствуетъ непреодолимую нужду; наконецъ, житель города не умѣетъ остановить быка неизмѣннымъ лассо (арканомъ) гаучо; ему противно погрузить свой ножъ по самую рукоятку въ горло животнаго и онъ не можетъ видѣть безъ дрожи своей руки, обагренной кровью.

За все это гаучо и презираетъ его; презираетъ онъ и законы, такъ какъ они выходятъ изъ городовъ, а вольный сынъ степи не нуждается въ посторонней помощи, имѣя свою лошадь, лассо и пустыни, гдѣ онъ можетъ жить, не боясь никого.

Вотъ эта-то раса или этотъ классъ людей и образуетъ собственно говоря аргентинскiй народъ; подобно урагану она проносится вблизи городовъ.

Однако, представители и этой неукротимой расы способны довольно легко чувствовать почтенiе и уваженiе къ извѣстнымъ лицамъ, именно тѣмъ, которые обладаютъ наиболѣе замѣчательными качествами, характеризующими гаучо.—И эти люди дѣлаются первыми между равными.

Въ жизни цивилизованнхъ людей нѣтъ болѣе обычнаго явленія, какъ подчиненіе многочисленныхъ армій дурнымъ генераламъ, а политическихъ партій — невѣжественнымъ вожакамъ.

Среди гаучо подобное явленіе немыслимо. Глава ихъ всегда лучшій изъ нихъ. Онъ можетъ достичь этого отличія только послѣ общаго признанія его выдающихся достоинствъ.

Свое вліяніе и свое значеніе такой человѣкъ можетъ пріобрѣсти не иначе, какъ лихо сидя на спинѣ дикой лошади, съ лассо въ рукѣ; онъ долженъ постоянно проводитъ ночи подъ открытымъ небомъ, знать пустынню, какъ свои пять пальцевъ, долженъ смѣяться надъ всякою военною и гражданскою властью; словомъ, надъ всѣмъ, что исходитъ изъ городовъ, людей или законовъ.

Безполезно пытаться подчинить себѣ гаучо, не признавъ этихъ главныхъ положеній; за то тотъ, кто усвоитъ ихъ себѣ и умѣетъ во время показать это, сдѣлается начальникомъ гаучо; онъ можетъ руководить ими и дѣлать съ ними то, что захочетъ.

Вотъ каковъ гаучо! Вотъ каковъ былъ и Розасъ, глава партіи федералистовъ. Послѣдняя, выбравъ его своимъ главою, считала себя побѣдительницей, хотя она только купила эту побѣду надъ своими политическими противниками цѣною чести и свободы своего отечества, о чемъ эта партія очень хорошо знала, когда передала страну въ руки бандита, который рано или поздно долженъ былъ растоптать копытами своихъ дикихъ лошадей тѣ права, которыя эта партія пыталась осуществить въ федеральной системѣ. Однимъ словомъ, федералисты не были обмануты, тѣмъ болѣе что они знали Розаса, когда ему было еще пятнадцать лѣтъ: будучи еще шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, этотъ непокорный сынъ своей семьи, былъ постыдно прогнанъ послѣдней. Впослѣдствіи онъ выказалъ черную неблагодарность и къ своимъ благодѣтелямъ гаучо, оставивъ ихъ на произволъ судьбы и постыдно убѣжавъ въ укрѣпленіе Санто Лугаресъ,

куда онъ скрылся, испугавшись горсти честныхъ людей, подъ командой Лавалля.

Шесть тысячъ такихъ же головорѣзовъ за редутами Сантосъ Лугаресъ ждали только одного слова, чтобы по знаку тирана опустить свое оружіе на тѣхъ, кто приносили имъ прогрессъ и свободу.

Измѣнники передъ своей общею матерью, отечествомъ, эти презрѣнные могли быть ими-же и по отношенію къ тому, кому они продали свои права.

Среди ночной тишины ходили троякаго рода патрули, смѣняемые черезъ каждые два часа: одни наблюдали за окрестностями площади; другіе за укрѣпленіями, послѣдній патруль, наиболѣе многочисленный, ходилъ среди солдатскихъ палатокъ.

Была ли среди послѣднихъ палатка тирана? Можно-ли было ее узнать по какому-либо внѣшнему признаку? Нѣтъ, Розасъ не имѣлъ палатки! Днемъ онъ писалъ, сидя въ своей повозкѣ, а ночью уходивъ, невѣдомо куда; притворно онъ приказывалъ по вечерамъ раскинуть свое рекадо (сѣдло и все снаряженіе лошади) на опредѣленномъ мѣстѣ; но черезъ полчаса рекадо оставлялось подъ охрану часового. Онъ скрывался даже отъ своихъ собственныхъ солдатъ и переходилъ съ мѣста на мѣсто, мѣняя каждую минуту конвой, чтобы никто не зналъ, гдѣ онъ находится.

Однако, оставимъ Розаса и вернемся къ его дочери, бывшей его первой жертвой и, помимо ея воли, лучшимъ орудіемъ его дьявольскихъ плановъ.

Доньѣ Мануелѣ было двадцать лѣтъ; она была прекрасна. Уже два раза сердце ея чувствовало сладкое біеніе любви, и дважды грубая рука ея отца разрушала ея грезы о счастьѣ.

Розасъ осудилъ свою дочь на вѣчное безбрачіе: бѣдное дитя знало его постыдные секреты, его преступленія,—и тиранъ не хотѣлъ, чтобы мужъ ея зналъ о нихъ.

Она-же была и главнымъ средствомъ для его популярности. Вмѣстѣ съ нею онъ льстилъ самолюбію жалкихъ лю-

дей, возведенныхъ имъ на высокое положеніе; она объясняла его мысли его подлымъ сотрудникамъ; черезъ нее, наконецъ, онъ понималъ малѣйшіе жесты тѣхъ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло.

Вмѣстѣ съ тѣмъ дочь его была и ангеломъ-хранителемъ его жизни; она слѣдила за малѣйшимъ его знакомъ; наблюдала за домомъ, дверьми, окнами и даже за его столомъ.

Приблизимся теперь къ этой несчастной дѣвушкѣ въ то время, когда она среди своей гостинной, наполненной людьми разнаго рода, вечеромъ 16 августа, съ прелестной, печальной улыбкой на своихъ устахъ, сидѣла среди страннаго общества, окружавшаго ее. Въ это время она принимала визиты главныхъ членовъ Народнаго Общества; гости курили, произносили клятвы, ругательства, грязнили ковры своими сапогами и мочили полъ водой, струившейся съ ихъ плащей.

Весь цвѣтъ федеральной демократіи, казалось, назначилъ себѣ свиданіе въ гостинной доньи Мануелы.

Каждая группа описывала на свой манеръ современное положеніе; но очевидно было, что никто ни одну секунду даже не сомнѣвался въ торжествѣ Розаса надъ „нечестивыми унитаріями“.

Одни говорили, что голову Лавалля слѣдуетъ помѣстить въ клѣтку и выставить ее на „площади побѣды“, другіе находили, что всю плѣненную армію унитаріевъ слѣдуетъ отдать Народному Обществу, которое истребитъ ее на площади-Ретоpo.

Женщины принимали въ этихъ разговорахъ самое горячее участіе; менѣе жестокія изъ нихъ предлагали отрѣзать матерямъ, женамъ, дочерямъ и сестрамъ измѣнниковъ унитаріевъ волоса, которые-бы служили затѣмъ имъ, женщинамъ—федералисткамъ.

Донья Мануела видѣла и слышала все, но уже не могла болѣе удивляться или содрогаться передъ такими словами: привычка примирила ее съ этими эксцентрическими разговорами.

*

Ларразабаль объявилъ во всеуслышаніе, что ждетъ только разрѣшенія Его Превосходительства, чтобы первому омочить свой кинжалъ въ крови унитаріевъ.

— Вотъ, кто говоритъ, какъ добрый федералистъ!— произнесла донья Марія Хозефа.—Унитаріи воспользовались добротой Хуана Мануеля, чтобы убѣжать изъ страны, а теперь возвращаются съ Лаваллемъ.

— Они найдутъ здѣсь свои могилы, сеньора,—произнесъ другой,—и мы должны поздравить себя съ ихъ бѣгствомъ!

— Нѣтъ, сеньоръ, нѣтъ; лучше было-бы ихъ убить, нежели отпустить!

— Вѣрно!—вскричалъ Соломонъ.

— Да, сеньоръ, вѣрно,—отвѣчала старуха;—можно еще допустить милость Хуана Мануеля, но что сказать о тѣхъ, которые, получивъ съ его стороны приказаніе арестовать унитаріевъ, занимаются пустяками и даютъ возможность унитаріямъ ускользать?!

Съ этими словами старуха выразительно уставила свои глаза, прямые какъ у гіены, на подполковника Китиньо, который, стоя въ двухъ шагахъ отъ нея, безпечно курилъ сигаретку.

— И это было-бы еще ничего,—продолжала старуха,— но дѣло идетъ еще дальше: когда добрые слуги федераціи указываютъ имъ, гдѣ скрываются унитаріи, они отправляются туда и, вмѣсто того, чтобы арестовать унитаріевъ, позволяютъ глупо дурачить себя.

Китиньо повернулся къ старухѣ спиной.

— Вы уходите, сеньоръ Китиньо?—сказала она.

— Нѣтъ, сеньора, я знаю, что дѣлаю!

— Не всегда.

— Всегда, сеньора. Я умѣю убивать унитаріевъ и это доказалъ. Унитаріи хуже собакъ; моимъ величайшимъ удовольствіемъ служитъ пролитіе ихъ крови. Вы же заблуждаетесь иногда.

— Подполковникъ Китиньо — наша лучшая шпага!— сказалъ Гарратосъ.

— Вотъ это я постоянно говорю Пеньѣ, чтобы онъ слѣдовалъ его примѣру!—сказала донья Симона Гонзалесъ Пенья, федералистка—энтузіастка.

— Теперь нужны не шпаги, а кинжалы!—возразила донья Марія Хозефа.—Кинжаломъ надо расправляться съ нечестивыми дикарями, отвратительными унитаріями, измѣнниками передъ Богомъ и федераціей!

— Это правда!—поддержали нѣкоторые.

— Кинжалъ—оружіе добрыхъ федералистовъ!—продолжала старуха.

— Вѣрно! Кинжалъ!—вскричалъ Соломонъ.

— Да, да, кинжалъ!—повторили и другіе.

— Да, кинжалъ къ горлу!—сказала донья Марія Хозефа, глаза которой блестѣли, какъ уголья.

— Жаль,—сказалъ другой,—что у солдатъ Мариньо ружья: Мариньо предпочитаетъ разстрѣливать унитаріевъ, которыхъ уводитъ въ свою казарму.

— Я не думала, что Мариньо такъ деликатенъ. Не оттого ли онъ столько возился со вдовушкой изъ Барракасъ?

— Сеньора донья Марія Хозефа права: на будушее время кинжалъ долженъ быть оружіемъ федералистовъ. Я сдѣлаю необходимыя распоряженія, — сказалъ Мариньо, пытаясь польстить старой гарпіи, чтобы она не продолжала только говорить о немъ.

— Пусть Ресторадоръ покончитъ съ внѣшними врагами, а мы раздѣлаемся съ внутренними!—сказалъ Гарратосъ.

— Какъ только Ресторадоръ отдаетъ приказъ, первуюже голову, которую я срѣжу, я принесу вамъ, донья Мануетина!—сказалъ Пара.

Донья Мануела сдѣлала жестъ отвращенія и повернулась къ доньѣ Фирменъ Сегойенъ, сидѣвшей подлѣ нея.

— Унитаріи слишкомъ мерзки для того, чтобы Мануелата желала ихъ видѣть!—произнесъ Торресъ, незаконный сынъ Розаса.

— Это правда, но обезглавленные они прелестны!—отвѣчала донья Марія Хозефа.

— Если доньѣ не нравятся, эти вещи, то я и не пренесу ей головы,—произнесъ Пара.—Но мужчины должны видѣть всѣ головы унитаріевъ, будутъ ли онѣ прекрасны или отвратительны, такъ какъ мы не нуждаемся въ манерничаньи и всѣ—добрые федералисты; наша обязанность—мыть свои руки въ крови измѣнниковъ-унитаріевъ!

— Вѣрно!—вскричалъ Соломонъ.

— Вотъ это называется говорить!—прибавилъ Кордова.

— Пусть тѣ, кто не согласны умеретъ за Ресторадора и его дочь, поднимутъ свою руку!—вскричалъ одинъ сторонникъ падре Гаета мулатъ, съ звѣрскимъ лицомъ.

— Прикажите, донья Мануелита, и я принесу самъ ожерелье изъ ушей измѣнниковъ-унитаріевъ.

Молодая дѣвушка печально опустила свою голову.

— Да,—восторженно вскричалъ депутатъ Гарсіа,—мы должны всѣ соединиться, чтобы показать, что федерація покоится на прочной основѣ.

— Браво!

— Это будетъ великій день для отечества, когда будетъ успокоена та горячка свободы, которая мститъ намъ теперь; эта святая горячка, которую можно успокоить только кровью унитаріевъ.

— Кстати, о горячкѣ,—сказалъ Мариньо почти на ухо генералу Солеръ,—вы не знаете, генералъ, что такое съ падре Гаетомъ?

— Я слышалъ, что онъ боленъ. Кой чортъ съ нимъ?

— Ужасная мозговая горячка!

— Ого!

— Онъ при смерти.

— Съ какихъ поръ?

— Четыре или пять дней, я думаю.

— Это опасно?

— Во время своей болѣзни онъ только и говоритъ, что о магнетизмѣ, Арана и двухъ неизвѣстныхъ, которыхъ, говоритъ онъ, онъ не хочетъ назвать; наконецъ, еще цѣлую кучу глупостей.

— Упоминаетъ онъ о губернаторѣ?

— Нѣтъ!

— Ну, тогда онъ можетъ умереть, когда ему угодно.

— Онъ, однако, добрый федералистъ!

— И еще болѣе добрый пьяница.

— Вы правы, генералъ; его болѣзнь—вѣроятно послѣдствіе какой-нибудь оргіи!

— Во всякомъ случаѣ, если бы Лавалль восторжествовалъ, то дьяволъ взялъ-бы его къ себѣ вскорѣ!

— И многихъ другихъ съ нимъ!

— Васъ и меня, напримѣръ?

— Возможно!

— Все возможно!

— Это еще не самое худшее?

— Какъ, Генералъ?!

— Я хочу сказать, самое худшее, что мы не увѣрены, будто онъ не восторжествуетъ!

— Правда!

— Лавалль отваженъ!

— За то мы втрое многочисленнѣе его.

— Я овладѣлъ холмомъ Викторіи съ втрое меньшимъ числомъ солдатъ, чѣмъ ихъ было у защитниковъ!

— Да, но это были испанцы!

— Ба! это были испанцы! Это значитъ, сеньоръ Мариньо, что они умѣли драться и умирать сражаясь.

— Наши солдаты не менѣе храбры!

— Я это знаю! А все-таки они могутъ быть разбиты, несмотря на ихъ храбрость.

— На нашей сторонѣ справедливость!

— Э, полно: на полѣ сраженія, сеньоръ Мариньо, нѣтъ справедливости!

— Ну, у насъ энтузіазмъ!

— И у нихъ также!

— Такъ что....

— Такъ что только дьяволъ знаетъ, кто побѣдитъ!

— Мы того-же мнѣнія, генералъ.

— Я это зналъ.

— Я хотѣлъ знать ваше мнѣніе по этому вопросу,

— Я также.

— Ваша проницательность, генералъ, меня не удивляетъ, вы жили во время революціи.

— Да, я выросъ среди нея.

— Но въ то время никто не испытывалъ такого столкновенія, какое намъ предстоитъ въ случаѣ торжества Лавалля.

— Это было-бы концемъ всего?

— Для всѣхъ!

— Особенно для васъ и для меня, сеньоръ Мариньо!

— Особенно?

— Да.

— Почему-же, генералъ?

— Откровенно?

— Да, откровенно.

— Потому что меня они ненавидятъ, не знаю, за что, а васъ, какъ сторонника Масъ-Горки!

— О!

— Я понимаю, что они не должны меня любить.

— Но, вѣдь, я не „масъ—горкеро“ въ настоящемъ значеніи этого слова

— Быть можетъ, вы правы; но, вѣдь, насъ не будутъ судить, а просто или умертвятъ, или заставятъ эмигрировать.

— Эмиграція—страшная вещь, генералъ Солеръ!—сказалъ Мариньо, покачавъ головой.

— Да, вы сказали совершенно справедливо: но много разъ я самъ принужденъ былъ эмигрировать и знаю, что это страшная вещь!

— Намъ надо защищаться до послѣдней крайности!

— Кто знаетъ, можемъ-ли мы разсчитывать на всѣхъ?

— Я въ этомъ также сомнѣваюсь.

— Измѣны многочисленны во времена революцій.

— Да, и скрытые враги еще страшнѣе явныхъ!

— Еще страшнѣе?

— Но они не обманутъ меня.... Смотрите, вотъ одинъ изъ нихъ....

— Кто?

— Тотъ, кто входитъ.

— Но это ребенокъ!

— Да, двадцатипятилѣтній ребенокъ, всѣ считаютъ его убѣжденнымъ федералистомъ, но я знаю, что онъ — тайный унитарій.

— Увѣрены вы въ этомъ?

— Внутренно, да!

— Гм.... Какъ его имя?

— Дель-Кампо, Мигуель дель-Кампо; онъ сынъ настоящаго федералиста, владѣльца гасіенды (усадьбы), пользующагося большимъ вліяніемъ въ провинціи.

— Ну, тогда онъ подъ хорошей охраной!

— Этотъ молодой человѣкъ пользуется также покровительствомъ Соломона; всѣ двери открыты передъ нимъ!

— Если такъ, мой другъ,—сказалъ генералъ Салеръ,— то пойдемъ поздороваться съ нимъ!

— Да, но онъ уже занятъ! — отвѣчалъ Мариньо съ злою улыбкой,—и оба собесѣдника присоединились къ другимъ группамъ.

X.

Гдѣ Мигуель бесѣдуетъ съ дочерью Розаса.

Дѣйствительно, донъ Мигуель дель-Кампо входилъ въ гостинную доньи Минуелы, Протискавшись сквозь толпу и расчищая себѣ дорогу руками, онъ подошелъ поздороваться съ доньей Мануелой и окружавшими ее дамами — федералистками.

Донъ Мигуель былъ одѣтъ по самой строгой модѣ федералистовъ, т. е. носилъ пунцовый жилетъ, широкіе девизы и не имѣлъ перчатокъ.

Замѣтивъ его приближеніе, жена доктора Риверы очистила возлѣ себѣ мѣсто на софѣ; но это мѣсто было настолько

узко, что молодой человѣкъ долженъ-бы былъ сѣсть почти на колѣни къ сестрѣ его Превосходительства—государственное преступленіе, котораго онъ постарался избѣжать, предпочтя взять стулъ и сѣсть возлѣ доньи Мануелы.

Однако Донья Мерседесъ не сочла себя побѣжденною: она встала, взяла стулъ и сѣла по правую сторону отъ дона Мигуеля и ея первымъ привѣтствіемъ былъ сильный щипокъ въ руку молодого человѣка, которому она при этомъ сказала на ухо:

— Вы притворились, что не видѣли меня, да?

— Я видѣлъ, что вы всегда прелестны!—отвѣчалъ Мигуель, полагавшій, что этимъ онъ далъ ей все, что она хотѣла.

Но онъ ошибался: она хотѣла большаго.

— Я хочу вамъ сказать одну вещь!

— Говорите, сеньора!

— Я хочу, чтобы вы сопровождали меня, когда я выйду, сегодня я желаю взбѣсить Риверу, разговаривая съ красивымъ молодымъ человѣкомъ; вѣдь онъ ревнивъ, какъ турокъ, не позволяетъ мнѣ вздохнуть объ этомъ.

— Это будетъ большая честь для меня, сеньора.

— Хорошо, теперь будемъ говорить громко, чтобы отклонить всѣ подозрѣнія.

Донья Мануела положила свою руку на край софы вблизи дона Мигуеля; послѣдній наклонившись ей, сказалъ такъ, чтобы ихъ другіе не слышали.

— Если бы кто-нибудь имѣлъ счастье внушить вамъ немножко интереса къ себѣ, то этотъ домъ былъ-бы для него опаснымъ соперникомъ!

— Почему это, сеньоръ донъ Мигуель?—тихо спросила она.

— Потому что толпа, которую вы ежедневно принимаете, составляетъ для васъ большое развлеченіе.

— Нѣтъ!—живо отвѣчала она.

— Извините, сеньорита, если я осмѣлюсь усумниться въ этомъ!

— Однако, я сказала правду!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да! Я стараюсь не видѣть и не слышать этихъ людей.

— Въ такомъ случаѣ это неблагодарно!—сказалъ улыбаясь молодой человѣкъ,

— Нѣтъ, это отплата!

— Отплата за что, сеньорита?

— Вѣдь вы знаете, что мое молчаніе и мое неудовольствіе могутъ ихъ разсердить?

— Какъ-же можетъ быть иначе?

— Ну, я плачу имъ этимъ за то неудовольствіе, которое они возбуждаютъ во мнѣ, говоря постоянно объ одномъ и томъ же, о чемъ я бы никогда не желала слышать.

— Они говорятъ о сеньорѣ губернаторѣ и дѣлѣ, общемъ всѣмъ намъ; ихъ воодушевляетъ энтузіазмъ.

— Нѣтъ, сеньоръ дель-Кампо, они говорятъ ради самихъ себя!

— Вотъ какъ!

— Вы сомнѣваетесь въ этомъ?

— Я удивленъ по крайней мѣрѣ!

— Потому что вы не занимаете ежедневно моего скучнаго мѣста.

— Возможно, что это и такъ!

— Посмотрите кругомъ. Изъ всѣхъ, кто находится здѣсь, исключая васъ, нѣтъ ни одного, кто-бы не явился сюда съ цѣлью представить доказательство своихъ федеральныхъ убѣжденій, чтобы я затѣмъ передала объ этомъ Татитѣ.

— Несмотря на то, они вѣрно служатъ нашему общему дѣлу!

— Нѣтъ, сеньоръ дель-Кампо, они вредятъ намъ!

— Вредятъ?

— Да, потому что они говорятъ болѣе того, чтобы должны были говорить и, можетъ быть, не дѣйствуютъ съ такой добросовѣстностью, съ какой я хотѣла бы, чтобы защищали дѣло моего отца. Вы думаете, я довольна этими господами и этими женщинами?

— Конечно, у васъ больше ума, чѣмъ у всѣхъ ихъ вмѣстѣ!

— Я говорю не объ умѣ, а о воспитаніи.

— Я понимаю, что вамъ тяжело имѣть это общество.

— Да, мои подруги всѣ покинули меня.

— Можетъ быть, вслѣдствіе такого времени, когда...

— Нѣтъ; изъ-за этихъ людей, которыхъ я обязана принимать, такъ какъ Татита требуетъ этого; я думаю, вы единственный порядочный человѣкъ, который посѣщаетъ меня.

— Однако, я вижу здѣсь очень выдающихся людей!

— Правда! Но они стараются сдѣлаться хуже, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ, и они успѣли въ этомъ.

— Это ужасная вещь.

— Они утомляютъ меня, сеньоръ Кампо. Я веду самую скучную жизнь. Я только слышу, какъ эти люди, мужчины и женщины, говорятъ о крови, о смерти. Но вѣдь безполезно повторять это каждую минуту, сопровождая свои слова такими проклятіями, отъ которыхъ я становлюсь больна, и съ выраженіемъ крайней ненависти, въ которую я не вѣрю. Все это безсердечные люди! Зачѣмъ имъ приходить сюда мучить меня этими разговорами и мѣшать мнѣ принимать молодыхъ женщинъ моего возраста или подругъ, которыхъ я желала-бы видѣть?!

— Правда, сеньорита,—отвѣчалъ донъ Мигуель съ притворнымъ простодушіемъ, — вокругъ васъ нѣтъ молодыхъ женщинъ вашего возраста и вашего круга, которыя-бы развлекали васъ и могли заставить забыть хоть на нѣсколько минутъ о страшныхъ событіяхъ, переживаемыхъ нами.

— О, какъ я была бы счастлива, если бы это было возможно!

— Я знаю одну сеньору, характеръ которой совершенно гармонируетъ съ вашимъ и которая могла-бы понять и полюбить васъ!

— Правда?

— Сеньору, которая почувствовала къ вамъ симпатію съ того мгновенія, какъ только увидѣла васъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Она ежедневно спрашиваетъ меня о васъ.

— О! Кто-же это?

— Сеньора такъ же несчастная, а, можетъ быть, и еще болѣе, чѣмъ вы!

— Такъ же несчастная?

— Да.

— Не существуетъ женщины несчастнѣе меня! — прошептала донья Мануелла съ глазами полными слезъ.

— На васъ не клеветали сеньорита!

— На меня не клеветали?—вскричала донья Мануела, гордо подымая голову. — Единственная вещь, которую я никогда не прощу врагамъ моего отца, это то, что они грязнили мою репутацію изъ чувства политической мести, и чѣмъ, Боже мой!

— Время разсѣетъ эти клеветы, мой другъ, — нѣжно отвѣчалъ тронутый донъ Мигуель,—къ несчастью для той особы, о которой я вамъ говорю, время, наоборотъ, является величайшимъ врагомъ.

— Какъ?! Объясните мнѣ это!

— Каждое мгновеніе ухудшаетъ ея положеніе.

— Въ чемъ дѣло? Что такое?

— На нее наклеветали, выдавъ за унитарку, и теперь она подвергается преслѣдованіямъ.

— Но кто это?

— Гермоза!

— Ваша кузина?

— Да!

— Ее преслѣдуютъ?

— Да!

— По приказанію татиты?

— Нѣтъ!

— Полиціи?

— Нѣтъ!

— Кого-же?

— Того, кто преслѣдуетъ ее!

— Но кто-же можетъ ее преслѣдовать?

— Тотъ кто влюбленъ въ нее и кого она нелюбитъ.

— И?....

— Извините меня.... Онъ злоупотребляетъ своимъ положеніемъ въ федераціи и именемъ Ресторадора для цѣлей своей низкой личной мести.

— О, кто это, его имя?

— Извините меня, сеньорита, я не могу пока сказать вамъ этого!

— Я хочу это знать, чтобы передать Татитѣ.

— Вы вскорѣ узнаете это, а пока я скажу только, что это—очень вліятельная личность!

— Тѣмъ преступнѣе она, сеньоръ дель-Кампо!

— Я это знаю.

— Я хочу вамъ сказать одну вещь.

— Говорите, сеньора.

— Приведите ко мнѣ Гермозу.

— Сюда?

— Да!

— Она не придетъ.

— Она не придетъ ко мнѣ?

— Она боязлива и не будетъ знать, какъ держать себя среди окружающей васъ толпы.

— Я ее приму одна... но нѣтъ, я не могу принимать одна.

— Тѣмъ болѣе, что съ тѣхъ поръ, какъ въ ея домѣ былъ обыскъ, она боится быть оскорбленной.

— Но это невѣроятно!

— И затѣмъ я долженъ сознаться вамъ, что она уже нѣсколько дней, какъ покинула свою прелестную дачу и все-таки, несмотря на то убѣжденіе, въ которомъ она живетъ, ее постоянно мучатъ, безпокоятъ.

— Несчастная!

— Вы, однако, могли бы ей быть очень полезной и оказать большую услугу.

— Я? Говорите, дель-Кампо!

— Если бы вы послали ей письмо, которое-бы она могла показать въ случаѣ, если опять кто нибудь явится къ ней безъ приказанія сеньора губернатора....

— Развѣ кто-нибудь можетъ осмѣлиться это сдѣлать безъ приказанія Татиты?

— Это уже дѣлали!

— Хорошо; завтра-же я напишу ей!

— Я позволю себѣ просить васъ напомнить въ этомъ письмѣ, что никто не долженъ осмѣливаться произносить имя генерала Розаса или федераціи съ цѣлью оправданія незаконнаго поступка.

— Хорошо, хорошо, я понимаю; но,—прибавила она,— если мы будемъ продолжать свой разговоръ, то это можетъ возбудить ревность всѣхъ этихъ людей, которымъ согласно приказанію Татиты, я должна улыбаться.

— Ваши желанія равносильны приказаніямъ, сеньорита. Вы обѣщаете мнѣ не забыть о письмѣ?

— Да, завтра-же вы получите его!

— Тысячу разъ благодарю васъ за такую доброту.

Донья Минуела не ошиблась: ея продолжительный разговоръ съ молодымъ человѣкомъ начиналъ уже безпокоить достойныхъ федералистовъ. Поэтому, едва она повернулась къ супругѣ Мариньо, а донъ Мигуель—къ доньѣ Мерседесъ, какъ они поспѣшили къ молодой дѣвушкѣ. Каждый изъ нихъ спѣшилъ обратиться къ ней съ своеобразнымъ комплиментомъ: одни увѣряли ее, что умрутъ за ея отца, другіе предлагали голову унитарія, ожерелье изъ ушей ихъ противниковъ, а нѣкоторые—даже косы вражескихъ женщинъ, когда пробьетъ часъ мщенія федералистовъ.

Одно мгновеніе дону Мигуелю показалось, что онъ присутствуетъ въ собраніи демоновъ, когда онъ слушалъ эти клятвы, предложенія и поношенія противниковъ, произносимыя людьми, которыхъ принимала по приказанію отца, дочь Розаса.

Вскорѣ, однако, гостинная почти опустѣла, и сеньора донья Мерседесъ Розасъ де-Ривера встала, чтобы удалиться;

съ характерной для нея откровенностью, она сказала доньѣ Мануелѣ, обнимая ее:

— Добраго вечера, дѣвочка! Я ухожу и увожу дель-Кампо, чтобы взбѣсить Риверу.

Донья Мануела слабо улыбнулась.

— Онъ не даетъ мнѣ покою, дитя мое,—продолжала она,—такимъ онъ еще никогда не былъ! Но я хочу взбѣсить его до того, чтобы онъ болѣе не ревновалъ.

— Итакъ, вы уходите, тетя?

— Да, дѣвочка! До завтра!

— Прощайте, донья Мануела, отдохните! — сказалъ молодой дѣвушкѣ донъ Мигуель, пожимая почтительно ея руку.

Мерседесъ взяла подъ руку своего кавалера, и оба они, пройдя дворъ, вышли на улицу Ресторадора.

Была свѣтлая ночь, а донъ Мигуель былъ безъ плаща; но гнѣвъ, испытываемый имъ, былъ такъ силенъ, что онъ совсѣмъ забылъ объ этомъ неудобствѣ.

— Пойдемте тише!—сказала ему Мерседеса.

— Какъ угодно сеньора! — отвѣчалъ ей донъ Мигуель.

— Да, пойдемъ тише и дай намъ Богъ встрѣтить Риверу!

— Какъ, онъ взбѣсится!

— Конечно!

— И вы покинете меня тогда?

— Ché! Я Вамъ разскажу одну вещь. Однажды ночью онъ встрѣтилъ меня, когда я возвращалась отъ Августины въ сопровожденіи слуги. Увидѣвъ меня, онъ перешелъ на противоположный тротуаръ. Я узнала его, но что Вы думаете, я сдѣлала?

— Вы позвали его?

— Qué! Ничего подобнаго! Я притворилась что совсѣмъ не видала его, и принялась ходить взадъ и впередъ по улицамъ. Я едва не потеряла башмакъ, который развязался у меня, но вотъ! Куда я ни шла, Ривера все время слѣдовалъ за мною на противоположномъ тротуарѣ. Я знала, что онъ золъ, и дѣлала все нарочно; я говорила тихо, вдругъ

останавливалась и принималась хохотать, наконецъ, вернулась домой, все время съ Риверой сзади меня. Дома была сцена: онъ кричалъ, поднялъ цѣлую бурю, но въ концѣ концовъ долженъ былъ заключить миръ, поцѣловалъ мнѣ руку и затѣмъ...

— И затѣмъ миръ былъ заключенъ такъ, какъ это водится между супругами! — сказалъ Мигуель, смѣясь надъ этимъ оригинальнымъ приключеніемъ.

— Qué! Совсѣмъ нѣтъ! Затѣмъ онъ пошелъ спать въ свою комнату.

— А, у васъ отдѣльныя комнаты!

— Уже болѣе двухъ лѣтъ!

— Ага!

— И это для того, чтобы его бѣсить. Я провожу время въ ужасномъ одиночествѣ, но не уступаю; я, видите-ли, женщина съ сильными страстями; у меня вулканическое воображеніе и я еще не встрѣчала сердца, которое-бы понимало меня!

— Но, сеньора, а вашъ мужъ?

— Мой мужъ?

— Да, сеньоръ Ривера.

— Мужъ! Мужъ! Есть-ли на свѣтѣ вещь, болѣе невыносимая, чѣмъ мужъ?

— Возможно-ли?

— Что-то прозаическое!

— Ага!

— Матеріальное!

— Да?

— Никогда онъ не можетъ понять свою жену.

— Ба!

— Однимъ словомъ, Ривера—идіотъ!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Конечно, какъ всѣ ученые!

— Это правда!

— О, если-бы это былъ поэтъ, артистъ, молодой человѣкъ съ горячими страстями...

— А, тогда...

— Ахъ, я очень песчастна, очень несчастна! Я, у которой вулканическое сердце и которая понимаю всѣ жажды любви!..

— Дѣйствительно, это несчастіе быть такой, какъ вы, Мерседесъ!

— Каждый день я бросаю ему это въ лицо.

— Кому?

— Да Риверѣ же!

— А!

— Не только я говорю ему это, но кричу.

— То, что вы мнѣ сказали?

— Гораздо больше!

— А что-жъ онъ отвѣчаетъ вамъ, сеньора?

— Ничего! Что онъ можетъ сдѣлать мнѣ!

— Онъ ничего не желаетъ вамъ?

— Сhé. Онъ ничего не желаетъ сдѣлать!

— Это, очевидно, очень добрый человѣкъ, вотъ сеньоръ Ривера!

— Да, онъ очень добръ, но ни къ чему не служитъ для меня! Я нуждаюсь въ человѣкѣ съ горячимъ воображеніемъ, талантливомъ,—словомъ въ такомъ, чтобы мы оба безумствовали вмѣстѣ!

— Санта Барбара, сеньора!

— Да, чтобы мы оба безумствовали, чтобы весь день запирались вмѣстѣ; чтобы....

— Чтобы.... чего-же больше, сеньора?

— Чтобы мы запирались вмѣстѣ несмотря на гнѣвъ Риверы, писали стихи и читали наши произведенія!

— А вы авторъ?

— Почему-же нѣтъ?

— Прелестно!

— Я пишу свои мемуары!

— Великолѣпно!

— Съ эпохи еще до моего рожденія.

— Какъ! Вы писали свои меамуары еще до рожденія?

— Нѣтъ; я разсказываю свою исторію съ той эпохи, о которой мнѣ разсказывала моя мать, которая, будучи беременна мною на пятомъ мѣсяцѣ, не могла спать отъ моихъ движеній. Я родилась покрытой волосами; будучи одного года, я уже бѣгло говорила. Нѣтъ страсти, которой бы я не испытывала въ теченіе своей жизни; цѣлый ящикъ въ моемъ комодѣ наполненъ письмами и локонами волосъ.

— А сеньоръ Ривера видѣлъ его?

— Тота! Когда я хочу его взбѣсить или если онъ смотритъ на свою мертвую голову....

— Что такое?

— Да, да, старую голову мертвеца, которая находится въ его комнатѣ и передъ которою онъ сидитъ, изучая не зная что.

— Ага!

— И знаете, что я дѣлаю въ томъ случаѣ, когда онъ сидитъ въ своей комнатѣ?

— Ага, это любопытно!

— Я полуоткрываю дверь своей комнаты, такъ что онъ меня можетъ видѣть, открываю комодъ и начинаю брать изъ ящика письма и читать первую строчку каждаго изъ нихъ.

Дорогая моя Мерседесъ,
Идолъ моей жизни!
Обвѣнчаемся Мерседесъ,
Мерседитосъ моей души!
Несравненная Мерседесъ!
Мерседесъ, звѣзда моей жизни!
Блондиночка всего моего сердца!

И наконецъ милліонъ писемъ того времени, когда я была молодой дѣвушкой, перечислить которыхъ нѣтъ возможности.

— До какого же времени вы дошли въ своихъ мемуарахъ?

— Вчера я начала описывать тотъ день, когда родила въ первый разъ.

— Важная глава!

— Это курьезъ въ моей жизни.

— Однако, онъ бываетъ со всѣми сеньорами.

— Que! Это была удивительная вещь! Вообразите, я родила, составляя стихи и не подозрѣвая той опасности, въ которой находилась.

— Какой удивительный организмъ!

— Это былъ мой первый ребенокъ: половина стихи и половина—проза.

— Кто? Ребенокъ?

— Нѣтъ; мой трудъ, мемуары.

— Ага!

— Одинъ этотъ несносный Ривера не хочетъ признать ихъ достоинствъ.

— Должно быть, это холодный человѣкъ!

— Какъ ледъ!

— Матерьяльный.

— Какъ камень!

— Безъ чувства.

— Разумѣется!

— Прозаикъ.

— Онъ не думаетъ даже читать стиховъ.

— Человѣкъ безъ сердца.

— Скажите, что онъ идіотъ, и вы скажете все!

— Очень хорошо! Тогда я скажу, со всѣмъ уваженіемъ къ вамъ, что онъ идіотъ!

— Это правда, однако, я люблю его такимъ. Каждое утро онъ ходитъ самъ на рынокъ и приноситъ все, что я люблю, онъ будитъ меня легкими толчками и бросаетъ на мою постель все, что онъ купилъ. Кромѣ того, если бѣдняга и посердится немножко, то тотчасъ-же и раскаивается.

— Это превосходная натура!

— Ничего болѣе того, что я вамъ говорю. Онъ ни къ чему мнѣ не служитъ; а я нуждаюсь въ человѣкѣ пылкомъ, талантливомъ молодомъ человѣкѣ, сильномъ, который не покидалъ-бы меня ни на минуту.

— Сеньора, пойдемте немного быстрѣе, уже близко до вашего дома!—сказалъ Мигуель, видя, что его дама все болѣе и болѣе замедляла свои шаги.

— Да, идемъ ко мнѣ, я прочту вамъ кое-что изъ своихъ мемуаровъ!

— Извините меня сеньора, но...

— Нѣтъ, у васъ нѣтъ никакой причины отказываться!

— Но очень поздно, сеньора!

— Нѣтъ, нѣтъ! Ривера еще не вернулся!

— Извините меня, Мерседитасъ, но это невозможно!

— Да, да, вы зайдете!

Въ этотъ моментъ они подошли къ дверямъ дома.

— Въ другой день.

— Нѣтъ, сейчасъ!

— Меня ждутъ!

— На свиданіе?

— Нѣтъ, сеньора!

— Не женщина?

— Нѣтъ, сеньора!

— Поклянитесь мнѣ въ этомъ!

— Даю вамъ слово!

— Тогда войдите!

— Не могу; повторяю вамъ, сеньора, не могу!

— Неблагодарный!

Донъ Мигуель неистово заколотилъ молоткомъ, чтобы скорѣе пришелъ кто-нибудь избавить его отъ той опасности, въ которой онъ находился.

— Но неужели вы въ самомъ дѣлѣ не зайдете? Вы презираете чтеніе моихъ мемуаровъ?

— Въ другой разъ, сеньора!

— Хорошо, но пусть это будетъ завтра!

— Постараюсь.

— Ну, у насъ есть еще утка, которую Ривера оставилъ къ ужину; зайдите поужинать ко мнѣ!

— Сеньора, я никогда не ужинаю!

— Тогда до завтра!

— Если будетъ возможно!

— Хорошо, я приготовлю къ чтенію наиболѣе интересныя главы моихъ мемуаровъ!

— Спокойной ночи, Мерседитасъ!

— До завтра!—отвѣчала она.

Донъ Мигуель принялся быстро шагать, почти бѣжать, какъ только закрылась дверь за сестрой Его Превосходительства „Возстановителя (Ресторадора) законовъ“, женщиной еще очень свѣжей, хорошо сложенной, съ алебастровой бѣлизною лица, но одаренной въ высшей степени романтическимъ характеромъ, — употребляя это выраженіе для того, чтобы опредѣлить нѣчто выходящее изъ ряду вонъ.

Въ то время, какъ нашъ герой бѣжитъ, смѣясь, какъ сумашедшій, по дорогѣ къ своему дому, мы вернемся нѣсколько назадъ, чтобы разсказать нѣкоторые факты, необходимые для пониманія этой исторіи.

XI.

Какъ съ падре Гаетомъ былъ кошмаръ и что за этимъ послѣдовало.

Въ тотъ роковой для дона Кандидо Родригесъ день, когда не удалась его отчаянная попытка ловко эмигрировать, въ тотъ моментъ, когда онъ приближался къ дому дона Мигуеля, орошая мостовую водою, струившеюся изъ его сапогъ и панталонъ, его бывшій ученикъ провожалъ до дверей на улицу президента народнаго общества Ресторадора, явившагося къ нему съ просьбою о помощи въ составленіи адреса, который члены общества хотѣли послать знаменитому Ресторадору законовъ, вновь предлагая ему свою жизнь, честь и репутацію во время страшнаго кризиса, вызваннаго нечестивыми измѣнниками—унитаріями.

Проектъ адреса, который былъ только что предложенъ ему дономъ Мигуелемъ, былъ полонъ такихъ федеральнаго жара и краснорѣчія, что совершенно ошеломилъ брата холерическаго Хенаро, раздававшаго удары палкою мальчиш-

камъ, хотѣвшимъ почтить его уважительнымъ именемъ Саломона. Адресъ нужно было отдать ему на слѣдующій день.

Президентъ Соломонъ сердечно простился со своимъ молодымъ другомъ, увѣряя его въ своей глубокой преданности, а вслѣдъ затѣмъ появился почтенный частный секретарь Его Превосходитольства временнаго губернатора.

— Мигуель!--вскричалъ донъ Кандидо, хватая своего бывшаго ученика за руку.

— Войдемъ-же, мой дорогой учитель!

— Нѣтъ, выйдемъ!—возразилъ тотъ, стараясь удержать Мигуеля подъ навѣсомъ.

Но молодой человѣкъ, взявъ его слегка за руку, тихонько втолкнулъ въ гостиную.

— Мигуель!

— Знаете-ли вы, сеньоръ, что звукъ вашего голоса и вашъ взглядъ пугаютъ меня?

— Мигуель, мы погибли!

— Пока еще нѣтъ!

— Но мы погибнемъ!

— Это возможно!

— Но чѣмъ ты вызвалъ то несчастное, бѣдственное, враждебное намъ стеченіе обстоятельствъ, которыя давятъ насъ?

— Можетъ быть!

— Знаешь-ли ты, что происходитъ?

— Нѣтъ!

— Твоя совѣсть не подсказываетъ тебѣ этого?

— Нѣтъ!

— Мигуель!

— Сеньоръ, сегодня я въ хорошемъ настроеніи; а вы, кажется, хотите, чтобы оно прошло у меня?

— Въ хорошемъ настроеніи! Кровавый клювъ черной Парки занесенъ надъ моей и твоей головами,—вотъ что хуже всего!

— Это не можетъ испортить моего настроенія, чего

нельзя сказать о томъ, что вы, вмѣсто того, чтобы просто и ясно сказать мнѣ о томъ, что происходитъ, тратите по меньшей мѣрѣ полчаса на разглагольствованія; не правда-ли?

— Нѣтъ; слушай!

— Слушаю!

— Я буду быстръ, порывистъ, стремителенъ въ своей рѣчи!

— Начинайте!

— Ты знаешь, что я частный секретарь министра, а теперь временнаго губернатора?

— Ну-съ, хорошо!

— Я хожу туда каждое утро и переписываю то, что надо, прилагая большой трудъ, такъ какъ ты долженъ знать, что хорошій почеркъ принадлежитъ только юности или, правильнѣе, людямъ лѣтъ въ тридцать; до этихъ лѣтъ пульсъ слишкомъ безпокоенъ, а послѣ слабѣетъ зрѣніе и пальцы дѣлаются мало гибкими! Все это, по мнѣнію нѣкоторыхъ, зависитъ отъ большей или меньшей скорости циркуляціи крови, хотя, по моему мнѣнію...

— Санта Барбара! Не хотите-ли вы прочесть мнѣ цѣлую диссертацію?

— Я возвращаюсь назадъ!

— Хорошо.

— Я опишу...

— Еще лучше!

— Итакъ, сегодня утромъ... И донъ Кандидо передалъ дону Мигуелю о томъ, что произошло въ кабинетѣ министра, въ монастырѣ и на берегу рѣки, употребивъ для того добрыхъ полчаса, болѣе двухсотъ прилагательныхъ и невообразимое число эпитетовъ.

Донъ Мигуель слушалъ, размышлялъ и составилъ себѣ планъ предстоявшихъ ему дѣйствій съ той быстротою соображенія и разсчета, какую мы знаемъ у него.

— Итакъ разсказъ о лунатизмѣ немножко встревожилъ его?—спросилъ онъ у дона Кандидо.

— Страшно; сначала онъ былъ пораженъ, глядѣлъ нерѣшительно, растерянно, затѣмъ разсердился и...

— И смотрѣлъ попеременно на дона Филиппа и на васъ?

— У него тогда былъ видъ помѣшаннаго!

— Онъ боялся! Онъ золъ и невѣжественъ и, слѣдовательно, легко поддается суевѣрію!—пробормоталъ про себя донъ Мигуель.

— Что ты говоришь сквозь зубы, Мигуель?

— Ничего; я—лунатикъ!

— Не правда-ли, это ужасная вещь?

— Донья Марселина сказала вамъ, что падре Гаетъ обѣдалъ у нея?

— Да!

— Въ которомъ часу?

— Въ три съ половиной или въ четыре часа!

— Теперь пять съ четвертью!—сказалъ Мигуель, смотря на свои часы.

— Онъ обѣдалъ вмѣстѣ съ племянницами доньи Марселины.

— Слѣдовательно, онъ много пилъ!—проговорилъ про себя Мигуель.

— Что ты говоришь? Ты что-то хочешь дѣлать?

— Выйти изъ дому и спѣшить!—отвѣчалъ Мигуель, проходя въ свою комнату, гдѣ онъ взялъ свои плащъ и пистолеты.

Возвратившись въ гостинную, онъ обратился къ дону Кандидо:

— Идемъ, сеньоръ!

— Куда это?

— Туда, гдѣ мы можемъ освободиться отъ преслѣдованія кура Гаета. Теперь не такое время, чтобы жить съ врагами за спиной!

— Но куда мы пойдемъ? Не на новую-ли опасность?

— Идемъ, сеньоръ, идемъ!—Сегодня ночью или завтра вы рискуете имѣть дѣло съ падре Гаетъ или четырьмя-тремя его друзьями...

— Мигуель!

— Тонильо, запри! Если кто-нибудь придетъ, я не принимаю, я занятъ!

Давъ такое приказаніе своему вѣрному слугѣ, донъ Мигуель закутался въ свой плащъ и, въ сопровожденіи дона Кандидо, пошелъ по „улицѣ побѣды", повернулъ къ Барракасъ, затѣмъ на западъ и, сдѣлавъ еще нѣсколько саженъ, достигъ площади Резиденсіи въ тотъ моментъ, какъ солнце садилось.

— Мигуель,—сказалъ донъ Кандидо меланхолическимъ тономъ и дрожащимъ голосомъ.—мы приближаемся къ улицѣ Кочабамба.

— Конечно!

— Но если насъ увидятъ въ домѣ этой странной женщины, которая, говоритъ, имѣетъ на языкѣ всѣ трагедіи...

— Тѣмъ лучше!

— Что это значитъ?

— То, что мы идемъ къ ней!

— Я?

— Вы и я!

— Нѣтъ, нѣтъ! Исторія не скажетъ что тамъ погибъ донъ Кандидо!—проговорилъ почтенный профессоръ, ударяя своей палкой по мостовой.

Съ этими словами онъ, сдѣлавъ полуоборотъ направо, хотѣлъ уйти обратно той-же дорогой, которою пришелъ.

Донъ Мигуель полураскрылъ свой плащъ и съ силою схватилъ дона Кандидо за руку.

— Если вы уйдете, — произнесъ онъ, — то падре Гаетъ въ эту-же ночь пойдетъ по вашимъ слѣдамъ; если вы ускользнете отъ Гаета, то завтра будете посланы въ Сантосъ Лупаресъ; но если вы послѣдуете за мною и будете только подражать тому, что я буду говорить или дѣлать, то вы будете спасены!

— Ты дьяволъ, Мигуель! — вскричалъ донъ Кандидо, серьезно испуганный.

— Это возможно; идемъ!

— Я?

— Идемъ!—повторилъ Мигуель тономъ, не допускавшимъ возраженій.

Опустивъ голову донъ Кандидо послѣдовалъ за молодымъ человѣкомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ они подошли къ дверямъ дома доньи Марселины на улицѣ Кочабамба.

Одна изъ половинокъ двери была открыта; на дворѣ не было никого; улица была совсѣмъ пустынна.

Молодой человѣкъ заперъ дверь, оставаясь вмѣстѣ со своимъ спутникомъ на улицѣ, затѣмъ тихонько ударилъ молоткомъ. Никто не являлся. Онъ ударилъ немного сильнѣе. Шуршанье шелка извѣстило его, наконецъ, о приближеніи хозяйки дома.

Дверь полуоткрылась,—и донья Марселина, полуодѣтая, съ растрепанной прической, выглянула съ цѣлью узнать, кто были вновь прибывшіе гости, стучавшіе въ двери ея рая. Драматическое вдохновеніе постоянно владѣло умомъ этой дочери классической литературы и удивленіе при видѣ своихъ гостей не помѣшала ей спросить ихъ слѣдующимъ стихомъ изъ Архіи:

Одинъ, безоружный
Что хочешь ты дѣлать? Вернись лучше въ станъ.

— Падре Гаетъ проснулся?

Его утомленные члены
Сномъ наслаждаются, сладкимъ покоемъ!

— Въ такомъ случаѣ впередъ,—сказалъ донъ Мигуель, слегка отталкивая донью Марселину и увлекая съ собою дона Кандидо какъ разъ въ тотъ моментъ, когда у послѣдняго въ головѣ пробѣжала уже мысль о бѣгствѣ.

— Что дѣлаете вы безумецъ?—вскричала донья Марселина.

— Я запираю дверь.—И онъ дѣйствительно захлопнулъ дверную задвижку.

Въ эту минуту лицо дона Мигуеля имѣло выраженіе страшной рѣшимости. Донья Марселина была поражена. Донъ Кандидо думалъ, что пришелъ его послѣдній часъ;

его поддерживало только своего рода христіанская покорность судьбѣ.

— Какія изъ вашихъ племянницъ находятся у васъ сейчасъ?

— Только Гертруда, Андреа и другія только что вышли!

— Гдѣ Гертруда?

— Она причесывается на кухнѣ, такъ какъ падре спитъ въ комнатѣ, а я лежала въ гостиной на своей постели.

— Хорошо! Вы—умная женщина, донья Марселина, и однимъ только усиліемъ своего воображенія схватите всю сцену, которая будетъ разыграна передъ вашими глазами или скорѣе ушами, такъ какъ изъ гостиной вы услышите все.

— Крови не будетъ?

— Нѣтъ! Затѣмъ вы выскажете мнѣ свое мнѣніе, какъ ученая особа. Когда я буду уходить, то мнѣ надо поговорить въ передней съ Гертрудой.

— Хорошо!

— Я принесъ кое-что для нея и для васъ!

— Куда-же вы хотите войти теперь?

— Мнѣ надо видѣть Гаета.

— Гаета?

Донъ Мигуель взялъ дона Кандидо за руку и вошелъ ва домъ, тогда какъ донья Марселина пошла на кухню къ Гертрудѣ. Въ гостиной было почти темно; но при слабомъ свѣтѣ сумерокъ молодой человѣкъ могъ разглядѣть то, что онъ искалъ. Эта вещь была ничто иное, какъ огромная бумажная простыня громадной постели, на которой отдыхала минуту передъ тѣмъ донья Марселина.

Мигуель, взявъ за одинъ конецъ простыни, подалъ другой дону Кандидо, сдѣлавъ ему знакъ крутить ее влѣво, а самъ сталъ крутить вправо.

Донъ Кандидо вообразилъ себѣ въ душевной простотѣ, что дѣло идетъ о томъ, чтобы задушить почтеннаго падре, и, не смотря на весь страхъ передъ тою опасностью, мысль объ убійствѣ леденила кровь въ его жилахъ.

Молодой человѣкъ, угадывая, что происходило въ душѣ почтеннаго его учителя, и смѣясь про себя, взялъ крученую простыню и приложилъ палецъ къ губамъ, смотря на дона Кандидо.

Затѣмъ донъ Мигуель приблизился къ дверямъ спальни; громкій продолжительный храпъ монаха убѣдилъ его, что онъ можетъ войти въ комнату, не соблюдая особенной тишины. Это онъ и сдѣлалъ, имѣя за собою дона Кандидо.

Полуоткрывъ дверь, выходившую на дворъ, онъ, при слабомъ вечернемъ свѣтѣ, увидалъ почтеннаго падре лежащимъ на постели, спиною внизъ, въ рубашкѣ, покрытымъ одѣяломъ до половины корпуса.

Молодой человѣкъ взявъ стулъ, тихонько поставилъ его у изголовья постели и сдѣлалъ знакъ дону Кандидо сѣсть на него. Увидавъ, что его бывшій учитель машинально, какъ всегда исполнилъ его приказаніе, онъ взялъ еще другой, поставилъ его съ противоположной стороны, на который и сѣлъ самъ; затѣмъ давъ дону Кандидо, поверхъ спящаго, одинъ конецъ жгута, сдѣлалъ ему знакъ пропустить этотъ конецъ подъ постель и передать ему обратно.

Донъ Кандидо повиновался, и менѣе, чѣмъ въ десять секундъ достойный пастырь федераціи былъ крѣпко привязанъ молодымъ человѣкомъ за средину своего тѣла къ постели, причемъ узелъ жгута приходился какъ разъ вблизи того мѣста, на которомъ сидѣлъ Мигуель.

Покончивъ съ этой операціей, молодой человѣкъ приблизился къ окну, закрылъ его настолько, чтобы спящій, раскрывъ свои глаза, могъ различать предметы какъ-бы въ туманѣ; затѣмъ, давъ дону Кандидо одинъ изъ своихъ пистолетовъ, который тотъ, дрожа отъ страха, взялъ и шопотомъ приказавъ ему повторять всѣ его слова, какъ только онъ ему сдѣлаетъ знакъ, донъ Мигуель сѣлъ.

Гаетъ храпѣлъ, какъ самый счастливый человѣкъ на свѣтѣ, какъ донъ Мигуель крикнулъ ему мрачнымъ, но звучнымъ голосомъ:

— Сеньоръ кура де-ля-Піетадъ!

Гаетъ перестáлъ храпѣть.

— Сеньоръ кура де-ля-Піетадъ!—повторилъ молодой человѣкъ тѣмъ-же тономъ.

Когда монахъ съ трудомъ раскрылъ свои отяжелѣвшія вѣки, и медленно повернувъ голову, замѣтилъ дона Мигуеля, его зрачки расширились, выраженіе ужаса разлилось по его лицу; когда-же онъ хотѣлъ поднять свою голову, съ другой стороны постели донъ Кандидо крикнулъ ему хриплымъ голосомъ:

— Сеньоръ кура де-ля-Піетадъ!

Невозможно описать удивленія монаха, когда онъ, повернувъ голову въ ту сторону, откуда раздался второй голосъ, замѣтилъ фигуру дона Кандидо Родригесъ.

Въ теченіе нѣкотораго времени онъ поворачивалъ свою голову попеременно вправо и влѣво, какъ будто желая убѣдиться въ томъ, что онъ не спитъ, затѣмъ сдѣлалъ попытку тихонько приподняться на своемъ мѣстѣ, но жгутъ, проходившій по его груди и рукамъ, помѣшалъ ему сдѣлать это. Онъ могъ только приподнять свою голову, которая немедленно-же и упала на подушку.

Но это еще было не все: въ то-же самое время донъ Мигуель приставилъ свой пистолетъ къ правому виску монаха, тогда какъ донъ Кандидо, по знаку молодого человѣка,—къ лѣвому. Все это было продѣлано безъ единаго звука, безъ всякаго жеста.

Падра Гаетъ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ, и закрылъ глаза.

Оба товарища убрали тогда свои пистолеты.

— Сеньоръ кура Гаетъ,—проговорилъ молодой человѣкъ!—вы продали свою душу демонамъ и мы пришли, во имя Божественнаго правосуднія, наказать васъ за столь тяжкое преступленіе.

Донъ Кандидо повторилъ эти слова съ какимъ-то дѣйствительно сверхестественнымъ выраженіемъ.

Капли холоднаго пота выступили на вискахъ кура Гаета.

— Вы дали клятву умертвить двухъ человѣкъ, образъ которыхъ мы приняли на себя; но прежде чѣмъ вы совершите это новое преступленіе, мы погрузимъ васъ въ бездны ада. Не правда-ли, вы имѣете намѣреніе умертвить этихъ двухъ людей съ помощью трехъ или четырехъ вашихъ друзей?

Монахъ не отвѣчалъ ничего.

— Отвѣчайте!—сказали донъ Мигуель и донъ Кандидо, вторично прикладывая пистолеты къ вискамъ патера.

— Да, но клянусь Богомъ...

— Молчите! Не произносите напрасно имя Всевышняго!— вскричалъ донъ Мигуель, прерывая испуганнаго монаха, лицо котораго покрылось густой краской, а лобъ—темными пятнами.

— Отступникъ! Отверженецъ! Нечестивецъ! Пробилъ твой послѣдній часъ, моя могучая рука нанесетъ тебѣ ударъ!—вскричалъ донъ Кандидо, который, понявъ, что онъ не подвергается никакой опасности, захотѣлъ показать себя героемъ.

— Въ какомъ мѣстѣ хотѣли вы взять сообщниковъ для своего преступленія?—спросилъ донъ Мигуель.

Гаетъ не отвѣчалъ.

— Отвѣчайте!—вскричалъ донъ Кандидо громовымъ голосомъ.

— Отвѣчайте!—сказалъ донъ Мигуель тѣмъ-же тономъ.

— Я хотѣлъ спросить ихъ у Соломона!—отвѣчалъ монахъ, не открывая глазъ и слабѣющимъ голосомъ.

Его дыханіе начинало затрудняться.

— Подъ какимъ предлогомъ?

Молчаніе.

— Говорите!

— Говорите!—вскричалъ донъ Кандидо, снова приложивъ свой пистолетъ къ виску патера.

— Ради неба!—пробормоталъ тотъ, пытаясь подняться, но тотчасъ-же откидываясь на подушку.

— Вы боитесь?

— Да.

— Вы умрете!

Вопль, сопровождаемый внезапнымъ движеніемъ головы, вырвался изъ груди паціента. Кровь начала заливать его мозгъ.

— Вы не умрете, если будете убѣждены, что никогда не встрѣчались въ этомъ домѣ съ тѣми лицами, которыхъ вы преслѣдуете!—сказалъ донъ Мигуель.

— Но вы, вы кто такіе?—спросилъ монахъ, полуоткрывая глаза и поворачивая свою голову влѣво и вправо.

— Никто!

— Никто!—повторили еще учитель и ученикъ.

— Никто!—вскричалъ монахъ, закрывая глаза и объятый нервной дрожью.

— Развѣ вы не понимаете того, что съ вами произошло здѣсь и что происходитъ теперь?

Патеръ не отвѣчалъ.

— Вы лунатикъ и осуждены на смерть въ этомъ состояніи въ тотъ день, когда попытаетесь причинить малѣйшее зло тѣмъ лицамъ.

— Да!—вскричалъ донъ Кандидо,—вы лунатикъ и умрете имъ, смертью страшною, ужасною, жестокою въ тотъ день, когда возмѣете только мысль преслѣдовать тѣхъ почтенныхъ лицъ, которыхъ вы рѣшили умертвить. Божіе правосудіе обрушится на вашу виновную голову!

Монахъ едва уже слышалъ его.

Второе конвульсивное вздрагиваніе показало дону Мигуелю, что близокъ апоплексическій ударъ.

Онъ хотѣлъ наказать, но не убивать этого несчастнаго. Поэтому молодой человѣкъ развязалъ тихонько узелъ жгута, сдѣлалъ знакъ дону Кандидо,—и оба они вышли изъ комнаты.

Гаетъ не слыхалъ ихъ ухода.

Донья Марселина и Гертруда, скрываясь за дверью, слышали все. Онѣ съ трудомъ могли удерживаться отъ смѣха.

— Донья Марселина,—сказалъ донъ Мигуель, входя

вмѣстѣ съ хозяйкой дома подъ навѣсомъ,—у васъ слишкомъ много разсудка, чтобы не понять, какъ слѣдуетъ продолжать эту сцену.

— Да, да, сонъ Ореста и Дидоны.....

— Вотъ именно! Это именно и случилось — сонъ и ничего болѣе. Гертруда, это для васъ!—прибавилъ молодой человѣкъ.

И онъ вложилъ въ руку племянницы знаменитой тетушки банковый билетъ въ пятьсотъ піастровъ, который она взяла, не преминувъ съ благодарностью пожать руку прекраснаго молодого человѣка, дѣлавшаго такіе великолѣпные подарки, не требуя взамѣнъ ихъ ничего ни отъ одной изъ племянницъ, „покинутыхъ сиротокъ", какъ выражалась почтенныя тетушка, которой донъ Мигуель далъ второй билетъ такого-же достоинства.

Послѣ этого молодой человѣкъ вышелъ на улицу Кочабамба, въ сопровожденіи дона Кандидо, спѣшившаго выбраться поскорѣе изъ дома доньи Марселины.

Четыре часа спустя послѣ этой сцены, кура Гаетъ, съ обритой головою, лежалъ безъ сознанія, и дюжинъ пятнадцатъ піявокъ яростно сосали ему кровь за ушами и па вискахъ.

Въ это-же время Мигуель былъ совершенно спокоенъ, освободившись отъ преслѣдованія, угрожавшаго ему въ такой моментъ, когда онъ всего болѣе нуждался въ спокойствіи духа и въ особенности въ безопасности, для службы своему отечеству, женщинѣ, которую онъ любилъ, и друзьямъ.

Въ слѣдующую-же за описанной нами сценой ночь онъ послалъ президенту Соломону, для большей безопасности, драгоцѣнный адресъ, который тотъ просилъ у него, съ увѣдомленіемъ, что все послѣобѣденное время онъ провелъ за редактированіемъ этой важной бумаги.

XII.

Чѣмъ была раньше покинутая дача и что изъ нея стало.

Путникъ, идущій по дорогѣ дель-Бахо, ведущей изъ Буэносъ-Айреса въ Санъ-Исидро, въ двѣнадцати километрахъ отъ города, встрѣчаетъ мѣстечко, нарываемое los Olivos, т. е. оливковыя деревья.

Пятьдесятъ или шестьдесятъ оливковыхъ деревьевъ уцѣлѣли отъ великолѣпнаго лѣса, давшаго свое имя этому живописному уголку, замѣчательному не однимъ только названіемъ.

На этомъ мѣстѣ въ 1819—1820 годахъ почти ежедневно бивакировали тѣ „страшныя“ арміи въ тысячу — тысячу двѣсти человѣкъ, которыя присвоили себѣ право возводить и низводить эфемерныя правительства, оспаривавшія тогда другъ у друга власть, будучи на другой же день сами разбиваемы и уничтожаемы тѣми-же правительствами, которыхъ они наканунѣ сами-же провозгласили.

Los Olivos расположены на вершинѣ маленькой возвышенности, поднимающейся влѣво отъ дороги, откуда очарованный глазъ турнета можетъ созерцать рѣку Ла-Плату въ ея величавой ширинѣ, ея плоскія берега и высокія „барранки“ Санъ-Исидро.

Но то, что особенно привлекало вниманіе путника въ этихъ мѣстахъ въ 1840 г., былъ маленькій, полуразрушенный домикъ, одиноко стоявшій на вершинѣ холма (барранки), возвышавшейся надъ рикого вправо отъ дороги.

Этотъ домъ, старинная собственность семьи Пеллица, былъ оспариваемъ у ней семьей Канавери и былъ извѣстенъ подъ именемъ „уединенной дачи“.

Необитаемый уже втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, этотъ домъ грозилъ разрушеніемъ во всѣхъ своихъ частяхъ, и юго-западные вѣтры, дувшіе съ необычайной силою втеченіи суровой зимы 1840 г., окончательно разрушили-бы его, еслибы неожиданно, втеченіи трехъ дней, какъ по волшебству,

онъ не былъ совершенно возстановленъ и почти заново отдѣланъ внутри, сохраняя, однако снаружи свой печальный и дряхлый видъ.

Кто руководилъ этими работами? По чьему приказу онѣ были исполнены? Кто предполагалъ жить въ этомъ домѣ?

Никто не зналъ объ этомъ, да и не думалъ освѣдомляться въ то критическое время, когда федералисты и унитаріи были заняты несравненно болѣе серьезными вещами, притомъ касавшимися лично ихъ.

Фактъ тотъ, что въ три дня голыя и растрескавшіяся стѣны были покрыты великолѣпными обоями, полы и своды были укрѣплены, паркетъ подчищенъ и подновленъ, двери сдѣланы заново и снабжены прочными запорами и, наконецъ, во всѣ окна вставлены стекла.

Эта почти развалившаяся лачуга, втеченіи долгаго времени служившая убѣжищемъ ночнымъ птицамъ, казалось, совершенно преобразилась и, какъ сказочный городъ восточныхъ легендъ, отъ одного прикосновенія волшебной палочки феи или волшебника изъ той развалины, которою она была, вдругъ превратилась въ удобное и прелестное сельское жилище.

Комнаты въ ней, маленькія но удобно расположенныя и богато меблированныя, заключали въ себѣ сотни пѣвчихъ птицъ, помѣщавшихся въ кокетливыхъ золоченыхъ клѣткахъ. Радостныя трели и рулады пернатыхъ разносились черезъ полуоткрытыя окна дачи на воздухъ.

Жизнь, свѣтъ и любовь вернулись одновременно въ пустынный домикъ.

Посреди столовой находился круглый столъ, на которомъ былъ сервированъ приборъ для трехъ человѣкъ.

Было восемь съ половиною часовъ вечера. Блѣдный круглый дискъ луны выплылъ надъ Ріо - Платой; полоса бѣловатаго свѣта пересѣкала рѣку и казалась огромной змѣей, колыхавшейся на верхушкахъ волнъ.

Ночь была тихая; звѣзды, подобно брилліантовой пыли, блистали въ глубокой лазури неба; легкій вѣтерекъ, при-

носившій съ собою благовонія Параны, освѣжалъ атмосферу.

Царившее кругомъ безмолвіе было полно поэзіи.

У подошвы холма, постепенно спускавшагося къ самой рѣкѣ, стояла молодая женщина на песчаной косѣ, объ основаніе которой тихонько плескались волны; она любовалась съ нѣмымъ восхищеніемъ очаровательнымъ пейзажемъ, развертывавшемся предъ ея удивленными взорами. Эта женщина была донья Гермоза. Погруженная въ сладкія грезы, сосредоточившись въ самой себѣ, она не видѣла и не слышала ничего, изъ происходившаго кругомъ ея, пока глухой шумъ шаговъ быстро приближавшагося къ ней человѣка вывелъ ея изъ мечтательнаго оцепененія.

Этотъ человѣкъ сперва началъ быстро спускаться съ холма; но, по мѣрѣ приближенія къ молодой женщинѣ, его шаги замедлялись и, наконецъ, онъ невольно остановился; но внезапно, сдѣлавъ надъ собой усиліе, подошелъ къ прелестной мечтательницѣ и упалъ передъ нею на колѣни.

— Гермоза!

— Луисъ!

Вскричали они оба одновременно.

— О, какъ ты прекрасна, моя обожаемая, и какъ я тебя люблю! — сказалъ молодой человѣкъ.

— Я думала о тебѣ!—прошептала донья Гермоза, положивъ свою руку на голову колѣнопреклоненнаго дона Луиса.

— Правда?

— Да, я думала о тебѣ; но я видѣла тебя не на землѣ, а подлѣ себя, на небѣ.

— Ты ангелъ, ты не принадлежишь землѣ и поэтому такъ и должна въ своихъ мысляхъ видѣть меня!—отвѣчалъ молодой человѣкъ, заставляя донью Гермозу сѣсть подлѣ него на берегу рѣки.

— Луисъ!

— Какъ ты прекрасна, Гермоза!

— Ты счастливъ, не правда-ли, Луисъ?

— Да, очень счастливъ близъ тебя, моя дорогая, я и живу только для тебя!

— Ты возвращаешь мнѣ надежду!

— Ты очень любишь меня, Гермоза? Ты готова принять то, что дастъ мнѣ будущее?

— Да!

— Какое-бы ни было это будущее?

— Да, какое-бы оно ни было. Если ты будешь счастливъ, я буду счастлива съ тобой; если будешь страдать, я раздѣлю твои страданія.

— О, что ты говоришь, Гермоза!

— Я боюсь этого, мой другъ!

— Боишься?

— Увы! наша любовь началась такъ печально.

— Что намъ до того! Развѣ мы не живемъ одинъ возлѣ другого?

— Это правда; но съ перваго мгновенія, какъ мы увидѣлись, имѣли-ли мы хоть одну секунду, вполнѣ предоставленную намъ?

— Что намъ до того, повторяю тебѣ, если мы счастливы!

— Счастливы! развѣ смерть не угрожаетъ твоей головѣ, а, слѣдовательно, и моей, потому что я живу только тобою?

— Но скоро намъ нечего будетъ бояться.

— Кто знаетъ!

— Ты сомнѣваешься?

— Да.

— Почему, Гермоза?

— Тутъ,—печально сказала она, положивъ свою руку на сердце,—я слышу голосъ, говорящій мнѣ слова, которыхъ я не осмѣливаюсь понимать.

— Суевѣрная!

— Послушай, не странно ли, что въ то время, какъ мы разговаривали, несмотря на глубокую тишину, царящую въ атмосферѣ, внезапно раздался ударъ грома?—проговорила она дрожащимъ голосомъ.

— Что намъ за нужда дѣлать небо участникомъ нашихъ несчастій!

-- Я не знаю, но... я суевѣрна, какъ ты сказалъ Луисъ.

— Однако, пойдемъ!

— Нѣтъ, подождемъ немного!

— Теперь уже поздно и, быть можетъ, Минзель уже явился.

Донъ Луисъ всталъ, и оба они тихонько взошли опять на холмъ.

По приказанію доньи Гермозы, всѣ наружныя окна покинутой дачи были завѣшены глухими шторами, такъ что снаружи казались совершенно темными. Только въ окнахъ, выходившихъ на рѣку, виднѣлся свѣтъ, такъ какъ нечего было опасаться, что съ этой стороны кто-либо будетъ проходить ночью.

Когда молодые люди вошли въ столовую, Лиза встрѣтила свою госпожу, а старый Хозе подошелъ къ окну, чтобы убѣдиться въ томъ, что дочь его полковника вернулась цѣлою и невредимою.

— Мигуель не приходилъ?

— Нѣтъ, сеньора; никто не приходилъ послѣ дона Луиса!

Едва донья Гермоза и донъ Луисъ сѣли, какъ въ дверяхъ появился Хозе, дежурившій на дворѣ.

— Они пріѣхали!—доложилъ онъ.

— Кто?—спросила донья Гермоза.

— Донъ Мигуель и Тонильо.

— А, хорошо! Позаботьтесь о лошадяхъ. Мигуель нашъ ангелъ—хранитель, не правда-ли, Луисъ?

— О, Мигуель для насъ болѣе, чѣмъ другъ, болѣе чѣмъ братъ!

Веселый, живой, развязный какъ всегда вошелъ донъ Мигуель въ столовую своей Кузины; на немъ было короткое пончо, едва покрывавшее бедра, къ отложному воротничку его рубашки былъ небрежно подвязанъ галстухъ.

— Влюбленные не ѣдятъ!—произнесъ онъ, останавлива-

ясь на порогѣ столовой и дѣлая три отдѣльныхъ поклона: кузинѣ, своему другу и столу.

— Мы ждали тебя! — проговорила, улыбаясь, молодая вдова.

— Меня?

— Да, это о васъ говорятъ, сеньоръ донъ, Мигуель!— сказалъ донъ Луисъ.

— А тысячу разъ спасибо, вы самые любезные въ свѣтѣ люди! Какъ вы должны были устать, дожидаясь меня, и какъ для васъ долго тянулось время!

— Какъ такъ?—спросилъ донъ Луисъ, поднявъ голову.

— Вы не можете минутки остаться одни, чтобы не наскучать другъ другу. Хозе!

— Что ты хочешь отъ него, съумашедшій?

— Подавайте, Хозе! – сказалъ донъ Мигуель, снимая свое пончо и касторовые перчатки; и, сѣвъ за столъ, онъ налилъ себѣ стаканъ бордосскаго вина.

— Но, сеньоръ, это невѣжливо! Вы сѣли раньше сеньоры!

— Ахъ, я федералистъ, сеньоръ Бельграно и—чортъ возьми!—такъ какъ наше святое дѣло безцеремонно засѣло среди нашей революціи, то и я также могу сѣсть за столъ, который представляетъ собою тоже полнѣйшую революцію: тарелки одного цвѣта, блюда другого, стаканы, бокалы для шампанскаго, почти потухшая лампа и коверъ, какъ платокъ моей интимной пріятельницы доньи Мерседесъ Розасъ де-Ривера.

Донья Гермоза и донъ Луисъ, знавшіе приключеніе молодого человѣка, разразились смѣхомъ и сѣли за столъ.

— Ну, ты въ предпослѣднюю ночь обязался сдѣлать визитъ этой сеньорѣ, чтобы слушать чтеніе ея мемуаровъ? Судя по твоимъ словамъ, вчера ты не сдержалъ своего слова, кабаллеро; но я полагаю, сегодня ты возстановилъ свою добрую репутацію.

— Нѣтъ, дорогая кузина!—отвѣчалъ донъ Мигуель, разрѣзая цыпленка.

— Это дурно!

— Возможно; но я не вернусь къ своей энтузіасткѣ пріятельницѣ, не имѣя чести быть сопровождаемымъ Луисомъ.

— Какъ?—спросила молодая вдова сдвинувъ брови.

— Со мною!—вскричалъ донъ Луисъ.

— Конечно! Мнѣ кажется, здѣсь нѣтъ другого Луиса, кромѣ тебя.

— Не теряйте этого случая, сеньоръ Бельграно!—сказала донья Гермоза насмѣшливымъ голосомъ.

— Я еще не сошелъ съ ума, дорогая Гермоза!

— Это плохо, такъ какъ съумашедшіе обыкновенно имѣютъ успѣхъ.

— А, очень хорошо! вотъ это мнѣ объясняетъ твое постоянное счастье!—сказала Гермоза съ злой улыбкой.

— Правильно! какъ говоритъ почтенный президентъ Соломонъ и, еслибы Луисъ былъ немного болѣе сумасброденъ, онъ-бы воспользовался могучимъ покровительствомъ, которое ему предлагаютъ въ столь трудное для него время, т. е. сдѣлалъ-бы визитъ сестрѣ Ресторадора законовъ; онъ бы слушалъ чтеніе ея мемуаровъ, обѣдалъ съ нею до прихода Риверы, запирался вмѣстѣ съ нею въ ея спальнѣ въ то время когда Ривера обѣдалъ... и послѣ мнѣ нечего было-бы бояться ни доньи Маріи Хозефа и никого вообще.

— Ну, Луисъ, не упускайте этого случая!

— Дорогая Гермоза, развѣ вы не знаете Мигуеля?

— Кто знаетъ, быть можетъ онъ имѣетъ основаніе говорить такъ?

— Вѣрно, кузина, вѣрно: никогда не дѣлаютъ предложеній, не имѣя почти полной увѣренности въ томъ, что они будутъ приняты. Что ты на это скажешь, Луисъ?

— Я скажу, Мигуель, что прошу тебя перемѣнить разговоръ!

Молодой человѣкъ расхохотался.

— Они неподражаемы!—вскричалъ онъ—Аврора моложе тебя, Гермоза; я—моложе Луиса, однако мы будемъ гораздо благоразумѣе васъ: мы будемъ ссориться никакъ не больше

трехъ разъ въ недѣлю. По крайней мѣрѣ, я рѣшилъ поставить дѣло такъ, чтобы имѣть три примиренія.

— Но ты будешь заставлять ее страдать?

— Чтобы сдѣлать ей удовольствіе вслѣдъ за тѣмъ, Гермоза; нѣтъ счастья, подобнаго тому, которое слѣдуетъ за размолвкой двухъ влюбленныхъ; и если я обѣщаю вамъ ссорить васъ три раза въ недѣлю.....

— Нѣтъ, нѣтъ, Мигуель, ради Бога!—вскричалъ Луисъ.

— Какъ хочешь, это предложеніе, вотъ и все!

— Ну, Мигуель, будемъ говорить о серьезныхъ ващахъ ..

— Что въ этомъ домѣ будетъ чудомъ!

— Имѣешь-ли ты извѣстія о Барракасъ?

— Да; они еще не взяли дома приступомъ, что представляетъ собою настоящее чудо въ наше время святого дѣла федералистовъ.

— Шпіонство прекратилось?

— Уже три ночи тамъ не было видно никого, что также большая рѣдкость со стороны федералистовъ. Я ходилъ туда сегодня утромъ: все такъ, какъ мы оставили двѣ недѣли тому назатъ. Я велѣлъ перемѣнить замки. Твои вѣрные негры спятъ днемъ, чтобы сторожить ночью, хотя и тогда они притворяются спящими; поэтому они видятъ и слышатъ все.

— О, мои старые слуги, я ихъ награжу!

— Вчера, донья Марья Хозефа велѣла позвать ихъ къ себѣ, но они не могли ей ничего сказать кромѣ того, что ты уѣхала и они не знаютъ—куда.

— О, какая женщина, какая женщина, Луисъ!

— Но не ей мы должны мстить! — вскричалъ молодой человѣкъ, сверкнувъ глазами.

— Есть, однако, одна вещь, которая намъ полезна.

— Какая?—спросилъ донъ Луисъ и донья Гермоза въ одинъ голосъ.

— Общее положеніе дѣлъ, — продолжалъ донъ Мигуель,—Освободительная армія находится еще въ Гуардіа-де-Луханъ, но завтра, 1 сентября, она будетъ продолжать свое

наступленіе. Розасъ въ настоящее время думаетъ только объ угрожающей ему опасности; никто не осмѣливается утруждать его личными счетами. Преслѣдованіе, жертвою котораго стала ты и которое продолжается противъ Луиса— дѣло частныхъ лицъ и идетъ снизу; Розасъ не давалъ никакого приказанія на этотъ счетъ. Масъ-Горка и другіе корифеи федераціи не хотятъ идти дальше, не зная навѣрное о результатахъ вторженія; итакъ, со времени событія 22 числа, ничего серьезнаго не произошло въ теченіи двухъ послѣднихъ недѣль; но Розасъ одинъ былъ виновникомъ печальную событія, послѣдовавшаго по его приказу.

— На какое несчастіе ты намекаешь? — спросила съ безпокойствомъ Гермоза.

— Это ужасное дѣло, которое могъ совершить только Розасъ!

— Говори, Мигуель, говори!

— Слушайте: нѣкій Рамосъ де-Кордова, человѣкъ мирный, простой, не имѣвшій никакого отношенія къ политикѣ, прибылъ 21 числа этого мѣсяца въ Буэносъ-Айресъ съ извѣстнымъ числомъ повозокъ, изъ южныхъ деревень; утромъ 23 его жена родила мертваго ребенка и, конечно была поэтому сильно больна. Рамосъ вышелъ, чтобы заняться погребеніемъ своего ребенка, но на улицѣ его арестовавъ полицейскій комиссаръ, вернулся съ нимъ на его квартиру и, безъ всякаго состраданія къ этимъ бѣднякамъ, началъ производить самый мелочный и невозможный обыскъ, взламывая комоды, обыскивая даже одѣяла и тюфякъ больной! Хотя всѣ его поиски были безуспѣшны, все-же въ силу полученныхъ имъ приказаній онъ велѣлъ своимъ полицейскимъ арестовать Рамоса, вывелъ его за городъ въ Санъ-Хозе де-Флоресъ, гдѣ и объявилъ ему, что тотъ долженъ умереть и что Его Превосходительство Ресторадоръ законовъ даетъ ему два часа на примиреніе съ Богомъ. Черезъ два часа онъ былъ растрѣлянъ полицейскими изъ пистолетовъ!

— Какой ужасъ!—вскричала донья Гермоза, закрывъ лицо руками.—А его жена, что сталось съ этой насчастной?

— Съ его женой?—Она сошла съ ума, кузина!

— Сошла съ ума!

— Да, и умретъ черезъ нѣсколько дней!

Донъ Луисъ сдѣлалъ знакъ своему другу перемѣнить разговоръ, такъ какъ донья Гермоза страшно поблѣднѣла.

— Когда пройдетъ это страшное время,—началъ снова донъ Мигуель,—когда мы всѣ вмѣстѣ снова спокойно заживемъ, тогда я разскажу тебѣ, дорогая кузина о тѣхъ страшныхъ преступленіяхъ, которыя совершались вокругъ тебя и которыхъ ты не знала. Правда, мы тогда будемъ такъ счастливы, что и не захотимъ болѣе говорить о подобныхъ вещахъ. Выпьемъ за это счастливое время!

— Да, да!

— Выпьемъ за наше будущее счастье!

— Ты едва омочила свои губы въ винѣ, Гермоза; но я съ Луисомъ выпили полные стаканы и хорошо сдѣлали; видно подкрѣпляетъ силы, а онѣ намъ нужны, такъ какъ сейчасъ надо проскакать полнымъ галопомъ около трехъ лье по берегу рѣки.

— Боже мой, вы меня безпокоите! Въ такой поздній часъ?

— До сихъ поръ намъ все удавалось,—поэтому будетъ удача и въ будущемъ.

— Не обманчива-ли эта надежда?

— Нѣтъ, другъ мой нѣтъ; убійцы Розаса, правда, никогда не приходятъ одни, но ихъ конвой не превосходитъ никогда шести или восьми человѣкъ.

— Но васъ только трое!

— Правда, Гермоза, насъ трое, а мосъ-горкеро соберется, по крайней мѣрѣ, человѣкъ двѣнадцать, т. е. четыре человѣка противъ одного, что сдѣлало-бы борьбу, быть можетъ, слишкомъ не равною, но имъ надо время, чтобы собраться.

Донъ Луисъ проговорилъ эти слова съ такой увѣренностью, что молодая женщина почувствовала себя успокоенною.

— Однако,—сказала она,—вы будете избѣгать встрѣчи, не правда-ли?

— Да, хотя Луисъ и испытываетъ необходимость поработать своей бравой шпагою, съ которой онъ не разстается никогда. Vive Dios! Я не знаю, какъ онъ можетъ выносить ея тяжесть!

— Я не умѣю владѣть таинственнымъ оружіемъ, сеньоръ!— проговорилъ улыбаясь, молодой человѣкъ.

— Это возможно, но оружіе такого рода болѣе удобно, и, главное, болѣе дѣйствительно.

— О, я это знаю; но какое же это оружіе, которымъ ты такъ часто причинялъ много зла, скажи мнѣ, Мигуель?

— И много добра! ты должна была бы прибавить, кузина.

— Это правда, правда, прости меня, но отвѣчай; мнѣ чрезвычайно хочется его видѣть!

— Дай мнѣ докончить этотъ пирожокъ.

— Я не пущу тебя сегодня, если ты не покажешь мнѣ его.

-- Мнѣ не хочется показывать тебѣ его, кузина.

— Обманщикъ!

— Но, разъ ты требуешь, изволь, вотъ это таинственное оружіе, какъ называетъ его Луисъ.

Съ этими словами Мигуель вытащилъ изъ кармана своего сюртука и положилъ на столъ особаго рода стержень изъ ивоваго прута въ футъ длиною, довольно тонкій по срединѣ, на каждомъ изъ концовъ котораго находилось по свинцовой пулѣ унцій въ шестнадцать вѣсомъ; весь стержень былъ покрытъ чрезвычайно тонкой сѣткой изъ нашей толстой русской кожи. Это оружіе, если его держать за одну изъ пуль, можетъ сгибаться, не ломаясь, что придаетъ тройную силу ударомъ, наносимымъ имъ.

Донья Гермоза приняла его сначала за игрушку, но понявъ тотчасъ же, что эта легкая вещь, столь безопасная съ виду, представляетъ собою на самомъ дѣлѣ страшное оружіе, поспѣшила оттолкнуть его.

— Ты хорошо его разсмотрѣла, Гермоза?

— Да, да! спрячь его; ударъ, нанесенный одною изъ этихъ пуль, долженъ быть смертеленъ.

— Да, если онъ нанесенъ въ грудь или въ голову. Теперь я скажу имя этого оружія или лучше—имена: по-англійски оно называется life-preserver; по-французски — casse-tête; по-испански оно не имѣетъ спеціальнаго названія, но мы пользуемся французскимъ названіемъ, потому что оно чрезвычайно выразительно, ибо значитъ, какъ тебѣ извѣстно, rompe cabezas (головобой). Въ Англіи кастетъ—общепринятое оружіе; оно употребляется также въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Франціи; императоръ Наполеонъ далъ его нѣкоторымъ кавалерійскимъ полкамъ. Мнѣ оно оказало двѣ услуги; первая—спасла жизнь Луису, вторая—быть въ состояніи спасти ее вторично, если представится случай.

— О, этого не случится болѣе! Вы не правда-ли, не будете безумно подвергать себя опасности, Луисъ?

— О, нѣтъ я слишкомъ боюсь не вернуться сюда!

— И онъ правъ, потому что это единственный домъ, откуда его не изгоняютъ.

— Его?

— Тота! Какъ будто ты не знала этого, дорогая кузина! Нашъ почтенный учитель чистописанія изгонялъ его не силою своихъ кулаковъ, но—своихъ рѣчей. Моя дорогая Аврора приняла его однажды ночью, но я принужденъ былъ прогнать его оттуда. Одинъ изъ нашихъ друзей хотѣлъ принять его на два дня, но его почтенный отецъ согласился оказать ему гостепріимство только на полтора дня; наконецъ, я хотѣлъ пріютить его у себя только два раза; этотъ будетъ третьимъ.

— Да, но я провелъ одну ночь у тебя! — замѣтилъ, улыбаясь, Луисъ.

— Да, сеньоръ, и этого было довольно.

Донья Гермоза пыталась улыбнуться, но ея глаза были увлажены слезами; донъ Мигуель, замѣтивъ это, взглянулъ на свои часы.

— Одиннадцать часовъ съ половиною, — проговорилъ онъ,—пора отправляться!

Всѣ встали изъ-за стола.

— Твое пончо и шпага, Луисъ?

— Я передалъ ихъ Лизѣ; думаю, она отнесла въ другую комнату.

— Я схожу туда!—сказала молодоя вдова.

И донья Гермоза, не взявъ огня, прошла черезъ нѣсколько комнатъ, освѣщенныхъ только свѣтомъ луны, желая сама услужить молодому человѣку.

Луисъ и донъ Мигуель едва успѣли обмѣняться между собой нѣсколькими словами, какъ вдругъ они услышали крикъ ужаса и стремительные шаги, приближавшіеся къ столовой.

Молодые люди хотѣли броситься на помощь къ доньѣ Гермозѣ, какъ она сама появилась на порогѣ двери.

— Что такое? вскричали оба друга.

— Ничего. Не уходите; не покидайте дома сегодня ночью!

— Ради неба, Гермоза, что такое?—вскричалъ донъ Мигуель съ своей обычной горячностью, тогда какъ донъ Луисъ пытался силою пройти въ ту дверь, которую молодая вдова закрыла и передъ которою она стояла.

— Я вамъ скажу это, скажу, только не входите туда!

— Есть кто-нибудь въ тѣхъ комнатахъ?

— Нѣтъ, тамъ нѣтъ никого!

— Но тогда, кузина, отчего этотъ крикъ? отчего эта блѣдность?

— Я видѣла, что какой-то человѣкъ приставилъ свое лицо къ стеклу въ окно Лизы, выходящее на дорогу. Сначала я думала, что это былъ Хозе или Тонильо, но когда подошла ближе, чтобы удостовѣриться въ этомъ, какой-то человѣкъ, замѣтивъ меня, быстро отвернулся, закрылъ лицо своимъ пончо и отошелъ прочь почти бѣгомъ; но въ ту минуту, какъ онъ повернулся, свѣтъ луны упалъ на его фигуру, и... я его узнала.

— Кто это былъ?—вскричали оба молодыхъ человѣка.

— Марипьо.

— Mариньо!—вскричалъ Мигуель.

— О, этотъ человѣкъ!—проговорилъ съ яростью Луисъ.

— Да, это былъ онъ, я не ошиблась; не будучи въ состояніи сдержать себя, я закричала.

— Все, что мы сдѣлали, потеряно!—вскричалъ Луисъ, ходя большими шагами по комнатѣ.

— Въ этомъ нельзя сомнѣваться — сказалъ донъ Мигуель съ задумчивымъ видомъ; — онъ слѣдилъ, очевидно, за мною, когда я вышелъ отъ Араны!

Молодой человѣкъ позвалъ тотчасъ же Хозе; ветеранъ поставилъ на столъ блюда, которыя держалъ въ рукахъ, и явился на зовъ.

— Хозе, когда мы ужинали, гдѣ былъ Тонильо?—спросилъ молодой человѣкъ стараго слуги.

— Онъ не покидалъ кухни съ тѣхъ поръ какъ мы заперли лошадей въ домѣ садовника.

— Ни вы, ни онъ не слыхали, что кто-либо былъ вблизи дома или на дорогѣ?

— Нѣтъ, сеньоръ!

— Однако, очевидно, какой-то человѣкъ долго стоялъ у окна Лизы.

Старый солдатъ сдѣлалъ тихое движеніе, какъ будто хотѣлъ вырвать свои сѣдые усы, затѣмъ дернулъ ихъ съ нѣмою яростью.

— Я вѣрю, что вы ничего ни слыхали, Хозе,—сказалъ Мигуель,—но надо быть болѣе внимательнымъ. Позовите Тонильо и осѣдлайте для него лошадь!

Хозе вышелъ, не произнося ни одного слова; вошелъ Тонильо.

— Тонильо,—обратился къ нему его господинъ,—мнѣ надо знать, нѣтъ-ли людей верхомъ на лошадяхъ въ оливковой рощѣ; если ихъ тамъ нѣтъ, то я хочу знать, по какому направленію они поѣхали и сколько ихъ; они вышли отсюда минутъ пять тому назадъ.

Тонильо ушелъ. Донъ Мигуель, донья Гермоза и донъ Луисъ вошли тотчасъ же въ комнату Лизы и отворили окно,

откуда открывался видъ на дорогу и на пятьдесятъ или шестьдесятъ оливковыхъ деревьевъ, тощіе силуэты которыхъ вырисовывались въ шагахъ ста отъ дачи.

Втеченіи нѣсколькихъ минутъ они молча наблюдали за дорогой; наконецъ донья Гермоза замѣтила:

— Но почему Тонильо такъ медлитъ и не выходитъ изъ дому?

— Онъ уже теперь далеко отъ насъ, дорогая кузина!

— Увѣряю тебя, Мигуель, что онъ еще и не выходилъ; только съ этой стороны можно войти на дорогу.

— Ошибаешься, дорогое дитя! Тонильо настоящій гаучо и не будетъ идти по слѣдамъ лошади сзади; я увѣренъ, что онъ спустился съ холма и, проѣхавъ пятьсотъ—шестьсотъ шаговъ, снова поднялся на верхъ и направился къ los Alinos по возвышенной дорогѣ... Вотъ онъ... Видишь?...

Въ самомъ дѣлѣ, шагахъ въ двухстахъ отъ покинутой дачи вдоль дороги, шедшей влѣво отъ оливковой рощи виденъ былъ человѣкъ на черной лошади, ѣхавшей по дорогамъ полнымъ галопомъ.

Минуту спустя они услышали голосъ этого человѣка, пѣвшаго одну изъ тѣхъ меланхолическихъ и заунывныхъ пѣсенъ гаучо, которыя имѣютъ всѣ одинъ и тотъ же мотивъ, хотя слова ихъ измѣняются.

Вскорѣ онъ перешелъ въ шагъ и направился, не переставая пѣть, къ los Olivos; онъ исчезъ среди деревьевъ и нѣсколько минутъ спустя появился снова, пустивъ лошадь карьеромъ и несясь по той дорогѣ, которая была имъ ранѣе пройдена.

— Его преслѣдуютъ, Мигуель?

— Нѣтъ, Гермоза!

— Посмотри, его уже не видно болѣе!

— Я понимаю все!

— Что ты понимаешь?—спросилъ Луисъ, у котораго не было такой способности къ наблюденію, какого обладалъ въ большой мѣрѣ Мигуель.

— Я понялъ, что Тонильо не нашелъ никого въ рощѣ,

что онъ слѣзъ съ лошади, сталъ искать и нашелъ свѣжіе слѣды лошадей, которыя направились туда же, куда поѣхалъ и онъ теперь, чтобы убѣдиться въ безошибочности своего заключенія.

Молодой человѣкъ заперъ окно, и они вернулись въ столовую, гдѣ едва просидѣвъ десять минутъ, она замѣтила изъ окна, выходившаго на рѣку, Тонильо, мчившагося карьеромъ по берегу; онъ поднялся на холмъ и скоро достигъ дверей дачи.

— Они ѣдутъ тамъ, сеньоръ, — произнесъ онъ своимъ характернымъ тономъ гаучо.

— Сколько?

— Трое.

— По какой дорогѣ?

— По верхней.

— Ты видѣлъ лошадей?

— Да, сеньоръ, одну.

— Ты ее знаешь?

— Да, сеньоръ.

— Ну?

— Та, которая ѣдетъ впереди—пѣгій иноходецъ, — принадлежитъ подполковнику Мараньо.

Донья Гермоза съ удивленіемъ посмотрѣла на своего кузина и дона Луиса.

— Хорошо, сведи лошадей на берегъ!

Тонильо удалился, ведя свою лошадь подъ усдцы.

— Какъ! Развѣ вы уже уѣзжаете? — спросила молодая женщина.

— Не теряя ни одной минуты!--отвѣчалъ ей Мигуель.

— Какъ! мы оставимъ сеньору?—сказалъ донъ Луисъ.

— Тонильо останется. Онъ и Хозе отвѣтятъ мнѣ за кузину. Я долженъ этой ночью сопровождать дежурнаго генерала. Ты ночуешь у меня.

— Боже мой! Еще новыя опасности! — вскричала молодая женщина съ глазами, полными слезъ.

— Да, новыя опасности, Гермоза, этотъ домъ не безопасенъ болѣе для насъ; надо искать другой

— Ну, ѣдемъ, Мигуель!—вскричалъ донъ Луисъ, сжавъ губы.

Молодая женщина поняла чувства, волновавшія дона Луиса.

— Ради меня, Луисъ, ради меня!—сказала она ему такимъ нѣжнымъ голосомъ, что, противъ своей воли, гордый молодой человѣкъ въ замѣшательствѣ опустилъ глаза.

— Положись на меня, Гермоза! — сказалъ ей донъ Мигуель, цѣлуя ее въ лобъ.

Луисъ прижавъ къ своимъ губамъ руку той, которую онъ любилъ, взялъ плащъ и шпагу, поданныя ему Хозе.

Два друга удалились почти молча. Каждый изъ этихъ трехъ лицъ страдалъ, не смѣя признаться въ этомъ самому себѣ.

У подошвы холма молодые люди сѣли на лошадей; Тонильо получилъ приказаніе оставаться въ дачѣ до шести часовъ утра.

Мигуель и Луисъ пустили своихъ лошадей во весь духъ по дорогѣ день-Баро. Донья Гермоза слѣдила за ними взглядомъ, затѣмъ, когда они исчезли изъ виду, она обратила свои глаза, полные слезъ, къ небу и въ своемъ сердцѣ обращалась за нихъ съ горячей молитвою къ Богу.

XIII.

Гдѣ донъ Мигуель производитъ ночной обходъ вмѣстѣ съ дежурнымъ генераломъ.

Послѣ безумной скачки, продолжавшейся болѣе получаса, донъ Мигуель повернулся, не останавливая своей лошади, къ своему другу.

— Это безполезно, Луисъ,—проговорилъ онъ,—мы загонимъ нашихъ лошадей, не достигнувъ того, чего ты желаешь!

— Развѣ ты знаешь, чего я желаю?

— Да.

— Чего?

— Догнать Мариньо.

— Да!

— Это не удастся!

— Нѣтъ?

— Ты его не догонишь; поэтому только я и подчинился твоему капризу мчаться, подобно двумъ демонамъ по этой дорогѣ съ рискомъ сломать себѣ шею.

— Мы это увидимъ! Я его догоню!

— У него въ распоряженіи двадцати минутами больше времени, чѣмъ у насъ.

— Не столько.

— Больше!

— Мы уже наверстали, по крайней мѣрѣ, десять минутъ.

— Да если мы и догонимъ его?

— Одинъ отвѣтитъ за всѣхъ.

— Какъ?

— Я заведу съ нимъ ссору и проткну его своей рапирой.

— Великолѣпная мысль!

— Если она и не великолѣпна, то по крайней мѣрѣ послѣдовательна.

— Ты забываешь, что ихъ четверо.

— Хоть бы ихъ было пятеро! Но ихъ только трое; онъ и его два ординарца.

— Четверо: Мариньо, два ординарца и я.

— Ты?

— Я.

— Ты противъ меня!

— Я противъ тебя.

— Какъ хочешь.

Донъ Мигуель зналъ гордый и рѣшительный характеръ своего друга; онъ боялся, чтобы тотъ не привелъ въ испол-

неніе свое безумное намѣреніе; но онъ не зналъ, какъ помѣшать этому, какъ вдругъ, замѣтивъ впереди двухъ всадниковъ, ѣхавшихъ галопомъ, почти по тому же направленію, по которому мчались и они, Мигуель обратился къ своему другу:

— Посмотри, Луисъ, на этихъ трехъ людей.

— Безумецъ, ихъ только двое!

— Ошибаешься, ихъ трое: одинъ впереди.

Донъ Луисъ уже не слушалъ болѣе· онъ направилъ свою лошадь на всадниковъ, которые находились шагахъ въ пятистахъ отъ него.

Донъ Мигуель улыбнулся себѣ въ бороду, слѣдуя за своимъ другомъ; послѣдній терялъ время, покидая настоящую дорогу: этого онъ только и хотѣлъ.

Неизвѣстные, замѣтивъ двухъ людей, мчавшихся къ нимъ во весь духъ, задержали своихъ лошадей.

Молодые люди остановили своихъ лошадей только нагнавъ тѣхъ, кого они преслѣдовали; но дону Луису достаточно было одной секунды, чтобы узнать, что онъ стоитъ лицомъ къ лицу со старикомъ и ребенкомъ. Онъ закусилъ себѣ губы, понявъ, что донъ Мигуель посмѣялся надъ нимъ и заставилъ его потерять пять минутъ времени; не произнося ни одного слова, онъ повернулъ свою лошадь и вновь помчался по прежнему направленію.

Преслѣдованіе снова началось еще живѣе и ожесточеннѣе. Вдругъ послышалось.—„Кто идетъ“?—часового.

Они были у подошвы возвышенностей дель-Ретиро, гдѣ помѣщался въ казармахъ генералъ Роллонъ съ кавалерійскимъ пикетомъ и ротою батальона морской пѣхоты, состоявшаго подъ командою Маса; остальныя роты батальона отправлены были 16 августа въ Сантосъ-Лугаресъ.

— Слава Богу!—прошепталъ про себя донъ Мигуель, останавливая свою лошадь и громко отвѣтивъ. — La patria! (отечество).

Донъ Луисъ дернулъ такъ сильно за поводъ, что его

лошадь сдѣлала скачекъ, отъ котораго онъ чуть не вылетѣлъ изъ сѣдла.

— Que gentes?—Что за люди?—спросилъ часовой.

— Federales netos!—Извѣстные федералисты!—отвѣчалъ донъ Мигуель.

— Pasen de largo!—Идите свободно!

Уже донъ Луисъ далъ шпоры своему коню, какъ раздался вблизи новый голосъ:

— Стой!

Молодые люди остановились.

Десятокъ кавалеристовъ спускались съ холма къ казармѣ.

Трое изъ нихъ подъѣхали ближе, чтобы разсмотрѣть молодыхъ людей, пока подходили остальные ихъ товарищи.

— Вы должны мнѣ выхлопотать лошадь, генералъ!—сказалъ Мигуель съ той самоувѣренностью, которая такъ часто выручала его въ трудныя минуты его жизни, узнавъ генерала Мансильо, бывшаго въ эту ночь дежурнымъ.

— Вы отсюда, дель-Кампо?—спросилъ генералъ.

— Да, сеньоръ, я отсюда, проѣхавъ болѣе лье вдоль берега въ поискахъ за вами, такъ какъ около городскихъ казармъ я васъ не встрѣтилъ. Вы должны дать мнѣ лошадь, такъ какъ я замучилъ свою, розыскивая васъ.

— Было условлено, что вы придете ко мнѣ въ одиннадцать часовъ, а я выѣхалъ только въ одиннадцать съ четвертью.

— Въ такомъ случаѣ я виноватъ.

— Конечно!

— Хорошо, я сознаю свою вину и не прошу болѣе лошади.

— Такъ!

— Нѣтъ-ли чего новаго, генералъ?

— Ничего!

— Я васъ просилъ позволить мнѣ посѣтить всѣхъ нашихъ солдатъ.

— Я началъ съ Ель-Ретиро; другихъ я не обходилъ.

— Тедерь вы идете?

— Въ формѣ.

— Держу пари, что они спятъ.

— *Тота!* Алькады и мировые судьи знаменитые солдаты!

— Хорошо, генералъ. По какой дорогѣ вы поѣдете?

— Дель-Бахо, такъ какъ я хочу заѣхать сначала на батарею.

— Хорошо, мы увидимся на маленькой площади форта.

— Но мы поѣдемъ вмѣстѣ!

— Нѣтъ, генералъ, я поѣду въ городъ проводить туда моего друга. Онъ хотѣлъ провести ночь вмѣстѣ съ нами, по внезапно почувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ.

— *Тота!* Вы ничего не стоите, нынѣшніе молодые люди!

— Правда, это я и говорилъ вамъ сегодня утромъ.

— Вы не можете провести ночи безъ сна.

— Какъ видите!

— Хорошо; ступайте живѣе; мы увидимся въ фортѣ, гдѣ мы поужинаемъ.

— Черезъ минуту я буду въ вашемъ распоряженіи, генералъ!

— Не опоздайте!

Донъ Луисъ, сдѣлавъ легкій поклонъ генералу Мансильо, послѣдовалъ за своимъ другомъ и они оба, минутъ черезъ десять, подошли къ дому дона Мигуеля. Послѣдній, проводивъ своего друга, вышелъ опять, заперъ дверь и снова сѣвъ на свою лошадь, лучшую изъ тѣхъ, которыя питались альфальфой въ безграничныхъ преріяхъ *эстансіи* его отца.

Проѣзжая подъ большой аркой Rec va, онъ замѣтилъ дежурнаго генерала съ его конвоемъ, подъѣзжавшаго къ площади 25 мая. Они снова раскланялись другъ съ другомъ на краю крѣпоснаго рва и, послѣ исполненія военныхъ формальностей, въѣхали вмѣстѣ въ крѣпость.

Ночь была, какъ мы уже сказали, очень тихая, поэтому на большомъ дворѣ форта и въ корридорахъ было замѣтное оживленіе: алькады, мировые судьи, ихъ лейтенанты и орди-

нарцы стояли группами тамъ и сямъ и курили кому что нравилось; тѣмъ же заняты были половина корпуса сереносовъ и почти весь штабъ.

Весь этотъ разношерстный гарнизонъ крѣпости былъ на эту ночь подъ командою Мариньо, по приказанію генерала Финедо, генералъ-инспектора.

Невозможно описать изумленія подполковника Мариньо, когда онъ замѣтилъ дона Мигуеля въ обществѣ генерала Мансильи: онъ полагалъ, что молодой человѣкъ находится въ трехъ лье отъ города, въ покинутой дачѣ.

Донъ Мигуель не зналъ, что Мариньо въ эту ночь имѣлъ начальство надъ крѣпостью; однако, онъ не обнаружилъ никакого удивленія и, понимая, что происходило въ душѣ редактора листка La Gaceta,, онъ сказалъ, обращаясь къ дежурному генералу:

— Вотъ что называется служить, генералъ! сеньоръ Мариньо оставилъ перо и взялся за шпагу.

— Это не болѣе, какъ исполненіе долга, дель-Кампо! — отвѣчалъ Мариньо, еще не оправившись отъ своего изумленія.

— И вотъ что называется бдительностью; здѣсь никто не спитъ! — произнесъ дежурный генералъ.

— Чего мы нигдѣ не видѣли! — прибавилъ Мигуель, окончательно сбивая съ толку Мариньо, который не зналъ, какъ ему держать себя.

Командиръ сереносовъ терялся въ догадкахъ въ то время, какъ генералъ разговаривалъ съ судьями. Направляясь въ залу, гдѣ былъ приготовленъ ужинъ, Мариньо не могъ удержаться, чтобы не спросить дона Мигуеля, почти не сознавая самъ, что онъ говоритъ, — такъ онъ былъ смущенъ.

— Итакъ, кабаллеро, вы провели эту ночь верхомъ?

— Почти.

— Ага!

— Я оставался до семи часовъ у сеньора временнаго губернатора, а передъ тѣмъ, какъ присоединиться къ генералу, направился къ Ель-Ретиро, чтобы прогуляться.

— Къ Ретиро со стороны Санъ-Исидро?

— Вотъ именно, со стороны Санъ Исидро; но я вспомнилъ, что у меня есть одно дѣло въ Ель Сокорро, поэтому я долженъ былъ прекратить свою прогулку, отъ всей души позавидовавъ всаднику, ѣхавшему впереди меня, которому вѣроятно не надо было поворачивать съ этой дороги.

— Передъ вами?

— Да, со стороны Санъ-Исидро, по верхней дорогѣ, — отвѣчалъ Мигуель, окончательно заставляя Мариньо потерять голову:—что подѣлаете,—прибавилъ онъ,—у насъ нѣтъ ни минуты отдыха.

— Это правда!

— Ахъ, еслибы я обладалъ Вашимъ талантомъ, сеньоръ Мариньо, еслибы я владѣлъ перомъ такъ, какъ вы, то мои досуги были-бы посвящены нашему святому дѣлу. а то теперь я бѣгаю туда и сюда, днемъ и почью, не принося пользы Ресторадору.

— Каждый дѣлаетъ то; что можетъ, сеньоръ дель-Кампо!— отвѣтилъ холодно Мариньо.

— Ахъ, когда, наконецъ, у насъ будетъ миръ и когда увидимъ мы торжество этихъ блестящихъ федеральныхъ принциповъ, которые вы проповѣдуете въ своей газетѣ!

— Когда не будетъ болѣе ни одного унитарія ни явнаго, ни тайнаго!—отвѣчалъ тотъ сухо.

Въ эту минуту адъютантъ позвалъ ихъ къ генералу. Они направились въ залу, гдѣ за столомъ, уставленнымъ аппетитными блюдами и дорогими винами, сидѣло человѣкъ пятнадцать.

— Ну, дель-Кампо. чего вы хотите?—сказалъ генералъ Мансильо.

— Я не буду ѣсть, сеньоръ, но выпью за торжество нашего федеральнато оружія.

— И во славу Ресторадора законовъ!—прибавилъ Мансильо.

Стаканы были опорожнены, но въ молчаніи.

— Подполковникъ Мариньо!

— Что прикажете, генералъ?

— Прикажите всѣмъ спать; не извѣстно, что можетъ случиться, и не надо утомлять такъ вашихъ людей.

— Прикажете поднять мость?

— Нѣтъ, не надо!

— Вы думаете, что ничего не будетъ сегодня ночью, генералъ?

— Нѣтъ ничего!

— Вы уже уѣзжаете?

— Да, я долженъ посѣтить еще другія казармы, а затѣмъ отправлюсь спать.

— У васъ надежный спутникъ.

— Кто это?

— Дель Кампо.

— Этотъ молодой человѣкъ—драгоцѣнная игрушка.

— Изъ чего, генералъ?

— Я не знаю, изъ золота или изъ позолоченой мѣди, но онъ блеститъ!—сказалъ Мансилья, улыбаясь и подавая руку Mариньо.

Когда они вышли изъ залы, донъ Мигуель подошелъ къ командиру сереносовъ.

— Я завидую вамъ, подполковникъ,—произнесъ онъ,—я хотѣлъ-бы занимать такой-же постъ, гдѣ-бы могъ отличиться. Такъ-ли вы страдаете за федерацію. какъ я страдаю?

— Я перестрадалъ-бы все, даже неодобреніе.

— Неодобреніе?

— Да, даже здѣсь я слышалъ, какъ нѣкоторыя лица порицали васъ.

— Меня?

— Они говорили, что, вашъ долгъ требовалъ, чтобы вы были въ крѣпости къ семи часамъ вечера, вы же прибыли только въ одинадцать.

Мариньо покраснѣлъ до самыхъ ушей.

— Кто-же говорилъ это спросилъ онъ съ яростью.

Ну этого не повторяютъ, сеньоръ Мариньо: о чудесахъ разсказываютъ, не называя именъ святыхъ. Они говорили объ

этомъ: слѣдовательно, такія вещи могутъ дойти до ушей Ресторадора.

Мариньо поблѣднѣлъ.

— Болтовня,—сказалъ онъ,—нелѣпости!

— Конечно, нелѣпость!

— Однако, не повторяйте ихъ никому, сеньоръ дель Кампо.

— Даю вамъ слово, сеньоръ Мариньо. Я одинъ изъ тѣхъ, кто всего болѣе восторгается вашимъ талантомъ; кромѣ того, я чрезвычайно обязанъ вамъ за услугу, которую вы хотѣли оказать моей кузинѣ.

— Какъ она себя чувствуетъ, ваша кузина?

— Очень хорошо, благодарю васъ.

— Вы ее видѣли?

— Сегодня послѣ обѣда.

— Я слышалъ, что она покинула Барракасъ?

— Нѣтъ, она поѣхала на нѣсколько дней въ городъ и вскорѣ вернется къ себѣ на дачу.

— А! она вернется?

— Со дня на день.

— Ѣдемъ, дель Кампо!—закричалъ генералъ Мансильо, уже сидѣвшій на лошади.

— Я васъ прошу забыть эти глупости, сеньоръ дель Кампо.

— Я уже не помню ихъ. Спокойной ночи!

Донъ Мигуель вскочилъ на лошадь и выѣхалъ изъ крѣпости вмѣстѣ съ дежурнымъ генераломъ, оставивъ Мариньо болѣе недоумѣвающимъ, чѣмъ когда-либо насчетъ этого врага, постоянно ускользающаго отъ него и вмѣшивающаго въ его личныя дѣла врача котораго онъ инстинктивно ненавидѣлъ и который не давалъ ему никакой возможности погубить себя.

Конвой дежурнаго генералан аправился по улицѣ завоевателя ведшей къ казармамъ полковника Равело.

Едва наступила полночь, а улицы были уже совершенно пусты. Вдали были замѣтны тѣни неподвижно стоявшихъ на своихъ постахъ сереносовъ, готовыхъ броситься къ крѣ-

пости и соединиться около своего начальника при малѣйшей тревогѣ. Не было замѣтно ни одного запоздалаго прохожаго. Отъ живого, веселаго, шумнаго Буэносъ Айреса, молодежь котораго въ другое время съ нетерпѣніемъ дожидалась ночи, чтобы предаться удовольствіямъ или отправиться на поиски за приключеніями, не осталось и слѣда.

Терроръ наложилъ свою ужасную руку на городъ: всѣ честные люди, дрожа, запирались въ своихъ домахъ съ заходомъ солнца, чтобы не попасть подъ удары кинжала или бича Масъ-Горки.

По временамъ, при звукѣ подковъ лошадей конвоя дежурнаго генерала, въ какомъ — нибудь окнѣ робко откидывалась штора, испуганное лицо показывалось за стекломъ, и это было все.

Донъ Мигуель ѣхалъ бокъ о бокъ съ генераломъ.

— Нашъ добрый городъ не спитъ такъ глубоко, какъ это кажется съ виду; не правда-ли, генералъ?

— Всѣ надѣются, мой другъ! — отвѣчалъ генералъ Мансильо, который рѣдко говорилъ безъ того, чтобы въ его словахъ не заключалось двойного смысла, злой насмѣшки, сатиры.

— Всѣ на одно и то же, генералъ?

— Всѣ!

— Ужасная общность мнѣній царитъ при нашей генеральной системѣ.

Мансильо, повернувъ голову, бросилъ бѣглый взглядъ на того, кого онъ называлъ *игрушкой*, и отвѣчалъ:

— Особенно въ одной вещи; вы ее угадываете?

— Нѣтъ, говорю по чести!

— Замѣчается удивительная общность желаній, чтобы это скорѣе окончилось.

— Это! Что же *это*, генералъ?

Мансильо снова посмотрѣлъ на своего спутника; этотъ вопросъ касался самой его сокровенной мысли.

— Положеніе вещей, хотѣлъ я сказать,

— А, положеніе вещей! но для васъ политическая обстановка будетъ всегда одна и та-же, генералъ!

— Какъ такъ?

— Вы не такой человѣкъ, чтобы могли жить въ неизвѣстности; Вамъ нуженъ шумъ политическихъ дѣлъ и, все равно, будете-ли вы за или противъ правительства, вы всегда будете фигурировать въ дѣлахъ нашей страны.

— Хотя-бы и послѣ прихода унитаріевъ?

— Хотя-бы и послѣ прихода унитаріевъ! Многіе изъ нашихъ федералистовъ примутъ ихъ сторону.

— Да, и многіе будутъ поставлены очень высоко, напримѣръ, на висѣлицу; наконецъ, мы всѣ должны всегда быть на сторонѣ Ресторадора.

Двойной смыслъ этого отвѣта не ускользнулъ отъ молодого человѣка, но онъ продолжалъ съ прелестной наивностью.

— Да, онъ достоинъ того, чтобы всѣ остались ему вѣрны въ это критическое время.

— Не находите-ли вы страшнымъ все происходящее? У этого человѣка громадное счастье!

— Это потому, что онъ представитель дѣла федерайіи.

— Которое лучше изъ всѣхъ, не правда-ли?

— Это узналъ я со времени засѣданія конгресса.

Мансиль закусилъ себѣ губы. Онъ былъ унитаріемъ на конгрессѣ, но донъ Мигуель казался такимъ простодушнымъ, его лицо было такъ открыто, что генералъ, несмотря на всю свою проницательность, не могъ угадать, заключался-ли въ словахъ молодого человѣка сарказмъ или нѣтъ.

Донъ Мигуель продолжалъ!

— Это святое дѣло не можетъ быть уничтожено унитаріями, въ этомъ нельзя сомнѣваться, но только федералисты могутъ пасть вмѣстѣ съ генераломъ Розасомъ.

— Можно подумать, что вамъ пятьдесятъ лѣтъ, сеньоръ дель Кампо!

— Это потому, что я отношусь внимательно къ тому, что говорятъ.

— Что-же вы слышали?

— Говорятъ о популярности нѣкоторыхъ федералистовъ, васъ, напримѣръ, генералъ.

— Меня?

— Да, васъ; еслибы не ваше родство съ сеньоромъ губернаторомъ, то послѣднiй долженъ былъ бы внимательнѣе слѣдить за вами, потому что онъ не долженъ игнорировать вашу популярность и особенно вашъ талантъ и храбрость, несмотря на то, что, какъ мнѣ передавали, онъ въ 1835 г. говоря о васъ, выразился, что вы годны только для революцiй въ полтора реала *).

Мансильо, быстро склонившись къ дону Мигуелю, сказалъ ему злобнымъ голосомъ:

— Эти слова достойны этого глупаго гаучо; но знаете-ли вы, почему онъ произнесъ ихъ?

— Въ шутку, безъ сомнѣнiя, генералъ!—отвѣчалъ хладнокровно молодой человѣкъ.

— Потомучто онъ боится меня, негодный!—сказалъ Мансилья, сжимая руку дона Мигуеля.

Эта внезапная выходка была въ характерѣ генерала, въ одно и тоже время и храбраго, и порывистаго, и нескромнаго; но положенiе было настолько серьезно, что онъ тотчасъ-же замѣтилъ, что, увлекшись. позволилъ себѣ сказать опасныя слова; но было уже поздно отступать! Онъ подумалъ, что лучше всего будетъ вызвать своего спутника также на нескромность.

— Я знаю,—тонко началъ онъ,—что, если бы я поднялъ кличъ, то вся молодежь была-бы на моей сторонѣ, такъ какъ никто изъ васъ не любитъ того порядка вещей, при которомъ мы теперь живемъ.

— Знаете-ли, генералъ, я то-же думаю! — отвѣчалъ молодой человѣкъ, какъ будто эта мысль прошла ему въ голову въ первый разъ въ его жизни.

— И вы-бы первый стали на мою сторону?

---

*) Usted no servia sino para revueltas de real y medio. (Историч. слова Розаса о Мансильѣ).

— Въ революціи?

— Въ... чемъ угодно,—отвѣчалъ Мансилья, не осмѣливавшійся произнести этого слова.

— Я убѣжденъ, что многіе послѣдовали бы за вами.

— Но вы, вы пошли-бы? — настойчиво спросилъ генералъ.

— Я? Ну, генералъ, для меня это было бы невозможно по очень простой причинѣ.

— Какой?

— Я далъ себѣ клятву не вмѣшиваться въ то, что дѣлаютъ молодые люди моего возраста съ тѣхъ поръ, какъ большая часть ихъ сдѣлались унитаріями; я—федералистъ и исповѣдую принципы федераціи.

— Ба, ба, ба!

Генералъ отъѣхалъ на шагъ или два отъ молодого человѣка, пожавъ плечами. Донъ Мигуель продолжалъ:

— Тѣмъ болѣе, генералъ, что я боюсь политики; я обожаю литературу и особенно дамъ, какъ я уже говорилъ сегодня Агустинѣ, когда она просила меня сопровождать васъ сегодня ночью.

— Я вѣрю этому!—отвѣчалъ сухо генералъ.

— Что дѣлать?—Я хочу быть такимъ-же добрымъ *портеньо* *), какъ и генералъ Мансильо.

— Какъ?

— Т. е. я хочу быть на такомъ же хорошемъ счету у прелестныхъ дамъ Буэносъ-Айреса, какъ и онъ.

— Да, но это время прошло!—отвѣчалъ генералъ, польщенный въ своей слабости.

— Хроника говоритъ объ этомъ иначе.

— Ба! Хроника говоритъ объ этомъ?

— Есть тысячи унитаріевъ, завидующихъ генералу Мансильѣ изъ-за его супруги.

— Она прекрасна, моя жена! О, она прекрасна!—вскри-

---

*) Житель порта; такъ зовутъ обитателей Буэносъ-Айреса. Г. Э.

чалъ генералъ, почти останавливая свою лошадь и съ лицомъ, сіявшимъ тщеславіемъ.

— Это королева красавицъ, даже унитаріи должны признать это; если это вашъ послѣдній тріумфъ, то онъ стоилъ всѣхъ.

— Что касается того, послѣдній-ли...

— Хорошо, я ничего не хочу знать, генералъ, я очень люблю Агустиниту и не хочу быть повѣреннымъ вашихъ измѣнъ ей.

— Ахъ, мой другъ, если вамъ удастся такъ же легко сердить и успокаивать женщинъ, какъ вы это дѣлаете съ мужчинами, то я вамъ предсказалъ что у васъ будетъ гораздо больше приключеній, нежели у меня.

— Я не понимаю васъ, генералъ!—отвѣчалъ донъ Мигуель съ хорошо разыграннымъ удивленіемъ.

— Оставимъ это; впрочемъ, вотъ мы и въ казармѣ Равело.

Въ самомъ дѣлѣ, они подъѣхали къ тому кварталу, гдѣ спало сто старыхъ негровъ, состоявшихъ подъ командою полковника Равело. Посѣтивъ ихъ, они обошли четвертый батальонъ *patricios*, бывшихъ подъ командою Химено, и затѣмъ нѣкоторые другіе резервы.

Вездѣ царило безпокойство, страхъ. Донъ Мигуель смотрѣлъ и наблюдалъ вездѣ; онъ говорилъ самому себѣ.

— Только съ двумя стами рѣшительныхъ людей я доставилъ-бы къ Лаваллю этихъ людей, связанными по рукамъ и по ногамъ.

Было три часа утра, когда генералъ отправился наконецъ на свою квартиру, помѣщавшуюся въ улицѣ Потози.

Донъ Мигуель провожалъ его до самыхъ дверей; но молодой человѣкъ не хотѣлъ, чтобы деверь Розаса безпокоился за свою откровенность.

— Генералъ,—сказалъ онъ ему,—мнѣ больно, что вы не имѣете довѣрія ко мнѣ.

— Я, сеньоръ дель Кампо?!

— Да, генералъ; зная, что вся молодежь Буэносъ-Айреса позволила увлечь себя безумцамъ изъ Монтевидео, вы хо-

тѣли испытать меня, говоря мнѣ вещи, которыя не могутъ меня касаться; вѣдь, я знаю очень хорошо, что у Ресторадора нѣтъ лучшаго друга, нежели генералъ Мансилья; къ счастью для меня, вы нашли во мнѣ только федеральный патріотизмъ; не правда-ли?

Это было сказано съ такимъ боязливымъ и наивнымъ видомъ, что какъ ни проницателенъ былъ генералъ, онъ поддался на эту удочку и внутренно пожалѣлъ этого добраго и безобиднаго мальчика.

— Конечно, конечно!—отвѣчалъ онъ, пожимая Мигуелю руку.

— Итакъ я могу разсчитывать на ваше покровительство, генералъ?

— Всегда и во всякій часъ, дель Кампо!

— Merçi, генералъ, и до завтра!

— До завтра и спасибо за компанію.

Донъ Мигуель разстался съ нимъ, внутренно смѣясь и говоря про себя:

— Ты не далъ-бы гроша за мою жизнь, если бы предполагалъ, что я знаю твою тайну; а теперь ты выкупилъ ее у меня, но я тебѣ ничего не долженъ. Спокойной ночи, генералъ Мансильо!

XIV.

Гдѣ романистъ наврeмя уступаетъ мѣсто историку.

Донъ Мигуель вернулся къ себѣ, самъ отвелъ свою лошадь въ конюшню, такъ какъ его вѣрнаго Тонильо не было, а другіе слуги не были посвящены въ его ночныя поѣздки. Однако, онъ разбудилъ одного изъ нихъ и приказалъ ему быть наготовѣ и ждать его приказаній.

Было четыре часа утра; молодой человѣкъ вошелъ въ свой кабинетъ, поправилъ пламя своей, почти потухшей лампы и принялся за письма. Первое было къ доньѣ Аврорѣ. Въ немъ онъ свободно излилъ всѣ чувства своего сердца.

Второе было адресовано Гермозѣ; въ нѣсколькихъ словахъ онъ сообщалъ ей о томъ, что произошло между нимъ и Мариньо и совѣтовалъ ей возможно скорѣе вернуться въ Барракасъ.

Третье посланіе, самое серьезное, было адресовано г. де-Мартиньи и въ немъ говорилось только о политикѣ.

Онъ запечаталъ это письмо въ особый конвертъ, вложилъ его въ конвертъ съ адресомъ мастера Дугласа и спряталъ въ секретномъ ящикѣ своего стола.

Исполнивъ это, донъ Мигуель зажегъ свѣчу и прошелъ въ спальню дона Луиса. Молодой человѣкъ, видимо, не спалъ до поздняго времени. На его ночномъ столикѣ лежалъ томикъ „Французской Революціи" и свѣча сгорѣла почти до конца. Донъ Мигуель бросился въ кресло и устремилъ на спящаго братскій взглядъ; сонъ Луиса былъ безпокоенъ и лихорадоченъ; казалось, онъ боролся съ мрачными видѣніями. Мало по малу, донъ Мигуель углубился въ свои мысли; голова его упала на грудь и онъ сталъ перебирать въ своемъ умѣ всѣ тѣ несчастія, которыя угнетали его родину уже столько лѣтъ; его брови нахмурились, лобъ поблѣднѣлъ, и горячія слезы полились изъ его глазъ.

Предоставимъ на нѣкоторое время историку мѣсто романиста и разскажемъ въ нѣсколькихъ словахъ о томъ, что произошло въ Буэносъ-Айресѣ въ первыхъ числахъ сентября 1840 г.

По мѣрѣ того, какъ дни проходили, страхъ, внушенный розистамъ появленіемъ освободительной арміи въ провинціи, уменьшался. Тогда произошла странная вещь: подъ вліяніемъ взрыва звѣрской подлости и всего, что можетъ быть самого позорнаго въ исторіи политическихъ партій и ихъ вождей, женщины сдѣлались предметомъ ярости войскъ бандитовъ, украшенныхъ именемъ федералистовъ.

Внѣ всякаго сомнѣнія, — исторія печальной эпохи террора подтверждаетъ это,—что женщины—*портеньи* обнаружили нравственное мужество, твердость и достоинство характера и, можно сказать, высоту и смѣлость такіе, кото-

рыхъ далеко не было у мужчинъ, что было колкимъ упрекомъ нѣкоторымъ дамамъ федераціи и порочнымъ людямъ, которые были опорою *святого дѣла.*

Прелестныя головки этихъ андалузокъ Америки держались гордо и высоко; онѣ казалось, такъ хорошо были помѣщены на ихъ бѣлыхъ плечахъ, что гордыя портеньи не удостаивали согнуть ихъ, проходя среди вельможъ минуты. Скромная одежда патріотки представляла поразительный контрастъ съ пышнымъ шелковымъ платьемъ богатой и гордой федералистки.

Эти роскошные волосы, въ которыхъ прежде красовался flor del aire—воздушный цвѣтокъ,—не выносили отвратительнаго шиньона федераціи; только тонкая розовая лента красовалась среди локоновъ и цвѣтовъ на шляпѣ.

Всѣ эти мелочи считались преступленіемъ, и та же самая мораль, которая смотрѣла на нихъ такъ, должна была изобрѣсти судей и палачей.

Банды головорѣзовъ всѣхъ состояній вторгались къ церковнымъ дверямъ, имѣя съ собою горшки съ жидкой смолою и шиньоны пунцоваго цвѣта изъ бумажной матеріи.

Эти шиньоны погружались въ жидкую смолу, и всякая молодая дѣвушка, которая, выходя изъ церкви, не имѣла на своей головѣ девиза федераціи, была грубо увлекаема негодяями, прикрѣплявшими къ головѣ смольный шиньонъ; затѣмъ ее толкали изъ стороны въ сторону съ хохотомъ и насмѣшками.

Однажды подобная сцена разыгралась въ одиннадцать часовъ утра у одной церкви.

Одна молодая дѣвушка вышла оттуда вмѣстѣ со своею матерью и была схвачена бандитами, толпившимися вблизи церкви.

Молодая дѣвушка, понявъ что съ нею хотятъ дѣлать, сбросила со своей головы шаль и гордо предоставила палачамъ исполнить то, что они хотѣли.

Мать ея, которую задержали другіе, вскричала:

— Въ Буэносъ-Айресѣ нѣтъ болѣе мужчины, который-бы могъ защитить женщину.

— Нѣтъ, матушка,—отвѣчала молодая дѣвушка, блѣдная какъ смерть, но съ улыбкой величайшаго призрѣнія на своихъ губахъ;—мужчины находятся въ Guardin de Lujan (Луханскій садъ), куда отправился мой братъ, а здѣсь остались женщины и тигры.

Общество Масъ-Горка, торговцы и въ особенности негритянки и мулатки рыскали по городу цѣлыми безпорядочными шайками, и честные люди чувствовали себя осажденными въ своихъ жилищахъ. за порогъ которыхъ они боялись переступать.

Богатые кварталы города были въ самомъ плохомъ положеніи: здѣсь головорѣзы соединялись, какъ-бы по молчаливому уговору, въ *конфитеріи* (братства).

Тамъ они могли пить не платя ничего: тосты, провозглашаемые ими, должны были служить достаточною расплатою за вино, поглощавшее конфитерами.

Кафе были набиты euиткомъ съ четырехъ часовъ вечера.

Несчастіе тому у кого борода волосы на головѣ были раздѣлены проборомъ: ножъ Масъ-Горки дѣйствовалъ тогда въ качествѣ бритвы цырульника и ножницъ парикмахера.

Съ заходомъ солнца улицы пустѣли; жители, запершись въ своихъ жилищахъ, проводили безпокойныя ночи, такъ такъ спать было немыслимо.

Каждые полчаса сереносы испускали дикіе крики смерти.

Ни одна страна не имѣетъ въ своихъ лѣтописяхъ столь жестокихъ страницъ.

Въ Буэносъ-Айресѣ оффиціально всѣ пользовались покровительствомъ закона, но на самомъ дѣлѣ зависѣли отъ каприза бандитовъ, дѣлавшихъ законы: невозможно было быть увѣреннымъ въ своей безопасности. Единственный способъ не быть жертвой—было сдѣлаться самому убійцей.

Пусть читатель не думаетъ, что мы измышляемъ ужасы для собственнаго удовольствія: мы еще скрашиваемъ истину,

которую во всей ея наготѣ наше перо не осмѣливается описывать.

Итакъ, надо было для собственной безопасности присоединиться къ тому, что было наиболѣе позорнаго, къ Масъ-Горкѣ, взять въ руку кинжалъ, убивать и быть наготовѣ къ тому-же всегда.

Во всѣхъ странахъ уступчивость вслѣдствіе какой-нибудь власти, какъ-бы жестока или тираннична ни была эта власть, всегда является спасеніемъ.

Въ Буэносъ-Айресѣ было также!

Истинные федералисты, честные и умѣренные—ихъ было нѣсколько—иностранцы, естественно, не были ни федералистами, ни унитаріями,—простые люди, никогда не думавшіе о политикѣ; женщины, молодые люди; дѣти, старики — всѣ прониклись одной мыслью о необходимости быть жертвой или палачемъ.

Вотъ что происходило въ Буэносъ-Айресѣ въ 1840 г. въ правленіе этого тигра съ человѣческимъ лицомъ, носившаго имя Розаса и, повторяемъ, мы еще смягчили картину,— всю истину невозможно описать.

. . . .

Часы пробили пять разъ въ спальнѣ дона Луиса; донъ Мигуель поднялъ голову, провелъ пылающей рукою по своему лбу, смоченному потомъ и, выйдя тихими шагами изъ комнаты, вошелъ въ свой кабинетъ и бросился на кровать. Усталость не замедлила погрузить его въ глубокій сонъ, продолжавшійся до девяти часовъ утра.

XV.

Какъ Розасъ проводилъ свое утреннее время въ Сантосъ-Лугаресѣ.

Первый проблескъ дня началъ разсѣвать сумракъ ночи; уже можно было смутно различать плотныя безформенныя массы, разбросанныя повсюду въ лагерѣ Сантосъ-Лугаресѣ.

Сотни повозокъ, кучи земли на краю свѣжевырытыхъ рвовъ, батареи пушекъ, кучи ядеръ, картечь, разбросанная въ безпорядкѣ, лошади, оружіе, солдаты, женщины, телѣги— все было перемѣшано между собою.

Первые звуки пѣхотнаго барабана, кавалерійскаго рожка, завыванія корпуса индѣйцевъ, крики негровъ, топотъ лошадей, крики гаучо, ловившихъ коней своими лассо—все это образовало странный, неописуемый концертъ, раздиравшій уши.

Главная Квартира находилась на правой сторонѣ лагеря, въ большомъ ранчо, гдѣ, однако, генералъ не спалъ никогда,— какъ это мы уже говорили,—хотя тамъ и была ему приготовляема постель.

Въ тотъ моментъ, къ которому относится нашъ разсказъ, Розасъ остановился у Главной Квартиры, передъ дверьми которой толпа офицеровъ, всѣхъ степеней и горожанъ угощалось *мате*.

Этотъ человѣкъ съ желѣзнымъ характеромъ, проведшій ночь безъ сна подобно своей лошади, а, можетъ быть, еще и хуже ея, былъ, однако, свѣжъ, бодръ и силенъ, какъ-будто онъ только что всталъ съ пуховой постели.

Выраженіе его лица было сурово и мрачно; на немъ было пончо и офицерская шляпа; онъ былъ безъ шпаги и знаковъ отличія.

Проходя по своему двору, среди своего штаба или какъ-бы ни называть эту толпу, онъ никого не удостоилъ взглядомъ.

Посреди ранчо помѣщался столъ изъ пихтоваго дерева, почти сплошь заваленный бумагами, рукописными и печатными.

Вокругъ этого стола находилось трое секретарей, блѣдныхъ, съ впалыми глазами, молчаливыхъ и ничего не дѣлающихъ; генералъ Корволанъ стоялъ подлѣ нихъ съ огромнымъ ворохомъ запечатанныхъ депешъ въ рукахъ.

Всѣ встали при входѣ Розаса.

Послѣдній, снявъ свой головной уборъ и пончо, бросилъ

ихъ на постель и принялся ходить изъ угла въ уголъ по комнатѣ, между тѣмъ какъ секретари и его адъютантъ, которымъ онъ не поклонился, продолжали стоять возлѣ своихъ стульевъ.

Почти тотчасъ же на порогѣ комнаты появился солдатъ съ чашкой мате въ рукѣ и остался стоять тамъ неподвижно.

Розасъ продолжавъ свою прогулку.

Черезъ нѣсколько времени онъ протянулъ руку, взяаъ мате, сдѣлалъ два или три глотка и, возвративъ мате солдату, продолжать шагать по комнатѣ,

Солдатъ стоялъ неподвижно съ мате въ рукѣ. Эта сцена возобновлялась до тѣхъ поръ, пока *bombilla* (чашка) не оказалась пустой; тогда солдатъ вышелъ, чтобы наполнить ее снова.

Секретари и адъютантъ стояли неподвижно, какъ статуи.

Розасъ продолжалъ прогуливаться по комнатѣ. Солдатъ съ мате входилъ и выходилъ.

Эта пантомима продолжалась по меньшей мѣрѣ три четверти часа.

Наконецъ, Розасъ остановился передъ столомъ и весело сказалъ своимъ секретарямъ, какъ будто сейчасъ только замѣтивъ ихъ:

— Садитесь!

Они повиновались.

Затѣмъ онъ повернулся съ удивленнымъ видомъ, къ Корволану.

— Какъ! Вы здѣсь?

— Да, высокочтимый сеньоръ!

— Когда вы прибыли?

— Часъ тому назасъ!

— Что произошло въ городѣ?

— Рѣшительно ничего, высокочтимый сеньоръ.

— Они веселы?

— Да, сеньоръ!

— А Викторика, что съ нимъ?

— Я его видѣлъ сегодня ночью. Онъ чувствуетъ себя очень хорошо, высокочтимый сеньоръ.

— Когда вы его увидите, передайте ему мои поздравленія. Такъ какъ Ғаллечо не вернулся вчера, то я его считалъ мертвымъ. Видѣли вы дона Филиппа?

— Да, высокочтимый сеньоръ!

Розасъ расхо́хотался,

— Какого страху долженъ натерпѣться временный губернаторъ! Итакъ нѣтъ ничего новаго?

— Два часа тому назадъ пришли эти депеши водою.

— Посмотримъ, дайте ихъ!

Розасъ, взявъ депеши, вскрылъ и, просмотрѣвъ подписи, отдалъ ихъ одному изъ секретарей.

— Читайте!—произнесъ онъ и опять началъ свою прогулку по комнатѣ.

Секретарь началъ читать:

Сеньору дону Хуану Мануелю де Розасъ, Главная Квартира, Амбриль Льяносы де-ля Роха 8 августа 1840 г.

Дорогой губернаторъ и генералъ!

„Пятаго числа текущаго мѣсяца, въ четыре часа пополудни, донъ Лука Льяносъ прибылъ сюда съ вашими почтенными письмами отъ 2 и 18 числа прошедшаго мѣсяца. Я извѣщенъ о томъ, что вы удостоили согласиться на мои просьбы, выраженныя въ моемъ письмѣ отъ 30 іюня, относительно мундировъ, сабель и пр., возвращеніе которыхъ будетъ потребовано въ Кордовѣ генераломъ Алеманомъ, который, будучи принужденъ лѣчиться отъ болѣзни, которая.....

— Хорошо! Пусть онъ умираетъ и монахъ съ нимъ! Это письмо, вѣдь, отъ фрая Альдео?

— Да, высокочтимый сеньоръ.

— Сдѣлайте живѣе извлеченіе изъ него. Ну, читайте другое. Отъ кого это?

— Отъ подполковника дона Винсента Гонзалесъ; онъ пишетъ о маршахъ...

— Я не спрашиваю васъ, о чемъ онъ пишетъ; читайте!

— Онъ перечисляетъ марши, сдѣланные Лавалемъ втеченіи 30 и 31 августа и 1 и 2 сентября.

— Читайте марши!

-- 30-го...

— Какого мѣсяца?

— Августа, онъ это говоритъ вначалѣ!—отвѣчалъ, заикаясь, секретарь.

— Онъ долженъ былъ говорить это здѣсь-же! Ну, пошлите этой старой скотинѣ указаніе писать въ слѣдующій разъ съ большею ясностью о маршахъ арміи дикихъ унитаріевъ!—обратился Розасъ къ другому секретарю.

— Я напишу ему, чтобы онъ проставлялъ число при каждомъ маршѣ.

— Убирайтесь къ чорту! Пропишите то, что я вамъ говорю. Продолжайте!

Первый секретарь возобновилъ свое чтеніе:

„30-го армія нечистыхъ унитаріевъ снялась съ лагеря, направилась къ городу Луханъ и расположилась бивакомъ около посада, въ пять часовъ вечера, въ дачѣ Марко.

„31-го cabecilla Лавалль оставивъ въ Луханѣ большую часть повозокъ и часть артиллеріи, увозя съ собобою только двѣ картечницы и два орудія легкой артиллеріи. Въ этотъ день состоялся совѣтъ начальниковъ частей и офицеровъ, не извѣстно по какому поводу,

„1-го cabecilla не двинулся никуда: только два эскадрона отправились: одинъ къ Капила дель Сеньоръ, другой къ Зарате.

„2-го, въ 9 часовъ утра армія дикихъ унитареівъ двинулась въ походъ; пройдя лье, она сдѣлала остановку.

„Въ полдень мерзкіе унитаріи возобновили свой маршъ.

„Въ часъ съ половиной они остановились.

„Въ два часа опять пошли.

„Въ три часа вся армія остановилась.

„Въ четыре часа они продолжали маршъ и въ пять съ половиной часовъ перешли черезъ ручей де Ла-Чоза.

„Въ шесть часовъ дикіе унитаріи расположились би-

вакомъ у воротъ Рамиреса и разводили костры, разбирая ранчо.

— Больше ничего нѣтъ!—сказалъ секретарь.

— Послѣ завтра они могутъ быть въ Мерло, завтра даже! —прошепталъ Розасъ и вновь съ волненіемъ принялся шагать по комнатѣ.

— Что говорится въ этомъ сообщеніи Лопеса?—спросилъ онъ, внезапно останавливаясь послѣ долгаго молчанія.

Въ это время на поророгѣ ранчо появился солдатъ съ мате.

— Нѣтъ-ли письма безъ подписи?

— Есть, высокочтимый сеньоръ.

— Ну, прочтите его цѣликомъ.

Секретарь началъ читать;

„Монтевидео, 1 сентября 1840 г.

Высокочтимый сеньоръ,

„Со времени моего письма отъ третьяго дня нѣтъ никакой другой новости, кромѣ той, которая привезена англійскимъ военнымъ судномъ, прибывшимъ изъ Ріо-Жанейро, и состоящей въ томъ, что для командованія французской экспедиціей, предназначенной для оказанія помощи измѣнникамъ унитаріямъ, продающимъ свое отечество иностранцамъ, безъ могучей руки Вашего Превосходительства, защищающаго его противъ всѣхъ, прибылъ новый адмиралъ.

„Здѣсь дикіе унитаріи продолжаютъ жить въ полнѣйшей анархіи.

„Одни говорятъ, что слѣдуетъ повѣсить Лавалля за то, что онъ не двигается такъ быстро, какъ-бы они того хотѣли, другіе...

— Посмотрите, Корволанъ, что тамъ за шумъ? Нѣтъ подождите. Поди ты!—сказалъ Розасъ, обращаясь къ солдату, державшему мате.

Дѣйствительно въ лагерѣ слышался какой-то гулъ.

Солдатъ вышелъ; секретари и Корволанъ переглянулись съ безпокойствомъ.

— Продолжайте!—сказалъ Розасъ секретарю.

Тотъ возобновилъ свое чтеніе:

„Одни говорятъ, что слѣдуетъ повѣсить Лавалля“...

— Вы ужъ читали это, глупецъ!

Секретарь поблѣднѣлъ и продолжалъ дрожащимъ голосомъ:

„Другіе говорятъ, что не надо стремиться впередъ до тѣхъ поръ, пока“...

— Что тамъ такое? — спросилъ Розасъ у вернувшагося солдата, между тѣмъ какъ секретарь отмѣтилъ ногтемъ то мѣсто письма, на которомъ остановился.

— Ничего, сеньоръ.

— Какъ ничего?

— Это какой-то человѣкъ продаетъ пирожки, а товарищи говорятъ, что онъ—шпіонъ Лавалля.

— Если они говорятъ, стало быть это правда! откуда онъ идетъ?

— Я не знаю, сеньоръ, но, должно быть, не издалека.

— Хорошо! Скажи своимъ товарищамъ, что они могутъ съ нимъ дѣлать, что хотятъ.

Солдатъ вышелъ.

Розасъ сдѣлалъ знакъ секретарю продолжать. Тотъ повиновался! „. . . . . пока не будутъ пріобрѣтены симпатіи всей страны. Cabecilla Лавалль не долженъ знать, что ему слѣдуетъ дѣлать, такъ какъ каждый даетъ ему различные совѣты. Что касается Раверы...“

Секретарь внезапно остановился.

Почти передъ самыми дверьми послышались ужасные крики и страшные стоны.

Солдаты убивали торговца пирожками съ радостными и осторженными криками:

— Продолжайте-же!—сказалъ холодно Розасъ.

„Что касается Риверы, то онъ не окажетъ имъ ни малѣйшей помощи: онъ надѣется увидѣть ихъ всѣхъ погибшими.

„Ежедневно являются бѣглецы изъ Буэносъ-Айреса; я знаю изъ вѣрнаго источника, что они садятся около Санъ-

Исидро на французскія шлюпки, которыя разыскиваютъ ихъ; мнѣ кажется, что слѣдуетъ серьезно наблюдать за этимъ мѣстомъ.

„Завтра я напишу Вашему Превосходительству, что и дѣлаю каждый разъ, какъ только представляется къ тому случай“.

„Денежное письмо на сто унцій получено мною.

„Желаю торжества Вашему Превосходительству!“

— Больше ничего!

— Скажите мнѣ,—обратился Розасъ къ Корволану,— вы не поѣдете въ городъ, нѣтъ?

— Какъ будетъ угодно вашему Превосходительству!

— Туда надо съѣздить; вы разыщете Катиньо и скажете ему, что мнѣ писали изъ Монтевидео, что онъ пропускаетъ цѣлыя толпы унитаріевъ бѣжать около Санъ-Исидро, но что я этому не вѣрю; пусть онъ не позволяетъ унитаріямъ смѣяться надъ собою и что въ одну изъ этихъ ночей я самъ пройдусь по этимъ мѣстамъ.

— Очень хорошо, высокочтимый сеньоръ.

— Вы передадите нашимъ друзьямъ все, что вы здѣсь видѣли и слышали... Вы меня понимаете?

— Да, высокочтимый сеньоръ.

— Развѣ Масы нѣтъ у дверей?—спросилъ Розасъ у солдата, державшаго мате, который генералъ отъ время до времени пилъ глотками.

— Онъ тамъ!—отвѣчалъ тотъ.

— Пусть онъ войдетъ!

Минуту спустя появился Маріано Маса; онъ командовалъ такъ называемымъ морскимъ батальономъ; позже онъ долженъ былъ сыграть страшную кровавую роль въ войнахъ Розаса.

Тогда это былъ человѣкъ тридцати пяти лѣтъ, бѣлокурый, средняго роста съ злой и отталкивающей физіономіей.

Со шляпой въ рукѣ предсталъ онъ предъ тѣмъ, кто пролилъ кровь его дяди и двоюроднаго брата.

Розасъ спросилъ его сухо, не удостоивъ поклона:

— Не приводили-ли къ вамъ вчера нѣсколькихъ людей?

— Да, высокочтимый сеньоръ.

— Сколько ихъ?

— Четверо, высокочтимый сеньоръ.

— Ихъ имена?

Маса вынулъ изъ своего кармана бумагу и прочелъ:

— Хозе Вера, испанецъ.

— Говорите, галлегосъ!

— Хозе Вера и его сынъ галлегосы.

— Вамъ прислали ихъ изъ Лобоса, не такъ-ли?

— Да, высокочтимый сеньоръ.

— А другіе?

— Нѣкій Велесъ, изъ Кордовы, и Маріано Алваресъ, портеньо.

— Другихъ нѣтъ?

— Нѣтъ, высокочтимый сеньоръ.

— Хорошо! Разстрѣляйте ихъ!

Маса вышелъ, сдѣлавъ глубокій поклонъ. Розасъ возобновилъ свою прогулку.

По прошествіи пяти минутъ онъ остановился и сказалъ, обращаясь къ Корволану:

— Отправляйтесь!

Адъютантъ приготовился уходить.

— Кстати, зайдите къ Маріи Хозефѣ и скажите ей, что она можетъ дѣлать то, что ей будетъ угодно; что если дѣло касается унитаріевъ, то ничто не влечетъ за собою никакихъ послѣдствій.

— Очень хорошо, высокочтимый сеньоръ.

— Да! Затѣмъ найдите Мариньо и скажите ему...

Розасъ былъ прерванъ грохотомъ двухъ послѣдовательныхъ залповъ.

То была совершена казнь надъ осужденными.

— Итакъ Вы скажете Мариньо, — заговорилъ снова съ полнѣйшимъ спокойствіемъ Розасъ, — о всемъ, что происхо-

дитъ здѣсь, и прибавите къ этому, что онъ походитъ на унитарія, такъ блѣдны статьи его газеты.

Никогда еще страницы газеты не дышали такою кровожадностью: въ каждой странѣ требовалось массовое избіеніе унитаріевъ.

Корволанъ, снабженный порученіями, изъ которыхъ каждое приносило съ собою смерть или опалу, вышелъ изъ ранчо и съ большимъ трудомъ сѣлъ на лошадь.

Но едва онъ успѣлъ сѣсть въ сѣдло и сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ его остановилъ солдатъ, носившій Розасу мате, и снова позвалъ его къ послѣднему.

Старичекъ съ трудомъ слѣзъ съ лошади и, подпираясь своей шпагой и съ эполетами, танцующими на его спинѣ, вошелъ въ ранчо, тогда какъ солдатъ пошелъ за стаканомъ воды, потребованнымъ диктаторомъ.

— Вы отправились?

— Да, высокочтимый сеньоръ.

— Подождите, сядьте!

Корволанъ сѣлъ.

— Ну,—сказалъ Розасъ, обращаясь къ одному изъ секретарей,—какую бумагу принесли вчера?

— Эту, высокочтимый сеньоръ, — отвѣчалъ секретарь, указывая на огромный свертокъ, положенный на стулъ.

— Разверните ее!

— Вотъ высокочтимый сеньоръ.

— Хорошо. Возьмите одну классификацію.

— Которую, высокочтимый сеньоръ?

— Начните съ первой; отыщите ее.

Секретаръ началъ перелистывать бумаги.

— Вотъ она, высокочтимый сеньоръ.

— Читайте!

И Розасъ возобновилъ свою прогулку.

Секретарь началь читать одну изъ этихъ знаменитыхъ классификацій, составленныхъ лично Розасомъ, написанныхъ исключительно его рукою и обнимающихъ болѣе девяти тысячъ четырехъ сотъ сорока двухъ человѣкъ. Онѣ были на-

чаты въ 1835 г. и продолжались до 1844 г.; ник гда проскрипціонные листы не были такъ полны. Чтобы читатель могъ имѣтъ понятіе о этихъ, возьмемъ наугадъ *) пять или шесть именъ наугадъ.

Классификація 1835 г.

Генералъ донъ Хуанъ Хозе Віамонъ -- врагъ ресторадоровъ.

Донъ Руфино Гуати—унитарій и черный человѣкъ.

Заслуженый полковникъ донъ Хозе Марія Эскобаръ — lomo negro, ни другъ, ни врагъ. Деметріо Пеньо—унитарій и ренегатъ. Бенедикто Масіель — чиновникъ, слыветъ за федералиста, но имѣетъ сношенія съ ренегатами и ихъ правительствомъ.

Маріаньо Вела—экзальтированный ренегатъ.

Антоніо Хозе Лароза—живетъ со всѣми.

Донъ Франсиско Кастель—тоже унитарій самъ, его жена и сынъ— также.

Луисъ Кастаньяга—неисправимый унитарій.

Мануель Вега — ренегатъ, злой, скверно обращался со многими гражданами въ дурную эпоху ренегатовъ.

Всѣ классы общества, начиная съ самыхъ высшихъ и кончая низшими были такимъ образомъ отмѣчены кровавыми когтями тигра: военные, ученые, сотисты, чиновники, солдаты, собственники, купцы,—всѣ были тамъ, даже женщины, старцы и дѣти.

Чтеніе одного изъ этихъ курьезныхъ документовъ продолжалось около двухъ часовъ. Розасъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ; ни одного раза онъ не прервалъ секретаря.

Наконецъ, послѣдній остановился.

— Тутъ конецъ, высокочтимый сеньоръ!—сказалъ онъ.

— Ну, оставимъ это! Отложите другія классификаціи въ сторону, но въ порядкѣ, мы ихъ вскорѣ прочтемъ; только примите за правило, вездѣ, гдѣ вы увидите слово „*унитарій*“

*) Эти классификаціи существуютъ полностью въ рукописяхъ.

говоритъ „*дикій унитарій.*“ Возьмите эту классификацію, Корволанъ, и передайте ее Маріи Хозефѣ; скажите ей, чтобы она сдѣлала изъ нея выдержки. Завтра я пришлю ей другія.

— Ничего больше, высокочтимый сеньоръ?

— Нѣтъ, ничего!

Короланъ ушелъ.

Въ эту минуту Розасъ взялъ изъ рукъ ординардца потребованный имъ стаканъ воды.

Стеклянная дверь ранчо выходила на востокъ; надъ нею были повѣшены портьеры изъ пунцовой бумажной матеріи; солнце было окружено лучистымъ вѣнцомъ сверкающихъ облаковъ и его лучи, преломляясь въ стеклѣ, приняли цвѣтъ занавѣсей и отражались въ стаканѣ съ водою, окрашивая ее въ пламенно кровавый цвѣтъ.

Это оптическое явленіе ужаснуло секретарей, которые, вспомнивъ о содержаніи бумагъ, посланныхъ Розасомъ своей невѣсткѣ, вообразили, что вода превратилась въ кровь. Они поблѣднѣли отъ испуга.

Эта иллюзія ихъ взволнованной души была къ несчастью страшной дѣйствительностью. Въ самомъ дѣлѣ, въ это время Розасъ пилъ кровь, онъ весь дышалъ ею, приготовляя въ своемъ умѣ страшныя убійства, которыя должны были вскорѣ погрузить Буэносъ-Айресъ въ ванну изъ крови.

XVI.

Гдѣ донъ Кандидо Родригесъ появляется, какъ всегда.

Противъ залы депутатовъ въ 1840 г. находилась маленькая хонда, служившая сборнымъ мѣстомъ всѣхъ интеллигентныхъ людей того времени, гдѣ они собирались отъ восьми до одинадцати часовъ утра и отъ девяти часовъ вечера до часу ночи.

Было десять часовъ утра

Около дверей залы депутатовъ хотѣлъ пройти человѣкъ еще не старый, серьезный, прямо державшійся, съ палкою

въ рукѣ. Гордой и смѣлой походкой шелъ онъ, хотя его лицо шафраннаго цвѣта имѣло выраженіе какого-то смутнаго безпокойства, почти страха, что можно было предполагать, несмотря на его высоко поднятую голову, такъ какъ его растерянныя черты представляли собою полную противоположность съ горделивымъ видомъ остальныхъ частей его тѣла.

Этотъ человѣкъ былъ донъ Кандидо Родригесъ. Онъ подходилъ къ дверямъ Залы депутатовъ въ то время, какъ ихъ хонды шумно выходило человѣкъ двѣнадцать федералистовъ, производившихъ страшный шумъ своими огромными шпорами.

Донъ Кандидо не посмотрѣлъ па нихъ, но онъ ихъ чувствовалъ и такъ сказать, угадывалъ. Не поворачивая головы, не ускоряя своихъ шаговъ, онъ вышелъ съ спокойнымъ видомъ въ Залу депутатовъ и сталъ всходить по лѣстницѣ, ведущей къ архивамъ.

У него пе было никакого дѣла ни въ Залѣ депутатовъ, ни въ архивахъ. Шумъ шпоръ федералистовъ невольно далъ новое направленіе его шагамъ, не давъ его головѣ времени принять какое-либо рѣшеніе, Поэтому, когда онъ очутился лицомъ къ лицу съ однимъ изъ чиновниковъ архива, то не зная, что ему сказать и въ невѣдѣніи того, что слѣдуетъ остановиться, онъ прошелъ мимо него впередъ съ высокоподнятою головою.

— Что вамъ угодно, сеньоръ?—спросилъ его чиновникъ.

— Мнѣ?

— Да, вы идете прямо.

— Послушайте, молодой человѣкъ, это результатъ весьма древнихъ и поясныхъ дѣлъ, которое время, этотъ другъ отарости, учитель юности... время, если вы знаете что такое время....

— Сеньоръ, я жалаю знать, чего вы ищете! — отвѣчалъ чиновникъ, начинавшій думать, что донъ Кандидо съумашедшій и что весьма непріятно находиться въ такомъ опасномъ обществѣ.

— Послушайте, откровенно говоря, я не ищу ничего. Къ какой семьѣ принадлежите вы, мой уважаемый сеньоръ?

— Сеньоръ, мнѣ надо запереть дверь; сдѣлайте одолженіе, уйдите!—произнесъ молодой человѣкъ, отбѣгая къ выходной двери и опираясь о нее плечомъ.

— Я читаю на вашемъ лицѣ талантъ, усидчивость, работу. Какимъ родомъ литературы вы занимаетесь?

— Сеньоръ, сдѣлайте мнѣ удовольствіе уйти отсюда!

— Изъ всѣхъ моихъ учениковъ, а надо вамъ знать, что я былъ профессоромъ чистописанія всего Буэносъ-Айреса, о!—и какихъ людей я воспиталъ!—одни теперь депутаты, другіе коммерсанты, нотабли, неутомимые гасіендеро.. Знаете-ли вы торговый домъ....

Донъ Кандидо поднялъ свою палку и показалъ его направленіе, гдѣ помѣщался торговый домъ, о которомъ онъ завелъ рѣчь, но молодой человѣкъ вообразивъ, что онъ хочетъ его убить, выбѣжалъ въ переднюю съ цѣлью позвать привратника, котораго, къ несчастью, не оказалось тамъ.

— Что дѣлаете вы, неблагоразумный, необдуманный молодой человѣкъ, легкомысленный, какъ всѣ молодые люди?

— Сеньоръ, если вы не уйдете, я позову на помощь.

— Хорошо, я ухожу, неопытный и галлюцинизованный молодой человѣкъ!

Но вмѣсто того, чтобы направится къ дверямъ, донъ Кандидо подошелъ къ балкону, откуда была видна хонда, и замѣтивъ, что тамъ уже никого болѣе не было, онъ почувствовалъ, что его мужество вновь возродилось.

Повернувшись тогда, онъ протянулъ руку, чтобы проститься съ чиновникомъ, но послѣдній, убѣжденный въ томъ, что донъ Кандидо убѣжалъ изъ Резиденсіи (домъ умалишенныхъ), остерегался вложить свою руку въ руку посѣтителя.

— Прощайте, вѣтренный молодой человѣкъ и еще новичекъ въ школѣ жизни! Пусть Богъ воздастъ вамъ и вашей почтенной семьѣ за ту услугу, которую вы оказали мнѣ.

Донъ Кандидо важно спустился съ лѣстницы, между тѣмъ какъ чиновникъ смѣялся, смотря ему вслѣдъ.

Но едва почтенный учитель чистописанія прошелъ одинъ кварталъ, какъ новая толпа федералистовъ, обогнувъ коллежъ, направилась туда и очутилась лицомъ къ лицу съ нимъ.

Донъ Кандидо однимъ прыжкомъ соскочилъ съ тротуара и, взявъ шляпу въ руку, сталъ отвѣшивать имъ глубокіе поклоны.

Федералисты, у которыхъ было, правда, болѣе желанія завтракать, нежели заниматься учтивостью, продолжали свою дорогу, предоставивъ дону Кандидо привѣтствовать ихъ, сколько его душѣ угодно.

Почтенный профессоръ, чувствуя головокруженіе и усиленное біеніе въ вискахъ, съ крупнымъ каплями пота на лицѣ, повернулъ, наконецъ, на улицу Викторіи и остановился у той самой двери, гдѣ наши читатели встрѣтили его въ первый разъ, т. е. у дверей дома Мигуеля.

Минуту спустя, нашъ несчастный секретарь входилъ въ кабинетъ своего прежняго ученика, котораго онъ засталъ комфортабельно развалившимся въ креслѣ и спокойно читавшимъ знаменитую Gaceta mercantil.

— Мигуель!

— Сеньоръ!

— Мигуель! Мигуель!

— Сеньоръ! Сеньоръ!

— Мы погибаемъ.

— Я это знаю.

— Ты знаешь это и не спасаешь насъ?

— Я стараюсь.

— Нѣтъ, Мигуель, нѣтъ; у насъ не будетъ времени.

— Тѣмъ лучше!

— Какъ тѣмъ лучше!—вскричалъ донъ Кандидо, широко раскрывая свои глаза и падая на софу.

— Я вамъ говорю, сеньоръ, что въ трудныя минуты лучше кончить все скорѣй.

— Но кончать хорошо, ты хочешь сказать?

— Или дурно.

— Дурно?

— Ну, да! Худо или хорошо—окончить сразу все-же лучше, чѣмъ проводить свою жизнь, подавая одну руку добру, а другую—злу.

— И это зло будетъ состоять въ томъ....

— Въ томъ, что намъ, напримѣръ, снесутъ голову.

— Пусть ее сносятъ у тебя и твоихъ заговорщиковъ, очень хорошо; но у меня, человѣка спокойнаго, невиннаго, смирнаго, неспособнаго дѣлать зло съ намѣреніемъ, предумышленно, съ....

— Сядьте мой дорогой учитель! — произнесъ молодой человѣкъ, прерывая дона Кандидо, который всталъ во время разговора.

— Что я сдѣлалъ? Что такого, чтобы очутиться къ томъ положеніи, въ которомъ я нахожусь, подобно хрупкой лодкѣ, разбиваемой бурными волнами океана?

— Что сдѣлали, вы?

— Да, я!

— Тота! Вы въ самомъ дѣлѣ ничего не сдѣлали?

— Нѣтъ, я ничего не сдѣлалъ, сеньоръ донъ Мигуель; настанетъ время когда моя связь съ тобою рушится, порвется: я преданнѣйшій защитникъ самаго знаменитаго изъ всѣхъ ресторадоровъ свѣта. Я люблю до самаго послѣдняго члена высокоуважаемую семью Его Превосходительства, какъ люблю и уважаю другого сеньора губернатора, доктора дона Филиппа, его предковъ и всѣхъ его дѣтей. Я хотѣлъ...

— Вы хотѣли эмигрировать, сеньоръ донъ Кандидо.

— Я!

— Вы! Это преступленіе противъ федераціи, за которое расплачиваются головою.

— Доказательства?

— Сеньоръ донъ Кандидо, вы рѣшительно стремитесь быть повѣшеннымъ кѣмъ-либо.

— Я?

— Я жду только, чтобы вы мнѣ сказали—кѣмъ: Розасомъ или Лаваллемъ. Если—первымъ, то для того, чтобы быть вамъ пріятнымъ, я сейчасъ же отправлюсь къ полковнику

Соломону; если-же—вторымъ, то подождите два или три дня, когда генералъ Лавалль вступитъ въ Буэносъ-Айресъ, тогда, какъ только представится случай, я поговорю съ нимъ о секретарѣ сеньора дона Филиппа.

— Итакъ я человѣкъ, попавшій въ воду?

— Нѣтъ, сеньоръ, вы будете человѣкомъ на воздухѣ, если будете продолжать говорить глупости такъ, какъ дѣлаете это постоянно.

— Но, Мигуель, сынъ мой, развѣ ты не видишь моего лица?

— Вижу, сеньоръ.

— Что-же ты видишь на немъ?

— Страхъ.

— Нѣтъ, не страхъ, нѣтъ; а недовѣріе, вслѣдствіе странныхъ впечатлѣній, господствующихъ надо мною въ настоящую минуту.

— Что такое?

— Идя отъ губернатора сюда, я встрѣтился съ людьми, которые показались.....

— Кѣмъ?

— Дьяволами въ образѣ человѣческомъ.

— Или людьми съ видомъ дьяволовъ, не правда-ли?

— Что былъ у нихъ за видъ, Мигуель! Что за видъ! И при этомъ у нихъ были длинные ножи. Способенъ ли кто нибудь изъ этихъ людей убить меня? Какъ ты думаешь Мигуель?

— Не думаю; что вы имъ сдѣлали!

— Ничего, ничего! но предположи, что они смѣшаютъ меня съ другимъ и....

— Ба! оставимъ это, дорогой учитель, вы сказали, что пришли ко мнѣ прямо отъ Араны, не такъ-ли?

— Да, да, Мигуель.

— Ну, тогда у васъ была причина придти сюда.

— Да.

— Какая-же она другъ мой?

— Я не знаю, не хочу этого говорить. Я не хочу болѣе ни политики, ни сообщеній!

— Такъ вы пришли сдѣлать мнѣ сообщеніе о политикѣ?

— Я не говорилъ этого!

— Держу пари, что въ карманѣ вашего сюртука находится важная бумага.

— У меня ничего нѣтъ.

— Я тѣмъ болѣе готовъ держать пари, что, выходя отсюда, васъ можетъ обыскать какой-нибудь федералистъ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ-ли при васъ спрятаннаго оружія; найдя эту бумагу, онъ убьетъ васъ немедленно!

— Мигуель!

— Сеньоръ, дадите-ли вы мнѣ или нѣтъ тѣ бумаги, которыя принесли съ собою?

— Съ однимъ условіемъ.

— Посмотримъ, что за условіе.

— Чтобы ты болѣе не требовалъ отъ меня нарушенія моего служебнаго долга.

— Тѣмъ хуже для васъ, потому что Лавалль будетъ здѣсь раньше, чѣмъ черезъ четыре дня.

— Какъ! Ты откажешься признать тѣ громадныя услуги, которыя я оказалъ дѣлу свободы?

— Да, если вы остановитесь на половинѣ дороги.

— Ты думаешь, что Лавалль вступитъ въ городъ?

— Онъ для того и пришелъ.

— Ну, между нами говоря, я также думаю; вотъ почему я и пришелъ къ тебѣ. Есть кое-какая перемѣна.

— Въ чемъ?—спросилъ быстро молодой человѣкъ.

— Возьми и прочти.

Донъ Мигуель, развернувъ бумагу, поданною ему дономъ Кандидо, началъ читать:

Санъ Педро, 1-го Сенября.

„Два дня тому назадъ Маскарилья двинулся впередъ съ тысячью человѣкъ чтобы овладѣть посадомъ (pueblo); но жители выказали необычайную рѣшительность и онъ былъ отброшенъ; у него было одно орудіе, полтораста пѣхотинцевъ и около шестисотъ пятидесяти кавалеристовъ. Атаку онъ произвелъ сразу съ двухъ сторонъ. Въ одно мгновеніе онъ

уже достигъ площади, но былъ отброшенъ нашимъ огнемъ. Потеря была въ сто человѣкъ.

Прилагаю къ этому письму копію депеши, полученной мною отъ генерала.

Завтра я Вамъ напишу болѣе подробно.

Хуанъ Камелино.

Сеньору Д....

— Посмотримъ теперь документъ, на который онъ ссылается!—сказалъ Магуель послѣ десятиминутнаго молчанія.

— Вотъ онъ, — отвѣчалъ донъ Кандидо.—Эти два важныхъ документа были найдены въ шлюпкѣ, захваченной сегодня ночью; я снялъ съ нихъ копію наскоро, чтобы показать тебѣ.

Донъ Мигуель, не слушая донъ Кандидо, взялъ изъ его рукъ и началъ читать съ величайшимъ вниманіемъ слѣдующее письмо:

Освободительная армія, главная квартира на походѣ.

29 августа 1840 г.

Сеньору дону Хуану Камелино, военному коменданту Санъ-Педро.

„Главнокомандующій имѣетъ удовольствіе сообщить Вамъ для объявленія по ввѣреннымъ Вамъ войскамъ, что изъ перехваченныхъ депешъ дона Феликса Алдао къ тирану Розасу видно, что общественное мнѣніе внутри страны какъ нельзя болѣе благопріятно для дѣла свободы. Провинціи Кордова, Санъ Луисъ и Санъ Хуанъ отказали Алдао въ требуемой имъ помощи. Провинція де ля-Ріоха возстала вся противъ тиранніи Розаса и вооружила многочисленную кавалерійскую колонну и восемьсотъ пѣхотинцевъ. Генералъ ля-Мадридъ вступилъ на территорію Кордовы во главѣ своихъ храбрыхъ солдатъ; вскорѣ онъ поддержитъ операціи освободительной арміи.

„Дивизіонъ Вега совершенно разсѣялъ въ Наварро милиціи, собранныя Чирино. Одинъ эскадронъ изъ числа этихъ милицій поступилъ въ ряды нашей арміи.

„Главнокомандующій узналъ, что милиціи Магдалены воз-

стали и покинули своихъ вождей, когда послѣдніе хотѣли присоединить ихъ къ арміи Рогаса.

„Дѣло свободы дѣлаетъ быстрые успѣхи, и главнокомандующій надѣется, что вскорѣ усилія солдатъ отечества будутъ вознаграждены, въ особенности же храбрыхъ защитниковъ Санъ-Педро.

„Вы объявите по ввѣреннымъ Вамъ войскамъ тѣ новости, которыя я Вамъ сообщаю, прибавивъ къ этому что освободительная армія не подражаетъ той системы лжи, которою тиранъ тщетно пытается скрыть свое критическое положеніе.

„Копію съ этой депеши Вы пошлете мировому судьѣ въ Барадеро.

„Богъ да хранитъ Васъ.

Хуанъ Лавалль.

— Какъ тебѣ это кажется, Мигуель? — спросилъ донъ Кандидо, когда донъ Мигуель окончилъ чтеніе этой важной бумаги.

Молодой человѣкъ молчалъ.

— Они идутъ, Мигуель, они идутъ!

— Нѣтъ, сеньоръ, они уходятъ, наоборотъ! — отвѣчалъ молодой человѣкъ, комкая въ своихъ рукахъ бумагу.

И, вставъ со своего мѣста, онъ началъ взволнованно ходить по кабинету.

— Ты съ ума сошелъ, Мигуель?

— Другіе сошли съ ума, а не я!

— Но они обошли Лопесъ той дорогой! уважаемый Мигуель.

— Это ничего не значитъ!

— Но они находятся въ Гуардіи де Луканъ.

— Это ничего не значитъ.

— Развѣ ты не видишь горячаго, стремительнаго, страшнаго энтузіазма, которымъ они воодушевлены?

— Это ничего не значитъ.

— Въ здравомъ-ли ты умѣ, Мигуель?

— Да, сеньоръ, въ здравомъ. Тѣ, кто думаетъ теперь о провинціяхъ, вотъ кто не въ здравомъ умѣ, кто не довѣ-

ряетъ своимъ собственнымъ силамъ и не видитъ счастья, находящагося въ двухъ шагахъ отъ нихъ. Что за странный, рокъ преслѣдуетъ эту партію и вмѣстѣ съ нею отечество!— вскричалъ Мигуель, продолжая ходить большими шагами по комнатѣ, между тѣмъ какъ донъ Кандидо съ изумленіемъ смотрѣлъ на него.

— Хорошо. Тогда мы, федералисты, скажемъ...

— Что унитаріи ни черта не стоятъ! Вы правы, сеньоръ донъ Кандидо!

Въ это время въ дверяхъ, выходившихъ на улицу, раздались два сильныхъ удара молоткомъ.

XVII.

Гдѣ Пиладъ сердится.

Донъ Кандидо вздрогнулъ.

Донъ Мигуель, наоборотъ, изъ печальнаго и мрачнаго, какимъ онъ былъ минутою раньше, сдѣлался вновь спокойнымъ и почти веселымъ.

Вошедшій слуга доложилъ о приходѣ дамы.

Молодой человѣкъ приказалъ просить ее.

— Не надо-ли мнѣ удалиться, сынъ мой?

— Въ этомъ нѣтъ необходимости, сеньоръ.

— По правдѣ говоря, я предпочелъ-бы вмѣсто того, чтобы уйти, дождаться тебя, чтобы выйти вмѣстѣ.

Донъ Мигуель улыбнулся.

Въ эту минуту въ кабинетъ вошла женщина, производившая при своемъ входѣ такой шумъ, какъ будто она была одѣта въ платье изъ проклеенной бумаги. На головѣ ея былъ федеральный шиньонъ въ полфута высотою, а толстое, широкое смуглое лицо ея было обрамлено англійскими черными буклями.

— О! — вскричалъ донъ Кандидо.

— Войдите, мизіа Марселина!—произнесъ донъ Мигуель.

— А, вы оба здѣсь!

— Мы самые!

— Пиладъ и Орестъ!

— Вотъ именно!

— Это Пиладъ!—сказала донья Марселина, протягивая руку дону Кандидо.

— Сеньора, вы роковая женщина!—отвѣчалъ онъ, живо отбѣгая отъ нея.

— Неужели въ твоихъ останкахъ не сохранилось ни любви къ отечеству, ни дружбы, бронзовое сердце?

— Дай Богъ, чтобы я былъ изъ бронзы съ ногъ до головы!—пробормоталъ, вздыхая, донъ Кандидо.

— Въ особенности шея, не правда-ли, мой другъ?—вставилъ донъ Мигуель.

— Сѝе. Развѣ голова Пилада обречена въ жертву?

— Нѣтъ, сеньора, не повторяйте такихъ нелѣпостей. Я не унитарій и никогда имъ не былъ, слышите-ли вы?

— Эхъ, что за важность голова!

— Ваша голова ничего не значитъ, она... но моя...

— Сколько вѣситъ должна ваша голова, въ сравненіи съ тѣми гекатомбами, которыхъ видѣлъ свѣтъ? Развѣ головы Антонія и Цицерона не были отрублены въ Капитоліи, какъ читалъ пѣлъ безсмертный Хуанъ Круксъ? Потомство вознесетъ васъ на своихъ крыльяхъ!

— Пусть вознесетъ васъ дьяволъ на своихъ рогахъ!

— Развѣ Цезарь не былъ убитъ двадцатью тремя ударами кинжала?

— Мигуель, должно быть, эта женщина посланница сатаны! Это роковая женщина, колдунья и дочь колдуньи. Каждый разъ какъ только мы приближались къ ней или ея дому, съ нами случалось несчастье Въ качествѣ твоего стараго учителя твоего друга, питающаго къ тебѣ уваженіе, нѣжность, симпатію, я прошу тебя, приказываю тебѣ отослать прочь эту женщину, которая ходитъ такъ, какъ будто къ ея платью подвѣшенъ дьяволъ.

— Удержи свой языкъ, что смѣшно такъ шумя
Полъ прекрасный позоритъ, негодный! –

возразила донья Марселина, постоянно имѣвшая наготовѣ вереницу древнихъ стиховъ.

— Прекрасный! Вы прекрасны?—вскричалъ донъ Кандидо, внѣ себя отъ изумленія.

— Сеньоръ донъ Мигуель, что значитъ это?

— Отошли ее, Мигуель!

— Въ какую—увы!—западню я попала!

— Все это не обозначаетъ ничего ничего. кромѣ того, что донъ сеньоръ Кандидо немного эксцентричный человѣкъ! — отвѣчалъ донъ Мигуель, съ трудомъ удерживавшійся отъ смѣха.

— Онъ, вѣроятно, изучалъ англійскую литературу.—сказала донья Марселина, бросая взглядъ на профессора, убѣжавщаго въ другой конецъ комнаты;—еслибы, подобно мнѣ, онъ занялся греческой и латинской литературами, тогда было-бы другое дѣло. Потому я ему прощаю.

— Вы знаете латинскій и греческій языки, вы?

— Нѣтъ, но я знаю основу этихъ мертвыхъ языковъ.

— Вы?

— Я, прозаическое существо!

— Мигуель, отошли ее. Прими во вниманіе, что одного сумашедшаго довольно, чтобы сдѣлать сотни ихъ.

— Какъ, донъ Мигуель, человѣкъ такъ литературно образованный, какъ Вы, можетъ имѣть сношенія съ такими вульгарными существами, смерть которыхъ подобна ихъ жизни, темной и молчаливый?... Но нѣтъ, будемъ жить въ постоянной лирической гармоніи. Всѣ трое мы испытали страшныя драматическія перипетіи; будемъ жить и умремъ вмѣстѣ! Вотъ моя рука,—прибавила донья Марселина, приближаясь къ дону Кандидо.

— Я не хочу; оставьте меня въ покоѣ!—вскричалъ донъ Кандидо, убѣгая къ самой стѣнѣ.

— Идемъ, поклянемся передъ алтарями спасти вмѣстѣ наше отечество—Римъ!

— Я не хочу.

— Донья Марселина,—сказалъ, смѣясь, молодой человѣкъ, вы хотѣли мнѣ что-то сказать, пойдемте въ кабинетъ.

— То иного міра тайны, то Божьи секреты!

— Cruz! Diablo!—вскичалъ донъ Кандидо, крестясь въ то время, какъ молодой человѣкъ и донья Марселина прошли въ кабинетъ.

— Дугласъ пріѣхалъ!—произнесла она, затворивъ дверь.

— Когда?

— Сегодня утромъ.

— Онъ уѣхалъ?

— Третьяго дня; вотъ письмо отъ него.

Донъ Мигуель прочелъ письмо и оставался въ задумчивости въ теченіе нѣсколькихъ минутъ.

— Вы могли-бы встрѣтить Дугласа до трехъ часовъ вечера?—спросилъ онъ.

— Да.

— Навѣрно?

— Въ эту минуту неустрашимый морякъ спитъ.

— Хорошо! Мнѣ надо, чтобы вы съ нимъ поговорили.

— Сію-же минуту!

— Вы скажете ему, что я хочу видѣть до наступленія ночи.

— Здѣсь?

— Да, здѣсь?

— Хорошо.

— Назначимъ часъ: я буду его ждать между пятью и четырьмя.

— Хорошо.

— Не теряйте времени, донья Марселина.

— Я полечу иа крыльяхъ судьбы.

— Нѣтъ, идите обыкновеннымъ шагомъ, и ничего больше; теперь не хорошо обращать на себя вниманіе, какъ слишкомъ быстрой ходьбой, такъ и слишкомъ медленной.

— Я послѣдую за смѣлымъ полетомъ вашихъ мыслей.

— Тогда прощайте, донья Марселина.

— Пусть боги будутъ съ вами, сеньоръ.

— Кстати, какъ поживаетъ Гаетъ?

— Судьба спасла его.

— Онъ встаетъ съ постели?

— Нѣтъ еще.

— Тѣмъ лучше для моего друга дона Кандидо, и такъ прощайте, донья Марселина!

Донья Марселина пошла къ выходу черезъ гостинную, а донъ Мигуель прошелъ въ другую комнату, держа въ рукѣ только что полученное имъ письмо.

Донъ Кандидо ходилъ взадъ и впередъ по гостинной, когда въ ней появилась донья Марселина; онъ повернулся къ ней спиной и началъ любоваться портретомъ отца дона Мигуеля.

Донья Марселина, подойдя къ нему и положивъ свою руку на его плечо, сказала ему мрачнымъ голосомъ:

— Умѣешь-ли ты страдать?

— Нѣтъ, сеньора, и не хочу умѣть.

— Гаетъ живъ!—продолжала она еще болѣе мрачно.

Звукъ трубы архангела въ день Страшнаго суда не произвелъ-бы на бѣднаго профессора такого страшнаго дѣйствія, какъ эти два слова.

— Онъ поручилъ мнѣ кланяться вамъ! — прибавила она, не снимая руки съ плеча своей жертвы.

— Сеньора, вы заключили союзъ съ дьяволомъ, чтобы погубить мою душу; оставьте меня, оставьте меня, ради Бога!

— Онъ васъ ищетъ.

— Но я не ищу ни его, ни васъ!

— Онъ ревнивъ, какъ тигръ!

— Пусть онъ сдохнетъ!

— Вы похитили у него сердце Гертруды.

— Я?

— Вы!

— Сеньора, вы опасная съумашедшая, оставьте меня въ покоѣ.

— Вы умрете отъ кинжала Брута.

— Если вы не уйдете, я позову на помощь, чтобы васъ прогнали.

— Онъ прольетъ своимъ желѣзомъ кровь вашего гордаго сердца.

— Санта Барбора! Мигуель!

— Молчите!

— Вы шпіонка негоднаго фрая; теперь я это понимаю! Мигуель!

— Молчите! Не зовите Мигуеля!

— Я васъ свяжу колодезной веревкой. Мигуель!

— Молчите!

— Я не хочу молчать; я не буду молчать; вы шпіонка!

Донъ Мигуель вошелъ въ гостинную, привлеченной безпорядочными криками дона Кандидо, и, понявъ приблизительно все, что происходило, спросилъ съ мрачнымъ видомъ:

— Какую жертву обрекаютъ на закланіе?

— Это шпіонка, Мигуель! вскричалъ донъ Кандидо, указывая на донью Марселину; —это шпіонка!

— Угрызенія совѣсти изъ-за его преступленія заставляютъ его безумствовать!—вскричала, улыбаясь, донья Марселина.

И, поклонившись дону Мигуелю, она величественно вышла изъ гостинной, между тѣмъ какъ старый профессоръ старался убѣдить своего ученика въ томъ, что она была дѣйствительно шпіонкой кура Гаета.

— Мы увидимъ это, мой другъ; а теперь, — произнесъ молодой человѣкъ,—сдѣлайте мнѣ одолженіе, не испускайте болѣе этихъ страшныхъ криковъ, по крайней мѣрѣ втеченіи четверти часа. Хорошо?

Съ этими словами донъ Мигуель оставилъ его.

— Это ничего,--проговорилъ молодой человѣкъ, входя въ свою спальню и обращаясь къ доктору Парсевалю и къ дону Луису, которые уже долгое время находились въ этой комнатѣ; это была маленькая сцена между двумя самыми комичными оригиналами, которыхъ я знаю и надъ которой я-бы вдоволь посмѣялся бы при другихъ обстоятельствахъ.

Попрощавшись въ первый разъ съ доньей Марселиной,

донъ Мигуель вошелъ, какъ мы уже сказали, въ свою спальню, держа въ рукѣ письмо, принесенное Дугласомъ, контрабандистомъ унитаріевъ; онъ подалъ это письмо доктору Парсевалю со словами:

— Вотъ, что я только что получилъ изъ Монтевидео

Докторъ быстро схватилъ письмо и прочелъ его вслухъ. Вотъ что тамъ было написано.

Парижъ, 11 іюля 1840 г.

„Вице-адмиралъ де-Макко назначенъ начальникомъ экспедиціи на Ріо де-Ла-Плата, вмѣсто вице-адмирала Бодена. Онъ отправится немедленно. Г. де-Макко принадлежитъ къ одной изъ выдающихся фамилій Франціи, онъ славно покончилъ съ вопросами о Санъ-Доминго и Картагенѣ.

„Онъ обладаетъ замѣчательной храбростью. Лица, читавшія морскую исторію Франціи, вспомнятъ про его блестящій подвигъ въ битвѣ съ англійскимъ кораблемъ Alacrity.—Втеченіи страшной войны между Франціей и Англіей г. де-Макко, тогда еще семнадцатилѣтній юноша, поступилъ въ качествѣ аспиранта (кандидатъ въ офицеры) на французкій бригъ.

„Среди экипажа брига начала свирѣпствовать чума, сразившая всѣхъ офицеровъ; уцѣлѣлъ только аспиранъ де-Макко. Молодой человѣкъ, сдѣлавшійся такимъ страннымъ образомъ командиромъ судна, рѣшилъ геройскимъ подвигомъ оправдать выборъ судьбы. Почти тотчасъ же онъ встрѣтился съ англійскимъ военнымъ судномъ Alacrity.

„Послѣ ожесточенной битвы, непріятельскій корабль, бывшій подъ командой стараго браваго лейтенанта королевскаго англійскаго флота, былъ принужденъ спустить свой флагъ.

„Когда этотъ храбрый офицеръ былъ представленъ своему побѣдителю и узналъ, что послѣдній былъ всего семнадцатилѣтній аспирантъ, командовавшій вдобавокъ экипажемъ, среди котораго свирѣпствовала чума, то его стыдъ былъ такъ великъ, что черезъ нѣсколько дней онъ умеръ отъ огорченія.

Преданный Вамъ и пр....

— Ну, все налаживается такъ, чтобы событія шли бы-

стрѣе и чтобы кризисъ скорѣе кончился, друзья мои!—произнесъ докторъ, возвращая письмо молодому человѣку.

— Да, но какъ онъ кончится?

— Развѣ ты не слышалъ, Мигуель, что отправляется экспедиція?

— Которая придетъ слишкомъ поздно и въ то же время содѣйствуетъ тому, что изъ Монтевидео генералу пишутъ не рисковать своей арміей и дожидаться этой экспедиціи, которая, можетъ быть, и не придетъ или, если и придетъ, то заставитъ Розаса заключить договоръ съ французами прежде, нежели ихъ силы прибудутъ въ Ріо-Жанейро.

— Но это будетъ безчестно со стороны Франціи!—вскричалъ донъ Луисъ.

— Въ политикѣ, мой дорогой Луисъ, поступки не оцѣниваются по личному разумѣнію людей.

— Вѣрно-ли то, что генералу даются такіе совѣты?—спросилъ докторъ.

— Да, сеньоръ, члены аргентинской коммиссіи даютъ ему эти совѣты, потому что они довѣряютъ только численному превосходству.

— О, еслибъ я былъ генераломъ Лаваллемъ!—вскричалъ молодой человѣкъ.

— Еслибы ты былъ генераломъ Лаваллемъ,—возразилъ живо донъ Мигуель,—то давно-бы сошелъ съ ума.

— Отказъ подполковника Пено высадиться съ арміей въ Барадеро вмѣсто того, чтобы вести ее въ Санъ-Педро, сдѣлалъ то, что генералъ потерялъ время и лошадей, которыя ждали его въ первомъ пунктѣ. Кромѣ того, вотъ уже годъ скрытая вражда Риверы тормозитъ всѣ его мѣры. Вожди унитаріевъ въ своемъ ослѣпленіи видятъ все въ хорошемъ свѣтѣ, тогда какъ наоборотъ все худо. Каждый день сотни противорѣчивыхъ писемъ приходятъ изъ Монтевидео къ генералу и его офицерамъ: наступайте, отходите назадъ, идите вправо, поверните налѣво,—у унитаріевъ нѣтъ десяти человѣкъ, которые были бы одинаковаго мнѣнія. Генералъ не рѣшается, медлитъ; онъ опасается поступать вопреки мнѣ-

нію тѣхъ, многочисленность которыхъ заставляетъ относиться къ нимъ внимательно. Онъ наступаетъ медленно; сегодня онъ расходуетъ свои силы на преслѣдованіе какого-нибудь *каудильето*—главаря маленькой банды, завтра—другого. Теперь 3 сентября, а онъ все находится въ одномъ льё отъ Лухана. Между тѣмъ, въ это же время Розасъ отдыхаетъ нравственно, его приверженцы оправились отъ своегс ужаса и вновь возымѣли надежду на успѣхъ. Лавалль приблизится къ городу, быть можетъ, чтобы только увидѣть его или пролить много крови, чего онъ могъ-бы избѣжать двѣ недѣли, даже недѣлю тому назадъ!—прибавилъ донъ Мигуель печальнымъ и безнадежнымъ голосомъ, что произвело тягостное впечатлѣніе на его друзей.

— Все это правда,—отвѣчалъ докторъ,—и нашъ несчастный народъ перенесетъ на себѣ всю тяжесть гнѣва Розаса, какъ это уже и началось, увы!

—Но это только простыя предположенія,—сказалъ донъ Луисъ;—до сихъ поръ армія продолжаетъ свой маршъ; завтра или самое позднее послѣзавтра мы будемъ знать, что намъ слѣдуетъ дѣлать. Межъ тѣмъ, въ ожиданіи этого, нашъ другъ, подобно намъ съ тобою, думаетъ, что нашъ частный планъ превосходенъ; не правда-ли, докторъ?

— Да, по крайней мѣрѣ я думаю, что онъ благоразуменъ.

— Ты долженъ былъ сообщить ему два проекта!—сказалъ донъ Мигуель.

— Онъ мнѣ сказалъ все; я сомнѣваюсь въ успѣхѣ перваго.

— Нѣтъ, сеньоръ, не сомнѣвайтесь. Правда, что нась мало: я едва могъ собрать пятнадцать человѣкъ своихъ друзей; но зато насъ будетъ пятнадцать рѣшительныхъ людей. Домъ, который мы займемъ, будетъ служить въ то же самое время и сборнымъ пунктомъ, и самымъ действительнымъ средствомъ очистить всю улицу дель-Коллехіо въ томъ случаѣ, если генералъ рѣшится, какъ его просятъ объ этомъ, вторгнуться въ городъ черезъ Барракасъ. Тогда его силы

должны будутъ подняться на возвышенность Марко́, которая представляетъ собою весьма удобный пунктъ. Позиція выбранная мною, самая лучшая среди всей этой улицы, широкой и прямой, и самое большее съ двадцатью пятью человѣками, которыхъ мнѣ дастъ генералъ, я, въ случаѣ нужды, поддержу отступленіе, если оно сдѣлается необходимымъ.

— Оружіе?

— У меня сорокъ шесть ружей и три тысячи патроновъ, которыхъ я велѣлъ купить въ Монтевидео и которые находятся въ безопасномъ мѣстѣ здѣсь въ Буэносъ-Айресѣ.

— Сигналъ?

— Тотъ, который мнѣ дадутъ изъ арміи, если атака будетъ рѣшена.

— Ваши агенты надежны?

— Это люди преданные до самой смерти.

— Хорошо, тогда я одобряю вашъ второй проэктъ; важно также, чтобы во всякомъ случаѣ вы освободились отъ домашнихъ дѣлъ; я опасаюсь только за время отъѣзда.

— Это самая пустая вещь, докторъ, не будетъ никакой опасности; я велѣлъ позвать къ себѣ агента, который доставитъ письмо командиру одного изъ блокадныхъ судовъ; въ письмѣ я предупреждаю его обо всемъ и прошу вооруженной шлюпки. Единственно чего слѣдуетъ опасаться—это встрѣтить какое-нибудь судно съ порта изъ тѣхъ, которыя обыкновенно объѣзжаютъ берегъ.

— Хорошо обдумано.

— Я предоставляю ему самому выбрать ночь, часъ и сигналъ, который онъ дастъ съ своего борта.

— Высадка будетъ въ Санъ-Исидро?

— Да, сеньоръ. Луисъ говорилъ вамъ, безъ сомнѣнія, по какой причинѣ?

— Да, онъ, мнѣ говорилъ объ этомъ.

— Вы думаете, что m-me Барроль можетъ перенести тяжесть путешествія?

— Я думаю, она не можетъ прожить и двухъ недѣль въ Буэносъ-Айресѣ: ея болѣзнь одна изъ тѣхъ, что пора-

жаютъ какой-нибудь отдѣльный органъ, но самый принципъ жизни и угашаютъ его часъ за часомъ. Моральное потрясеніе этой сеньоры такъ велико, что отражается на сердцѣ и легкихъ и прямо убиваетъ ее. Свободный воздухъ такъже быстро вернетъ его къ жизни, какъ отсутствіе его дѣйствуетъ убійственно на нее въ Буэносъ-Айресѣ.

— Она окончательно рѣшилась?—спросилъ Луисъ.

— Мы условились объ этомъ сегодня ночью.

— Сегодня она безпокойно желаетъ этого, —прибавилъ докторъ;—она соглашается на то, чтобы Мигуель еще остался здѣсь. Эта дама такъ любитъ васъ, мой другъ, какъ если-бы вы были ея сыномъ.

— Я буду имъ, сеньоръ; я не стану имъ завтра или даже сегодня только потому, что она противиться этому. Она суевѣрна, какъ всѣ благородныя сердца, и страшится союза, заключеннаго при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ.

— Да, да; такъ лучше: кто знаетъ, какая еще судьба насъ ожидаетъ! Предоставимъ женщинамъ спасаться, если это еще возможно!—вскричалъ докторъ.

— Моя кузина также хочетъ остаться, ничто не можетъ убѣдить ее уѣхать.

— Даже Луисъ?

— Никто!—отвѣчалъ печально молодой человѣкъ.

— Теперь два часа по-полудни, друзья мои; вы идете сегодня въ Санъ-Исидро?

— Да, сеньоръ, сегодня ночью, мы вернемся до наступленія дня.

— Благоразуміе, друзья мои, побольше благоразумія, прошу васъ!

— Это будетъ наша послѣдняя поѣздка, сеньоръ,—сказалъ Луисъ,—какъ только сеньора Барроль уѣдетъ, въ домѣ дель Оливосъ не останется никого и онъ тогда дѣйствительно станетъ покинутой дачей.

— Итакъ до завтра!

— Да завтра, сеньоръ!

— До завтра, мой дорогой другъ!

Оба молодыхъ человѣка сердечно обняли своего прежняго профессора философіи, котораго донъ Мигуель проводилъ до самыхъ дверей, выходившихъ на улицу.

Едва ушелъ докторъ Парсиваль, какъ въ кабинетѣ раздались два удара ладонью руки о ладонь.

— Подожди!—сказалъ донъ Мигуель дону Луису.

Онъ вышелъ въ кабинетъ, который, какъ мы уже говорили раньше, былъ смеженъ съ гостиной, немножко удивленный этимъ призывомъ въ комнатѣ, куда никто не проникалъ безъ его позволенія.

— А, это вы, дорогой учитель!—вскричалъ онъ, замѣтивъ дона Кандидо.

— Я, Мигуель, я. Прости меня, но видя, что ты сильно запоздалъ, я предположилъ, что, ты быть можешъ, вошелъ потайной дверью, скрытымъ выходомъ, котораго я не знаю; и такъ какъ съ нѣкотораго времени я избѣгаю уединенія, потому что, надо тебѣ знать, мой уважаемый Мигуель, что уединеніе разстраиваетъ воображеніе и, судя по тому, что говорятъ философы, служитъ къ добру и къ злу, причина, изъ-за которой я предпочитаю общество, которое, согласно мнѣнію Квинтильяна...

— Луисъ?

— Чего тебѣ?—отвѣчалъ тотъ, входя.

— Какъ, Бельграно здѣсь!

— Да, сеньоръ, и его я позвалъ сюда, чтобы онъ помогъ мнѣ выслушать вашу диссертацію.

— Такъ что этотъ домъ—очагъ опасностей для меня?

— Какъ такъ, мой уважаемый учитель!—спросилъ донъ Луисъ, садясь возлѣ него.

— Что это значитъ, Мигуель? Я хочу яснаго, положительнаго, откровеннаго объясненія!—вскричалъ донъ Кандидо, отодвигая свой стулъ отъ дона Луиса.—Я хочу знать одну вещь, которая опредѣляетъ, утверждаетъ и характеризуетъ мое положеніе; я хочу знать, что это за домъ.

— Что это за домъ?

*

— Да.

— *Тота!* домъ, какъ всѣ другіе, мой дорогой учитель.

— Это не отвѣтъ. Этотъ домъ не похожъ на другіе, потому что здѣсь составляютъ заговоры и унитаріи, и федералисты.

— Какъ такъ, сеньоръ?

— Четверть часа тому назадъ ты принималъ въ этомъ домѣ женщину, шпіонку этого дьявольскаго фрая, поклявшагося меня погубить, а теперь я открываю въ твоихъ частныхъ и секретныхъ комнатахъ этого таинственнаго молодого человѣка, который бѣжитъ отъ своего очага и переходитъ изъ дома въ домъ съ видомъ тайнаго и злостнаго заговорщика.

— Вы кончили, мой дорогой учитель?

— Нѣтъ, и не хочу кончить, не сказавъ тебѣ дважды или трижды, что, ввиду моего оффиціальнаго положенія, столь деликатнаго и столь высокаго, я не могу продолжать сношеній съ домомъ, къ которому мнѣ невозможно приложить грамматическаго опредѣленія; и пока я не узнаю, что такое этотъ домъ теперь или чѣмъ онъ можетъ быть, я воздержусь отъ всякаго общенія съ нимъ, отъ всякаго посѣщенія его.

— Сеньоръ, вы не завтракали съ депутатомъ Гарсіа?— сказалъ донъ Луисъ.

— Нѣтъ, сеньоръ, я не имѣлъ чести завтракать съ сеньоромъ дономъ Балдомеро.

— Тогда, можетъ быть, съ Гарригосъ?

— Съ нимъ тѣмъ болѣе нѣтъ; это, мнѣ кажется, не по сезону.

— Значитъ эта изумительная рѣчь—продуктъ вашего собственнаго воображенія?

— Прервемъ всякія сношенія, сеньоръ Бельграно!

— Постойте-ка, сеньоръ донъ Кандидо, — проговорилъ донъ Мигуель,—вы назвали моего друга заговорщикомъ, а это мнѣ кажется не особенно вѣжливымъ со стороны коллеги.

— Коллеги! Я былъ профессоромъ этого сеньора, когда онъ былъ ребенкомъ, нѣжнымъ, невиннымъ; но затѣмъ....

— Затѣмъ вы спрятали его у себя, мой дорогой учитель.

— Это было противъ моей воли.

— Это ничего не значитъ.

— Но я никогда не былъ его коллегой въ чемъ бы то ни было!

— А теперь вы стали имъ, сеньоръ донъ Кандидо; развѣ вы не секретарь сеньора Араны?

— Секретарь!

— Очень хорошо; а этотъ сеньоръ — секретарь въ командировкѣ генерала Лавалля.

— Секретарь генерала Лавалля въ командировкѣ! — вскричалъ донъ Кандидо, вставая машинально съ своего мѣста и смотря на дона Луиса глазами, которые, казались, хотѣли выскочить изъ орбитъ.

— Ну, вотъ, — продолжалъ Мигуель, — такъ какъ вы секретарь Араны, а этотъ сеньоръ—секретарь Лавалля, то отсюда и слѣдуетъ, что вы оба коллеги.

— Секретарь Лавалля! и разговариваетъ со мною!

— И бывшій вашимъ гостемъ нѣсколько дней!

— И мой гость!

— Весьма признательный вамъ, — произнесъ Луисъ.— Поэтому мой первый визитъ будетъ къ вамъ я его сдѣлаю дня черезъ два или три, дорогой коллега!

— Вы у меня! Нѣтъ сеньоръ, я не буду и не могу быть дома для васъ!

— А, это другое дѣло; я разсчитывалъ сдѣлать визитъ своему старому профессору съ нѣсколькими изъ его воспитанниковъ, возвращающихся въ освободительную армію. Они могли-бы защитить его противъ справедливаго возмездія, которое мы разсчитываемъ учинить надъ всѣми помощниками Розаса и Араны, но, если вамъ это не угодно, то очень хорошо: каждый воленъ дать себя повѣсить.

— Но, сеньоръ секретарь, — возразилъ живо донъ Кандидо, положеніе котораго было дѣйствительно жалко,—я не

говорю о томъ случаѣ, когда храбрые и славные защитники Его Превосходительства сеньора генерала Лавалля будутъ здѣсь.... я..... Мигуель, скажи за меня, сынъ мой, у меня голова идетъ кругомъ!

— Нечего и говорить, сеньоръ; вашъ коллега все понялъ: мы сходимся во взглядахъ или лучше—сойдемся.

— Исключая меня, дорогой Мигуель; я сойду въ могилу, не понявъ, не уразумѣвъ, не узнавъ того, что я долженъ былъ дѣлать и чѣмъ я былъ въ это мрачное несчастное время.

— Вы нашъ, сеньоръ донъ Кандидо? — спросилъ донъ Луисъ.

— Я всѣхъ; да, сеньоръ, я всѣхъ. Сегодня ночью даже слезы капали у меня изъ глазъ, когда сеньоръ донъ Филиппъ диктовалъ мнѣ этотъ страшный законопроектъ, который долженъ пустить по міру всѣхъ.

— Ахъ, да, законопроектъ! — произнесъ донъ Мигуель, любопытство котораго живѣйшимъ образомъ было возбуждено, но который не хотѣлъ, чтобы донъ Кандидо замѣтилъ это.

— Ты долженъ знать, въ чемъ дѣло.

— Какъ это? Со вчерашняго вечера? Кромѣ того, донъ Филиппъ, вѣдь не окончилъ еще его составленіе?

— Нѣтъ, сынъ мой; онъ долженъ, какъ мнѣ говорилъ, включить еще много соображеній; онъ продиктовалъ мнѣ только первый образчикъ законопроекта и то заставивъ меня ранѣе переписать десять или одиннадцать черняковъ.

— Санта Барбара! Я почти готовъ держать пари, что вы успѣли выучить его наизусть.

— Почти. Въ сущности, дѣло идетъ о томъ чтобы конфисковать все имущество унитаріевъ, какъ только Его Превосходительство восторжествуетъ надъ сеньоромъ генераломъ, у котораго мой блестящій ученикъ служитъ достойнымъ секретаремъ. Высокочтимый сеньоръ губернаторъ донъ Филиппъ Арана приступилъ къ составленію законопроекта по нарочному приказу Его Превосходительства сеньора Ресторадора съ тѣмъ, чтобы законъ былъ совершенно готовъ

къ тому времени, когда наступитъ моментъ приводить его въ исполненіе, моментъ, который не наступитъ, какъ я убѣжденъ послѣ того, что сейчасъ слышалъ отъ моего уважаемаго коллеги.

Мигуель и донъ Луисъ украдкой обмѣнялись между собою взглядомъ.

— Итакъ,—продолжалъ донъ Кандидо,—слезы текли у меня изъ глазъ, когда я думалъ о томъ, сколько несчастныхъ семей будутъ обречены на нищету, если случайно, вслѣдствіе какого-нибудь событія, громоносное оружіе „сыновъ свободы" не ниспровергнетъ этого ненавистнаго правителя, въ дѣйствіяхъ котораго я не принимаю никакого дѣятельнаго участія,—ты лучше чѣмъ, кто-либо знаешь это, Мигуель, ни поступками, зависящими отъ моей воли, ни....

Два удара молотка, раздавшіеся у дверей, выходящихъ на улицу, прервали рѣчь дона Кандидо, который въ недоумѣніи замолчалъ.

Оставивши двухъ секретарей въ кабинетѣ, донъ Мигуель прошелъ въ гостинную и самъ открылъ дверь выходившую на дворъ.

— А, это вы, мастеръ Дугласъ!—проговорилъ молодой человѣкъ, узнавъ вновь пришедшаго.

— Да, сеньоръ; донья Марселина сказала мнѣ....

— Они вамъ сказали, что мнѣ надо васъ видѣть?

— Да, сеньоръ.

— Это правда. Войдите, Дугласъ. Вы выѣхали изъ Монтевидео третьяго дня?

— Да, сеньоръ, ночью.

— Много тамъ приготовленій, а?

— Тамъ всѣ собираются придти сюда, а здѣсь всѣ хотятъ бѣжать!—отвѣчалъ шотландецъ, пожавъ плечами.

— Такъ что вы зарабатываете себѣ деньги.

— Немного. Прошлый мѣсяцъ я сдѣлалъ семь путешествій и отвезъ шестьдесятъ двухъ человѣкъ, по десяти унцій каждаго.

— Это довольно хорошо.

— Ба! моя голова стоитъ дороже, сеньоръ донъ Мигуель.

— Это правда, но легче поймать дьявола, чѣмъ васъ.

Шотландецъ расхохотался.

— Видите, сеньоръ, я почти испытываю желаніе дать себя поймать, чтобы видѣть, испугаюсь-ли я. Все это для меня простое времяпровожденіе. Въ Испаніи я занимался контрабандой табаку, а здѣсь—контрабандой людей; вотъ и все.

Говоря это, шотландецъ смѣялся какъ ребенокъ.

— Но они платятъ немного. Вы больше мнѣ дали, сеньоръ донъ Мигуель, за ящики, которые я привезъ вамъ изъ Монтевидео; другіе не даютъ мнѣ столько за спасеніе своей жизни.

— Тѣмъ лучше, мистеръ Дугласъ, я снова нуждаюсь въ васъ.

— Я къ вашимъ услугамъ, сеньоръ донъ Мигуель: моя шлюпка, четверо людей умѣющихъ стрѣлять изъ ружья, и я, стоющій этихъ четверыхъ.

— Спасибо.

— Если надо отвезти кого-нибудь, то я открылъ новое мѣсто, гдѣ самъ чортъ не откроетъ тѣхъ, кого я тамъ спрячу.

— Нѣтъ, теперь дѣло идетъ не о людяхъ. Когда вы думаете вернуться въ Монтевидео?

— Послѣ завтра, если наберется полное число.

— Вы не уѣзжайте раньше того, какъ я васъ извѣщу.

— Хорошо.

— Сегодня ночью вы снесете письма на блокадную эскадру.

— Да, сеньоръ.

— Отвѣтъ вы принесете мнѣ завтра до десяти часовъ утра.

— Раньше даже, если хотите.

— Послѣ вечерни вы останетесь у себя, чтобы получить два маленькихъ чемодана, которые положите въ подполье.

гдѣ уже лежатъ два ящика съ оружіемъ; въ этихъ чемоданахъ находятся драгоцѣнности и платья тѣхъ дамъ, которыхъ вы сами возьмете съ собою на шлюпку и отвезете на бортъ того судна, которое я вамъ назову, когда вы привезете мнѣ отвѣтъ.

— Все будетъ сдѣлано.

— Хорошо-ли вы знаете берегъ у los olivos?

— Какъ свои пять пальцевъ.

— Легко-ли тамъ можетъ пристать шлюпка?

— Это зависитъ отъ теченія; но тамъ есть маленькая бухта, которую зовутъ „соусъ", она не глубока, но шлюпка можетъ войти въ нее и скрыться за скалами, не подвергаясь никакой опасности; только она находится въ милѣ выше los olivos.

— А насчетъ los olivos

— Если вода въ рѣкѣ будетъ высока. Кромѣ того, тамъ опасно.

— Почему?

— Двѣ фелуки изъ порта шныряютъ тамъ съ десяти часовъ вечера.

— Обѣ вмѣстѣ?

— Нѣтъ; обыкновенно онѣ разъѣзжаются.

— Сколько на нихъ экипажа?

— На первой восемь человѣкъ, а на второй—десять. Онѣ ходятъ хорошо.

— Хорошо, мистеръ Дугласъ. Мнѣ важно знать все это. Теперь повторю вкратцѣ свои порученія —Вы не отправитесь безъ моего приказанія; сегодня ночью поѣдете на эскадру и привезете мнѣ отвѣтъ на письмо, которое я вамъ дамъ, завтра отъ восьми до десяти часовъ утра. Послѣ вечерни вы возьмете себѣ чемоданы, свезете ихъ и снесете сами на эскадру, когда я вамъ скажу. Насчетъ цѣны не безпокойтесь: берите какую хотите!—

— Вотъ это лучше всего,—сказалъ шотландецъ, потирая радостно себѣ руки;—вотъ это значитъ говорить по человѣчески! Теперь мнѣ не хватаетъ только письма.

— Вы его получите.

Донъ Мигуель прошелъ въ свой кабинетъ, а контрабандистъ табаку въ Испаніи и людей въ Буэносъ-Айресѣ сталъ мысленно высчитывать ту цѣну, которую онъ спроситъ за исполненіе всѣхъ этихъ порученій.

XVIII.

Въ которой положеніе нѣкоторыхъ лицъ все болѣе и болѣе омрачается.

Двое сутокъ прошло съ того дня, когда Пиладъ-Кандидо испыталъ такъ много волненій и усталости, душевной и тѣлесной, какъ на улицѣ, такъ и въ домѣ своего друга Ореста Мигуеля. Было 5 сентября; въ этотъ день Буэносъ-Айресъ былъ на верху смятенія и анархіи, т. е. враги диктатуры погрузились въ мрачное и угрожающее молчаніе, а федералисты были въ нервномъ возбужденіи, не дававшемъ имъ успокоиться.

Съ одиннадцати часовъ утра сдѣлалась извѣстнымъ, что освободительная армія находится въ одномъ лье отъ капеллы Мерло и что, слѣдовательно, на другой день она можетъ быть въ Сантосъ-Лугаресъ и даже въ городѣ.

Вся улица, на которой стоялъ домъ Розаса, была запружена лошадьми федералистовъ, а такъ какъ ни у одного изъ федералистовъ этой породы не было недостатка въ хвостѣ и такъ какъ поперекъ улицы дулъ свѣжій юго-восточный вѣтеръ, то красныя ленты, привязанныя къ хвостамъ федеральныхъ лошадей и перья на головѣ, развѣваемыя вѣтромъ и освѣщаемыя горячими лучами ослѣпительнаго сентябрскаго солнца, издали походили на спирали красноватаго пламени, вырывающагося изъ дверей ада.

Большой корридоръ los cours, oxicina, весь домъ исключая частныхъ комнатъ диктатора были наполнены. Всякій входилъ и выходилъ, какъ ему вздумается и безъ всякаго

совершенно повода. Прежде всего здѣсь можно было узнать о пораженіи или торжествѣ Лавалля.

Однако былъ классъ людей, искавшихъ донью Мануелу съ искреннимъ и законнымъ интересомъ, — это — негритянки.

Африканская раса, почти не сохранившая своей родной крови, значительно видоизмѣненная языкомъ, климатомъ и привычками американцевъ, представляла собою въ эпоху террора одно изъ самыхъ странныхъ соціальныхъ явленій. Черная по цвѣту кожи, они была плебсомъ Буэносъ-Айреса во всемъ остальномъ. Съ первыхъ же дней революціи на помощь этой несчастной расѣ пришелъ великолѣпный законъ Віентреса.

Буэносъ-Айресъ былъ первымъ мѣстомъ на всемъ континентѣ, открытомъ Колумбомъ, гдѣ было уничтожено рабство.

Но та самая свобода, которая возродила эту расу и разорвала ея цѣпи, во время террора не встрѣчала болѣе ожесточенныхъ враговъ, чѣмъ черные.

Правда, что Розасъ, съ цѣлью сдѣлать изъ нихъ преданныхъ ему приверженцевъ, льстилъ ихъ инстинктамъ и возбуждалъ въ нихъ чувство тщеславія, принуждая членовъ собственной семьи и даже свою дочь унижаться до танцевъ и угощеній съ ними на площадяхъ и улицахъ.

Преданность негровъ Розасу можно понять и даже оправдать до нѣкоторой степени; но являются совершенно непонятными тѣ превратныя чувства, которыя вдругъ обнаружились въ этой расѣ съ ужасающею быстротою: негры и особенно негритянки становились самыми искусными и преданными шпіонами диктатора.

Неблагодарность ихъ была ужасающа: тамъ, гдѣ давали хлѣба имъ дѣтямъ, гдѣ о нихъ заботились, гдѣ на нихъ смотрѣли какъ на родныхъ,—безъ всякаго другого повода, просто для того, чтобы сдѣлать зло, они вносили клевету, несчастіе и смерть.

Незначительное письмо, платье, лента съ голубымъ или

фіолетовымъ цвѣтомъ были оружіемъ; косой взглядъ или выговоръ со стороны хозяина дома или его дѣтей достаточны были для того, чтобы пустить въ ходъ это оружіе. Тотчасъже полиція, донья Марія Хозефа, судья, какой-нибудь комиссаръ или главарь Масъ-Горки получалъ доносъ.

А подвергнуться доносу значило—умереть.

Какъ только Розасъ отправился въ Сантосъ-Лугаресъ, за нимъ послѣдовали, и батальоны негровъ, находившихся въ городѣ; негритянки покинули дома, въ которыхъ онѣ служили, чтобы также отправиться въ лагерь.

Но передъ тѣмъ онѣ толпами приходили то къ доньѣ Мануелѣ, то къ доньѣ Маріи Хозефѣ, громко крича, что также идутъ сражаться за Ресторадора.

Въ тотъ день, о которомъ мы говоримъ, большое число негритянокъ наполняло галлереи и навѣсы дома Розаса. Производя адскій шумъ, онѣ прощались съ доньей Мануелой и другими лицами, которыя находились тамъ,

Это былъ день великаго праздника для этого дома, столь знаменитый въ лѣтописяхъ тираніи.

Донья Марія Хозефа была здѣсь съ одиннадцати часовъ утра, снѣдаемая живѣйшимъ безпокойствомъ.

Наступила ночь.

Вдругъ раздался пушечный выстрѣлъ, заставившій толпу вздрогнуть.

Донья Мануела поблѣднѣла; она дрожала за жизнь своего отца.

Долгое время толпа прислушивалась; но ничего вновь не нарушило тишины.

Донья Мануела искала взглядомъ кого-нибудь, у кого она-бы могла спросить объ истинѣ; но молодая дѣвушка такъ хорошо знала тѣхъ людей, которые окружали ее, что и не пыталисъ спросить ни одного изъ нихъ.

Вскорѣ въ толпѣ произошло какое-то движеніе; всѣ повернули голову къ дверямъ, гдѣ среди густыхъ облаковъ сигарнаго дыма показалось лицо начальника полиціи, который

съ большимъ трудомъ пробивая себѣ дорогу сквозь толпу говорилъ:

— Это ничего, ничего; это выстрѣлъ изъ восьмичасовой пушки французовъ.

Донья Мануела испустила вздохъ облегченія и съ нетерпѣніемъ обратилась къ Викторикѣ, спѣшившему поздороваться съ нею.

— Никто не пришелъ?—спросила она.

— Никто, сеньорита.

— Боже мой! Съ одиннадцати часовъ я не имѣю никакихъ извѣстій.

— Вѣроятно мы скорѣе, чѣмъ черезъ часъ, узнаемъ что нибудь.

— Скорѣе, чѣмъ черезъ часъ?

— Да.

— Почему это, Викторика?

— Потому что въ шесть часовъ я отправилъ къ сеньору губернатору полицейскаго комиссара съ сегодняшнимъ рапортомъ.

— Хорошо, спасибо.

— Онъ будетъ здѣсь въ девять часовъ, самое позднее.

— Ojala! Вы думаете, они близко отъ Сантосъ-Лугаресъ?

— Это невѣроятно. Прошлую ночь Лавалль провелъ въ эстансіи Браво; сегодня въ десять съ половиной часовъ утра онъ былъ въ трехъ лье отъ Мерло; теперь онъ можетъ находится самое большее въ одномъ лье отъ послѣдняго, т. е. въ двухъ лье отъ нашего лагеря.

— А этой ночью.

— Какъ?

— Пойдутъ-ли они сегодня ночью? — спросила вновь донья Мануела, жадно прислушиваясь къ словамъ Викторика.

— О, нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—они не пойдутъ ни сегодня ночью, ни, быть можетъ, и завтра. У Лавалля мало силъ, сеньорита, и онъ долженъ быть осторожнымъ.

— А каковы силы, Лавалля? Скажите мнѣ правду! — спросила молодая дѣвушка почти шопотомъ у начальника.

— Правду?

— Да, правду.

— Сегодня трудно еще знать правду, сеньорита; однако, судя по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, которыя кажутся мнѣ достовѣрными, у Лavалля три тысячи человѣкъ

— Три тысячи человѣкъ!—вскричала молодая дѣвушка,—а мнѣ говорили, что у него наберется едва съ тысячу.

— Развѣ я не говорилъ вамъ, что весьма трудно знать истину!

— О, это ужасно!

— Васъ обманываютъ относительно многихъ вещей.

— Я это знаю; всѣ обманываютъ меня во всемъ.

— Всѣ?

— Исключая васъ, Викторика.

— Какая польза обманывать васъ теперь,— проговорилъ начальникъ полиціи съ внезапнымъ подергиваніемъ плечей, которымъ онъ, казалось, хотѣлъ сказать: теперь идетъ игра о нашемъ высшемъ отечествѣ, и мы не можемъ никого обманывать, кромѣ самихъ себя.

— А Татита, какъ велики его силы? Также скажите правду!

— О, это легко сказать. У сеньора губернатора въ Сантосъ-Лугаресѣ отъ семи до восьми тысячъ.

— А здѣсь?

— Здѣсь?

— Да, здѣсь въ Буэносъ- Айресѣ?

— Всѣ и никто.

— Какъ это?

— Потому что, сообразно тѣмъ извѣстіямъ, которыя мы получимъ завтра или послѣ, у насъ будетъ или цѣлая толпа солдатъ или ни одного.

— Ахъ, да, да, я понимаю! Вы мнѣ сообщите тѣ извѣстія, которыя вы получите сегодня вечеромъ, если Татита мнѣ не напишетъ?

— Я не знаю, будетъ ли возможно мнѣ сдѣлать это, сеньора, такъ какъ сейчасъ я отправляюсь въ Бака, куда

и приказалъ явится полицейскому комиссару, когда онъ вернется изъ лагеря.

— Въ Бака! Но не заблудитесь-ли вы городѣ?

— Я думаю, сеньорита, что нигдѣ не заблужусь! — отвѣчалъ Викторика съ иронической улыбкой.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Я хочу сказать или лучше — объяснить откровенно, что прежде я получалъ приказанія прямо отъ сеньора губернатора, а съ нѣкотораго времени получаю отъ другого лица отъ имени Его Превосходительства.

— Вы думаете, кто-нибудь осмѣлился злоупотреблять именемъ моего отца?

— Я думаю, сеньорита, что невозможно отправиться въ Сантосъ-Лугаресъ и вернуться оттуда въ полчаса.

— И поэтому?

— Сегодня послѣ полудня, напримѣръ, я получилъ, отъ имени Его Превосходительства, приказъ наблюдать этой ночью за берегомъ у Санъ-Исидро, а четверть часа или самое большее полчаса спустя получилъ противоположный приказъ, тоже отъ имени Ресторадора, обходить берегъ у Бока.

— А!

— Вы сами можете судить теперь, Мануелита, что одинъ изъ этихъ двухъ приказовъ не исходитъ отъ сеньора губернатора.

— Конечно, это странно!

— Для меня никогда не было и никогда не будетъ хорошихъ или дурныхъ временъ на службѣ говорила Розаса; но я совсѣмъ не такъ расположенъ служить другимъ лицамъ, которыя дѣйствуютъ въ своихъ личныхъ интересахъ, а не въ интересахъ дѣла.

— Будьте увѣрены, Викторика, что я поговорю объ этомъ съ Татитой, какъ только представится случай.

— Эта сеньора даетъ мнѣ больше работы, чѣмъ сеньоръ губернаторъ.

— Эта сеньора! Какая сеньора?

— Вы не поняли, что я говорилъ вамъ о доньѣ Маріи Хозефѣ?

— Да, да, Викторика! Продолжайте.

— Эта сеньора имѣетъ свой личный интересъ въ томъ, чтобы мѣшать унитаріямъ бѣжать. Если-бы это зависѣло только отъ меня, то всѣ-бы они уѣхали.

— Таково-же и мое мнѣніе!—сказали они живо.

— Сегодня донья Марія Хозефа послала мнѣ приказъ обыскать снова домъ, гдѣ я очень хорошо знаю, что все пропитано унитаризмомъ, кончая стѣнами. Но къ чему послужитъ намъ этотъ обыскъ, если мнѣ не сказано, чего мнѣ надо искать тамъ и что я долженъ дѣлать, если найду что-нибудь?

— Это правда.

— Затѣмъ, приказъ во имя Его Превосходительства слѣдить за поведеніемъ одного молодого безумца.

— Это удачная мѣра.

— Мальчика, который суетливо бѣгаетъ туда и сюда, а въ дѣйствительности имѣетъ сношенія только съ федералистами.

— Кто этотъ сеньоръ, Викторика?

— Онъ бываетъ здѣсь и Вы имѣете приказъ преслѣдовать его?

— Да, сеньорита.

— Но кто-же онъ?

— Дель Кампо.

— Дель Кампо!—вскричала донья Мануела, испытывавшая настоящую дружбу къ молодому человѣку.

— Да, отъ имени сеньора губернатора.

— Это невозможно.

— По крайней мѣрѣ, такъ мнѣ сказала сама донья Марія Хозефа.

— Арестовать дель Кампо!—возразила донья Мануела,— полноте! Говорю вамъ, что это невозможно. Я не вѣрю, чтобы Татита могъ отдать подобное приказаніе. Дель Кампо—прекрасный молодой человѣкъ, хорошій федера-

листъ, и его отецъ одинъ изъ старинныхъ друзей моего отца.

— Она не сказала мнѣ, чтобы я арестовалъ его, а только слѣдилъ за нимъ.

— Это можетъ быть, одинъ изъ нѣсколькихъ искреннихъ людей, которые окружаютъ насъ.

— Я и не нахожу его дурнымъ, но долженъ прибавить, что онъ имѣетъ много враговъ и притомъ враговъ вліятельныхъ.

— Сеньоръ Викторика, не дѣлайте ничего противъ этого молодого человѣка, по крайней мѣрѣ, пока не получите особаго приказа Татиты.

— Если вы требуете этого...

— Да, я требую этого, пока Корволанъ не передастъ вамъ приказанія.

— Очень хорошо.

— Я немножко знаю эту исторію. Но развѣ мы можемъ терпѣть, чтобы Татита служилъ ширмой, вы понимаете меня?

— Да, да, сеньорита!—отвѣчалъ Викторика, довольный тѣмъ, что онъ можетъ сыграть злую шутку съ доньей Маіей Хозефой.

Въ своей радости онъ предложилъ доньѣ Мануелѣ послать къ ней полицейскаго комиссара тотчасъ-же, какъ только онъ прибудетъ съ вѣстями изъ лагеря.

— Но вы мнѣ обѣщаете,—прибавилъ онъ,—что хорошія или дурныя будутъ эти извѣстія, но вы сохраните ихъ лишь для себя одной до тѣхъ поръ, пока я не опубликую ихъ такъ, какъ требуетъ того мой долгъ?

— Я обѣщаю вамъ это.

— Тогда, добраго вечера, Мануелита!

Начальникъ полиціи удалился, пройдя черезъ толпу, въ которой никто не осмѣлился остановить его, чтобы спросить о новостяхъ.

Мѣсто, покинутое Викторикой, не осталось пустымъ: почти тотчасъ же его занялъ одинъ федералистъ и сталъ

поздравлять молодую дѣвушку съ вѣроятнымъ и въ особенности близкимъ торжествомъ ея отца надъ Лаваллемъ.

Въ то время какъ донья Мануеля просила этого новаго собесѣдника пойти попросить негритянокъ не кричать такъ громко на дворѣ и сказать имъ, что отецъ ея съ величайшимъ удовольствіемъ приметъ ихъ въ своемъ лагерѣ, тогда же донья Марія Хозефа прощалась съ какимъ-то лицомъ высокаго роста, лѣтъ тридцати восьми или сорока, имѣвшимъ прекрасные глаза и смуглый цвѣтъ лица, носившимъ густые черные усы и одѣтымъ въ драповую куртку, черныя панталоны съ пунцовымъ бантомъ, жилетъ и галстухъ того же цвѣта съ огромнымъ девизомъ и длиннымъ кинжаломъ за поясомъ.

— Итакъ въ добрый часъ!—говорила ему невѣстка Розаса.

— Да, сеньора, я буду у васъ до семи часовъ утра, чтобы сообщить вамъ о результатѣ.

— Но если будетъ что-нибудь новое раньше, увѣдомьте меня.

— Хорошо, сеньора!

— Я останусь здѣсь всю ночь, или, по крайней мѣрѣ, до того времени, какъ мы получимъ извѣстія отъ Хуана Мануеля; особенно, помните, что не надо давать пощады никому изъ нихъ; Вы знаете, что всѣ, кто спасется, присоединится къ Лаваллю.

— Будьте покойны, сеньора! — отвѣчалъ онъ со злой улыбкой, положивъ руку на свой кинжалъ.

— Викторика будетъ наблюдать за берегомъ отъ форта до Бока!—продолжала донья Марія Хозефа.

— Я это знаю, сеньора; я пойду смѣнить Китиньо, который обходитъ берегъ отъ батареи до Санъ Исидро.

— Да, тамъ есть мышь, которая разъ уже ускользнула изъ мышеловки; не знаю почему, но я имѣю предчувствіе, что она скоро вернется туда, отправьтесь немедленно. Помните, что въ этихъ дѣлахъ я замѣщаю Хуана Мануеля. Теперь идите попрощаться съ Мануелитой и до завтра.

Лицо, которое должно было смѣнить подполковника Китиньо, оставивъ невѣстку диктатора, прошло черезъ гостинную, чтобы, согласно полученному имъ приказанію, откланяться донъѣ Мануелѣ.

Этотъ человѣкъ былъ Мартинъ Санта — Колома, одинъ изъ главарей Масъ-Горки, такъ ужасно отличившійся въ 1840 г. своими гнусными убійствами, когда онъ съ ничѣмъ несмягчаемою яростью купался въ крови своихъ несчастныхъ соотечественниковъ.

XIX.

Шлюпка.

Ночь была туманная, но тихая. На рѣкѣ было спокойно; лишь теплый бризъ поднималъ легкія волны, которыя покрывали прибрежныя скалы и безшумно скатывались въ маленькіе береговые заливы.

Лишь съ трудомъ и то послѣ долгаго ожиданія можно было увидѣть на небѣ звѣзду, которая торопилась боязливо спрятаться за облака, опѣшившія ее закрыть. Въ девять часовъ вечера съ одного изъ корветовъ, блокировавшихъ городъ, отчалила лодка, на борту которой находился одинъ молодой французскій офицеръ, боцманъ и восемь матросовъ. Это была французская военная шлюпка.

Сначала она направилась къ фарватеру, пустивъ свой парусъ беззаботно нести ее по волнамъ на сѣверо-западъ.

Молодой офицеръ, завернувшись въ свою шинель и полулежа на задней скамьѣ, съ безпечностью настоящаго моряка, смотрѣлъ время отъ времени на карту, развернутую у его ногъ и освѣщенную фонаремъ, свѣтъ котораго падалъ также на маленькую переносную буссоль.

Не произнося ни слова, офицеръ указывалъ рукою рулевому направленіе, котораго должна была держаться шлюпка; десять ружей, лежавшихъ симметрично на днѣ лодки, блестѣли при свѣтѣ фонаря.

Приблизительно черезъ часъ, офицеръ приказалъ убрать парусъ и взяться за весла, уключины которыхъ были заранѣе перевязаны полотномъ,—и шлюпка быстро, въ полной тишинѣ направилась къ берегу.

Огней въ городѣ было совершенно не видно; берегъ представлялся черной линіей, тѣнь которой принимала все болѣе и болѣе ясную окраску, по мѣрѣ приближенія шлюпки.

По знаку офицера, весла были подняты и шлюпка стала неподвижно.

Она была въ трехстахъ метрахъ, не болѣе, отъ берега.

Затѣмъ офицеръ, взявъ двѣ матроскія шляпы, помѣстилъ между ними фонарь, такъ чтобы свѣтъ проектировался по прямой линіи; приэтомъ онъ приподнялся и сталъ держать фонарь на высотѣ своей головы.

Минутъ десять стоялъ онъ такъ, причемъ взгляды его и матросовъ были устремлены на берегъ; затѣмъ, покачавъ головою, онъ снова поставилъ фонарь на дно лодки,—и, по его знаку, шлюпка продолжала свой путь.

Три раза офицеръ повторилъ тотъ же самый маневръ.

Шлюпка все время плыла близъ берега. Она только что обогнула маленькій мысъ, метровъ на сорокъ вдававшійся въ русло рѣки; офицеръ, начинавшій терять терпѣніе, рѣшилъ, однако, сдѣлать еще попытку; почти тотчасъ же на берегу появился огонекъ, какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ находилась шлюпка.

— Они тамъ! — прошептали моряки, голосомъ тихимъ, какъ вѣтеръ.

Французскій офицеръ поднялъ и опустилъ два раза свой фонарь. Свѣтъ на берегу мгновенно погасъ. Было одиннадцать часовъ вечера.

. . . .

Въ тотъ же самый день, въ семь часовъ вечера у дверей дома m-me Барроль остановилась карета, на козлахъ которой сидѣлъ Тонильо. Спустя нѣсколько мгновеній эта дама, блѣдная, больная, съ трудомъ державшаяся на ногахъ,

взошла въ карету, опираясь на руку своей прелестной дочери, которая сѣла рядомъ съ нею.

Лошади тотчасъ же тронулись къ площади, повернули подъ арку де ля-Рекоби, проѣхали по площади 25 мая, спустились къ Бако и помчались, наконецъ, крупной рысью по направленію къ сѣверу.

Когда карета спустилась въ низину де ля-Реколета, почти наступила темная ночь. Два всадника выѣхали на встрѣчу къ каретѣ и, узнавъ ее, поѣхали въ нѣсколькихъ шагахъ сзади.

Спустя нѣкоторое время, около Палермъ де Санъ Бенато, мѣстечка, почти пустыннаго въ то время, но на которомъ вскорѣ суждено было возвышаться великолѣпному и скандалезному жилищу тирана, показались четыре человѣка шагахъ въ двадцати впереди.

Два всадника положили свои руки на оружіе, спрятанное подъ ихъ пончо, и стали рѣшительно ждать.

Эти четверо людей были безобидные прохожіе; далекіе отъ мысли останавливать карету, они разсыпались въ поклонахъ передъ двумя всадниками.

Два же солдата были донъ Мигуель и донъ Луисъ.

Донъ Мигуель, въ одно мгновеніе, какъ будто побуждаемый силою, высшею, нежели его мужество, приблизилъ свою лошадь къ лошади своего друга и, тяжело опустивъ свою руку на его плечо, сказалъ:

— Хочешь-ли ты,—спросилъ онъ хриплымъ голосомъ,—я тебѣ признаюсь въ такой вещи, которую никто другой не могъ бы произнести, не краснѣя?

— Хорошо, ты хочешь мнѣ сказать, что влюбленъ, — отвѣчалъ, улыбаясь, донъ Луисъ.—Vive Dios! Я также влюбленъ и не стыжусь признаться тебѣ въ этомъ.

— Нѣтъ, это не то.

— Говори тогда.

— Я боюсь!

— Ты?

— Да, Луисъ, я боюсь, въ этой каретѣ заключена моя жизнь, моя душа.

— Мужайся, Мигуель!

— О еслибы дѣло шло только о мнѣ, мнѣ, который игралъ опасностью, какъ удовольствіемъ, мнѣ, который имѣетъ крѣпкое сердце и ловкія руки! А теперь, сознаюсь тебѣ, я сталъ-бы дрожать, какъ ребенокъ, если-бы такая-нибудь опасность стала угрожать намъ.

— Por vius!—отвѣчалъ донъ Луисъ, который прекрасно понималъ, что происходило въ душѣ его друга и который хотѣлъ успокоить его, — прекрасная манера быть храбрымъ! Для чего же и нужна храбрость, какъ не для опасности?

— Да, но опасности для меня, а не для Авроры и ея матери! Вотъ почему я боюсь. Знаешь ты теперь мою мысль?

— Да, но я-бы хотѣлъ послать тебя къ чорту, потому-что ты и мнѣ внушилъ то, о чемъ я не думалъ, о страхѣ умереть, о которомъ ты говоришь: страхѣ не изъ-за самой смерти, но изъ-за тѣхъ, которыхъ оставишь живыми; не правда-ли?

— Да, Луисъ, когда сознаешь себя любимымъ, когда дѣйствительно тебя любятъ, то приходится смѣшивать свою жизнь съ жизнью невѣсты, такъ какъ если одинъ изъ нихъ погибнетъ, то другой зароетъ вмѣстѣ съ этимъ въ могилу частицу собственной души,—и тогда будетъ ужасное существованіе.

— Мы подъѣзжаемъ, дорогой Мигуель; черезъ десять минутъ мы будемъ тамъ, прелестная Аврора вблизи тебя, но она, Гермоза, одна со вчерашняго дня; но я не жалуюсь, нѣтъ! Мужайся-же, другъ мой, умоляю тебя! О, только бы кончилась скорѣе эта ужасная жизнь! Будутъ наши друзья завтра здѣсь, какъ ты думаешь?

— Да, такъ предположено; атака можетъ быть начата послѣ завтра, вотъ почему я и требовалъ такъ настоятельно, чтобы отъѣздъ состоялся сегодня-же ночью. Я знаю себя:

еслибы Аврора была здѣсь, я бы на половину менѣе стоилъ, такъ я дрожалъ-бы за нее во время сраженія.

— Увы! Гермоза отказывается уѣхать.

— Гермоза мужественнѣе Авроры; у ней болѣе твердый характеръ, никакая человѣческая сила не могла-бы помѣшать ей раздѣлить твою участь. Ты здѣсь остаешься и она здѣсь; она—твоя тѣнь.

— Нѣтъ, она—мой свѣтъ, моя жизнь!—страстно вскричалъ донъ Луисъ.

— Вотъ мы и пріѣхали!—сказалъ донъ Мигуель.

Выѣхавъ впередъ, онъ приказалъ Тонильо поставить карету у противоположной стѣны дома, какъ только дамы выйдутъ изъ нея.

Окна дачи у los olivos были совершенно темны; тишина прерывалась только шумомъ вѣтра на вершинѣ деревьевъ.

Но едва карета остановилась, какъ дверь открылась и на порогѣ появилась Гермоза и Лиза, между тѣмъ какъ старый Хозе съ безпокойствомъ смотрѣлъ сквозь низкое окно.

M-me Барроль вышла сильно ослабѣвшая, почти лишившаяся чувствъ; но Гермозой было все приготовлено для пріема гостей, — и скоро бѣдная больная опять немного собралась съ силами.

На дачѣ была освѣщена только одна комната, спальня молодой вдовы вдовы, окно которой выходило на маленькій дворъ дома; остальныя комнаты были темны.

Донья Аврора была блѣдна и взволнована; сердце ея билось, но она почти забывала о самой себѣ и думала только о своей матери и любимомъ ею человѣкѣ, котораго она оставляла на страшную опасность.

Донъ Мигуель вышелъ, обмѣнялся нѣсколькими словами съ Тонильо и затѣмъ опять вернулся

— Теперь около десяти часовъ,—произнесъ онъ, — намъ надо сѣсть у оконъ столовой и слѣдить за сигналомъ со шлюпки, которая не замедлитъ пріѣхать. Лиза останется

здѣсь, наготовѣ принести мнѣ зажженную свѣчу, какъ только я прикажу. Ты слышишь, Лиза?

— Да, да, сеньоръ!—отвѣчала она живо.

— Пойдемъ-те, матушка, — сказалъ донъ Мигуель, беря m-me Барроль подъ руку, идите и вы помогать намъ наблюдать за рѣкою.

— Да, пойдемъ, сынъ мой,—отвѣчала гордая портенья.— Вотъ, чего со мной никогда не случалось!

— Чего-же матушка?—спросила у ней съ безпокойствомъ Аврора.

— Того, чтобы я хоть на одинъ мигъ принуждена была стать федералисткой, употребляя свои глаза на шпіонство въ темнотѣ; никогда я не думала, что настанетъ день, когда я принуждена буду уѣзжать такъ, подобно преступницѣ.

— Да, но не болѣе, какъ черезъ восемь дней Вы вернетесь сюда при солнечномъ свѣтѣ въ Вашей каретѣ, сеньора.

— Восемь! Какъ! Неужели нужно столько времени, чтобы прогнать всѣхъ этихъ негодяевъ изъ Буэносъ-Айреса?

— Нѣтъ, сеньора, но вы останетесь въ Монтевидео до тѣхъ поръ, пока мы всѣ не пріѣдемъ за вами!—мягко сказалъ донъ Луисъ.

— И этотъ день будетъ днемъ паденія Розаса!—прибавилъ донъ Мигуель.

По мѣрѣ того, какъ время проходило, живое безпокойство начинало овладѣвать всѣми.

— Они немного опоздали!—проговорила дрожащимъ голосомъ Гермоза.

— Противный вѣтеръ, вѣроятно, задержалъ ихъ!—отвѣчалъ донъ Мигуель, старавшійся найти предлогъ для объясненія этого замедленія шлюпки.

— Тамъ! я вижу ее тамъ! — вскричала вдругъ молодая вдова, указавъ рукою на рѣку.

— Это они? — спросила дрожа Аврора у дона Мигуеля.

Молодой человѣкъ, открывъ окно, удостовѣрился въ томъ,

что свѣтъ былъ видѣнъ дѣйствительно на рѣкѣ, и затѣмъ позвалъ Лизу.

Сердца всѣхъ начали усиленно биться.

Горничная принесла свѣчу.

Донъ Мигуель, сдѣлавъ условленный сигналъ, повернулся къ своимъ друзьямъ.

— Идемъ!—сказалъ онъ.

Донья Аврора была блѣдна, какъ мертвецъ.

M-me Барроль спокойна и увѣренна.

Молодой человѣкъ, выйдя изъ ному, остановился.

— Чего мы ждемъ? — спросилъ донъ Луисъ, подавшій руку доньѣ Аврорѣ, между тѣмъ какъ донъ Мигуель велъ m-me Барроль.

— Вотъ чего! — отвѣтилъ донъ Мигуель, указывая на тѣнь, поднимавшую по холму.

Оставивъ руку m-me Барроль, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Есть кто-нибудь, Тонильо?—спросилъ онъ.

— Никого, сеньоръ.

— На какомъ разстояніи?

— Около четырехсотъ метровъ съ каждой стороны.

— Съ берега видно шлюпку?

— Теперь, да, сеньоръ, такъ какъ она пристала къ песку; вода очень высока, можно садиться, не замочивъ ногъ.

— Хорошо, ты помнишь все?

— Да, сеньоръ.

— Отвести тотчасъ же мою лошадь къ бѣлой скалѣ, въ трехъ четвертяхъ лье отсюда; идти въ водѣ по поясъ, чтобы быть совершенно скрытымъ за скалою. Черезъ два часа я буду тамъ, но, для большой предосторожности, садись на лошадь, дитя, и жди меня.

— Хорошо, сеньоръ.

Прочія лица начали безпокоиться. Донъ Мигуель успокоилъ ихъ однимъ словомъ. Всѣ спустилиеь съ холма, а Тонильо исчезъ бѣгомъ.

Свѣжій ночной воздухъ, казалось, началъ возвращать силы больной, шаги которой стали увѣреннѣе и походка спокойнѣе; она шла, опираясь на руку своего будущаго зятя.

Донья Аврора и донъ Луисъ шли впереди.

Донья Гермоза и Лиза, ея маленькая камеристка, храбро шли въ аванъ-гардѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ они были на берегу рѣки.

Шлюпку, качавшаяся на водѣ, держали два рослыхъ матроса, нарочно соскочившихъ для этого на землю.

Замѣтивъ дамъ, французскій офицеръ сошелъ на берегъ и галантно подошелъ къ нимъ, чтобы помочь имъ сѣсть.

Странное зрѣлище представляли различныя лица, собравшіяся здѣсь, среди ночи на этомъ пустынномъ берегу передъ лодкой, которая должна была помочь имъ бѣжать изъ ихъ отечества, можетъ быть—увы! навсегда.

М-me Барроль простилась, проговоривъ только:

— До скораго свиданія, Гермоза!

Но донья Аврора, нѣжное и любящее созданіе, почувствовавъ, что мужество оставило ее, разразилась слезами.

Онѣ съ Гермозой плакали въ объятіяхъ другъ у друга, не будучи въ состояніи разстаться.

— Идемъ-же! — сурово вскричалъ донъ Мигуель, чувствуя, что сердце у него разрывается на части.

Онъ силою розпялъ обѣихъ женщинъ; поднялъ на руки донью Аврору и посадилъ ее въ шлюпку возлѣ m-me Барроль, которая сѣла рядомъ съ французскимъ офицеромъ, затѣмъ самъ помѣстился между ними.

Всѣ обмѣнялись послѣднимъ печальнымъ „прости“, и затѣмъ, по слову офицера, шлюпка отчалила и, повернувъ къ югу, поплыла вдоль берега, не употребляя ни одной изъ тѣхъ предосторожностей, съ которыми она четвертью часа раньше приближалась къ нему.

Гермоза, Луисъ и юная камеристка провожали шлюпку своими глазами до тѣхъ поръ, пока она, наконецъ, скрылась въ ночной темнотѣ.

Затѣмъ донья Гермоза съ задумчивымъ, но рѣшительнымъ видомъ положила свою руку на руку дона Луиса, и, не обмѣнявшись ни однимъ словомъ, медленно стала подниматься на холмъ.

Сердце у нихъ разрывалось.

Едва прошло, однако, десять минутъ, какъ среди ночного мрака блеснулъ свѣтъ и раздался громъ залпа изъ мушкетовъ, выстрѣлившихъ въ томъ направленіи, гдѣ исчезла шлюпка. Молодые люди, достигшіе въ это время вершины холма, вздрогнули отъ испуга.

— Боже мой, защити ихъ! — вскричала донья Гермоза, идя въ полубезчувственномъ состояніи и поддерживаемая дономъ Луисомъ.

XX.

Какъ донья Гермоза превратила прожорливаго волка въ кроткаго ягненка.

Но донья Гермоза была женщина въ полномъ смыслѣ этого слова; она быстро оправилась послѣ перваго волненія.

— Поспѣшимъ, поспѣшимъ!—сказала она.

Луисъ понялъ угрожавшую имъ опасность; поднявъ на руки молодую женщину, онъ бросился впередъ.

— Да,—сказалъ онъ,—намъ нельзя терять ни минуты!

Лиза побѣжала впередъ, чтобы открыть дверь.

Почти тотчасъ же раздался второй залпъ въ томъ же направленіи.

Несмотря на опасность, висѣвшую надъ ихъ головою, они остановились и жадно повернули свои глаза къ рѣкѣ. Въ этотъ моментъ легкій свѣтъ блеснулъ въ волнахъ и раздался еще залпъ.

— Боже мой!—вскричала донья Гермоза.

— Послѣдніи залпъ раздался со шлюпки, въ отвѣтъ на огонь непріятеля!—сказалъ донъ Луисъ, сжавъ себѣ губы со смѣшаннымъ выраженіемъ радости и ярости.

— Они, безъ сомнѣнія, ранены, Луисъ!

— Нѣтъ, нѣтъ; стрѣльба ночью очень трудна; но поспѣшимъ, намъ угрожаетъ еще другая опасность.

— Другая!

— Идемъ, умоляю тебя, идемъ!

Они были уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дачи, какъ замѣтили Хозе, бѣжавшаго навстрѣчу къ нимъ съ своей tercerola—короткій карабинъ—въ одной рукѣ и саблею подъ мышкой.

— Ахъ, вотъ они!—вскричалъ онъ, замѣтивъ ихъ.

— Хозе!

— Да, сеньора, это я; но вы не должны быть здѣсь теперь, идите, ради неба!—сказалъ онъ съ горестнымъ выраженіемъ.

— Вы слышали, Хозе?—спросилъ донъ Луисъ.

— Да, сеньоръ, я слышалъ все; но сеньора не должна...

— Хорошо, хорошо, я иду, мой хорошій Хозе!—сказала ему ласково донья Гермоза.

— Я хотѣлъ васъ спросить, Хозе—началъ донъ Луисъ, когда они были въ дачѣ, — нельзя-ли вамъ было различить, какимъ оружіемъ стрѣляли въ первые два раза и какимъ отвѣчали?

— Ба!—произнесъ ветеранъ съ улыбкой, занятый запираніемъ двери.

— Ну, отвѣчайте мнѣ, прошу васъ!

— Два первыхъ залпа были изъ терсеролей, а третій изъ ружей.

— Я такъ и предполагалъ.

— Всякій, кто знаетъ огнестрѣльное оружіе, не можетъ ошибиться въ этомъ!—сказавъ тотъ, пожавъ плечами.

И, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ разспросовъ, онъ пошелъ зажечь свѣчу въ той комнатѣ, гдѣ спали донъ Мигуель и донъ Луисъ, когда они проводили ночь въ дачѣ.

Когда молодой человѣкъ вышелъ въ гостинную, онъ былъ испуганъ блѣдностью доньи Гермозы.

Молодая женщина, сидя на стулѣ и оперались локтями на столъ, закрыла лицо руками и молча плакала.

Донъ Луисъ, уважая ея скорбь, вошелъ въ столовую, открылъ окно и сталъ жадно прислушиваться къ шуму извнѣ.

Но онъ не слыхалъ ничего тревожнаго: кругомъ царила глубокая тишина.

Молодой человѣкъ заперевъ окно возвратился въ гостинную. Донья Гермоза сидѣла въ прежнемъ положенiи.

— Успокойтесь, дорогая Гермоза, — сказалъ онъ, садясь возлѣ нея,—все кончено. Я увѣренъ, что теперь Мигуель смѣется, какъ сумашедшiй.

— Но столько выстрѣловъ, мой другъ! Невозможно, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не былъ раненъ!

— Наоборотъ, дорогая моя, невозможно, чтобы пуля изъ терсероли попала въ шлюпку въ пятидесяти шагахъ. Масъ-Горкисты замѣтили тѣнь ея по водѣ и стрѣляли наугадъ.

— Но они слѣдятъ за всѣмъ берегомъ. Боже мой, какъ вернется Мигуель!

— На разсвѣтѣ, когда патрули уйдутъ.

— Танильо приготовилъ ему лошадь?

— Да, сеньора,—отвѣчала Лиза, вошедшая въ эту минуту съ чашкой чаю для Гермозы.

Луисъ всталъ и снова пошелъ прислушиваться къ окну въ столовой: невольно и онъ чувствовалъ какое-то смутное безпокойство.

Едва онъ успѣлъ простоять у окна три минуты, какъ со стороны Бахо послышался легкiй шумъ.

Минуту спустя этотъ шумъ сдѣлался уже совершенно явственнымъ и донъ Луисъ узналъ въ немъ звукъ копытъ нѣсколькихъ лошадей.

Затѣмъ лошади остановились у подошвы холма; смѣшанный звукъ голосовъ достигъ чуткаго уха молодого человѣка, и вслѣдъ затѣмъ лошади, повидимому, возобновили свой бѣгъ.

— Это, навѣрное, тотъ патруль, который стрѣлялъ,— пробормоталъ про себя Луисъ,—нельзя сомнѣваться въ томъ,

что они остановились у подошвы холма и говорили, вѣроятно, объ этомъ домѣ. Они хотятъ сдѣлать кругъ и вернуться по верхней дорогѣ. Несчастіе!—прибавилъ онъ, кусая себѣ губы до крови.

Когда онъ вернулся въ гостиную, то донья Гермоза прочла по его глазамъ, что произошло что-то необыкновенное.

— Говорите, Луисъ, — произнесла она, — не скрывайте ничего отъ меня, мой другъ; вы знаете, что я храбра и всегда готова къ несчастію.

— Несчастіе, нѣтъ! — отвѣчалъ молодой человѣкъ, стараясь скрыть отъ нея истину.

— Что-же тогда?

— Можетъ быть... Можетъ быть ничего... глупость, мой другъ, ничего болѣе,

— Нѣтъ, вы меня обманываете. Повторяю, хочу это знать!

— Ну, если вы этого требуете, то я вамъ скажу: вѣроятно тотъ патруль, который стрѣлялъ по шлюпкѣ, только что прошелъ у подошвы холма; вотъ и все.

— Это все? Хорошо, вы увидите, поняла-ли я то, что вы хотѣли скрыть отъ меня. Лиза, позови Хозе!

— Зачѣмъ?—спросилъ донъ Луисъ.

— Вы это узнаете.

Старый солдатъ появился на порогѣ гостиной.

— Хозе,—сказала донья Гермоза,—возможно, что въ дачу сегодня ночью нагрянутъ съ обыскомъ; заприте хорошенько двери и приготовьте оружіе.

Донъ Луисъ былъ пораженъ такимъ мужествомъ и такимъ спокойствіемъ въ опасности.

— Это уже сдѣлано, сеньора, — отвѣчалъ ветеранъ; — я могу дать двадцат выстрѣловъ, да имѣю еще саблю.

— Я—четыре и рапиру!—сказалъ Луисъ, внезапно поднимаясь со своего мѣста.

Но еще болѣе внезапно онъ снова сѣлъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—здѣсь не будетъ пролито крови.

— Какъ?

— Я говорю, Гермоза, что моя жизнь не стоитъ безполезнаго сопротивленія, которое приведетъ неизбѣжно къ гибели всѣхъ.

— Хозе, дѣлайте то, что я вамъ приказала! — сказала рѣшительно молодая вдова.

— Гермоза! — вскричалъ донъ Луисъ, — умоляю васъ во имя нашей любви!

— Луисъ,—отвѣчала съ выраженіемъ невыразимой нѣжности,—я живу только вами: если вы умрете, милый, то и я умру.

Едва молодая женщина успѣла произнести послѣднія слова, какъ на верхней дорогѣ послышался галопъ нѣсколькихъ лошадей.

Донъ Луисъ всталъ, спокойный и рѣшительный; пройдя черезъ дворъ, гдѣ прогуливался Хозе, онъ вошелъ въ свою комнату. Скинувъ свое пальто, онъ вынулъ изъ-за пояса свои двуствольные пистолеты, осмотрѣлъ курки, взялъ свою шпагу и, вытащивъ ее изъ ноженъ, пошелъ положить ее въ углу двора.

Въ этотъ моментъ на дворѣ появилась донья Гермоза, а за нею шла испуганная Лиза.

— Сеньора,—прошептала донья,—хотите, я прочту мою молитву?

— Да, дорогая крошка,—отвѣчала ея госпожа, цѣлуя ее въ лобъ,—ступай въ гостиную и молись; Богъ, безъ сомнѣнія, услышитъ твою невинную молитву.

Ночь была темна; удушливый воздухъ предвѣщалъ близкое наступленіе грозы.

Едва донья Гермоза успѣла обмѣняться нѣсколькими словами съ дономъ Луисомъ и своимъ старымъ, вѣрнымъ слугою, какъ вблизи дверей послышался звукъ нѣсколькихъ голосовъ и шумъ шпоръ и сабель нѣсколькихъ всадниковъ, соскакивавшихъ со своихъ лошадей.

Донъ Луисъ и донья Гермоза вернулись въ гостиную, выходившую подъ навѣсъ, и увидѣли Лизу, которая, скре-

стивъ руки, молилась на колѣняхъ передъ распятіемъ своей госпожи.

Можно было подумать, чтобы ребенокъ окончилъ свою молитву, потому что едва это случилось, какъ въ дверь раздалось до двѣнадцати грубыхъ ударовъ сабельными рукоятками.

— Вотъ, на чемъ мы съ Хозе порѣшили,—сказалъ донъ Луисъ доньѣ Гермозѣ,—мы не будемъ ни отвѣчать, ни открывать дверей. Если они будутъ стараться взломать дверь, то употребятъ на это много времени, такъ какъ она очень толста и прочна. Если же, наконецъ, имъ удастся взломать ее, тогда мы все-таки будетъ имѣть преимущество, имѣя дѣло съ уставшими.

Между тѣмъ удары въ дверь возобновились.

— Взломать дверь!—вскричалъ суровый голосъ.

Хозе разсмѣялся и оперся плечомъ о косякъ двери въ гостиную.

— Это невозможно!—отвѣчало нѣсколько голосовъ послѣ долгихъ усилій исполнить полученное приказаніе.

— Стрѣляйте по запору!—проговорилъ тотъ-же голосъ, который отдалъ и первое приказаніе.

Хозе сдѣлалъ знакъ дону Луису и Гермозѣ податься вправо и влѣво.

Въ то-же самое время одновременно раздались четыре выстрѣла изъ терсеролей,—и замокъ упалъ къ ногамъ Хозе, спокойно повернувшагося къ своей госпожѣ.

— Сеньора,— произнесъ онъ,— эти picaros способны стрѣлять въ окна; вамъ грозитъ здѣсь опасность!

— Это правда,—вскричалъ Луисъ.—Пройдите въ вашу комнату съ Лизой, не теряйте ни минуты, умоляю васъ!

— Нѣтъ, нѣтъ,—вскричала она съ сверкающимъ взоромъ,—я останусь съ вами!

— Гермоза!

— Нѣтъ! я вамъ говорю, мое мѣсто здѣсь—подлѣ васъ!

— Донья, если вы не уйдете, я на своихъ рукахъ унесу васъ и запру!—возразилъ ей ветеранъ спокойнымъ голосомъ

и такимъ рѣшительнымъ тономъ, что донья Гермоза машинально повиновалась и увела Лизу съ собою.

Донъ Луисъ и Хозе встали между двумя окнами подъ защитою стѣнъ.

Эта предосторожность была не лишнею, такъ какъ почти тотчасъ-же стекла полетѣли въ дребезги, и нѣсколько пуль ударилось въ противоположную стѣну гостинной.

Нападавшіе также приняли свои мѣры предосторожности; они хорошо понимали, что въ домѣ есть люди, потому-что дверь была заперта извнутри, и изъ отверстій, пробитыхъ пулями, видѣнъ былъ свѣтъ.

Пассивное сопротивленіе, встрѣченное ими, раздражало ихъ тѣмъ болѣе, что они были вооружены терсеролями и саблями и слѣдовательно являлись агентами власти всемогущаго Ресторадора.

Страшный ударъ, почти непреодолимый, согнувшій болты и заставившій отскочить всѣ скрѣпленія вдругъ потрясъ дверь, которая задрожала вся, какъ-бы готовая упасть, потому-что были потрясены самыя стѣны.

— Я знаю, что это такое,—спокойно сказалъ ветеранъ;—больше устоять ей невозможно!

И онъ направился подъ навѣсъ, вооружившись своей терсеролью.

Донъ Мигуель послѣдовалъ за нимъ съ пистолетами въ рукахъ.

Донья Гермоза сдѣлала движеніе, чтобы броситься на дворъ, но Лиза, бросившись къ ея ногамъ, умоляла ее остаться съ нею.

Второй тяжелый ударъ вновь заставилъ задрожать весь домъ. Снопъ щепокъ полетѣлъ отъ двери.

— Третьяго удара она уже не выдержитъ!—сказалъ невозмутимо ветеранъ.

— Но чѣмъ бьютъ эти демоны? — вскричалъ донъ Луисъ, желая, въ безумномъ гнѣвѣ, чтобы дверь скорѣе падала.

— Крупами двухъ или трехъ лошадей сразу, отвѣчалъ

Козе;—въ мое время мы такимъ-же образомъ взломали дверь въ одной казармѣ въ Перу.

Въ этотъ моментъ—вся сцена происходила съ быстротою мысли—Лиза, все еще склоненная у ногъ доньи Гермозы, чтобы помѣшать ей уйти, вскричала, плача:

— Сеньора, Богъ намъ поможетъ, я вспомнила; то письмо, я знаю, гдѣ оно, то письмо спасетъ насъ, сеньора!

— Какое письмо, Лиза?

— То, которое...

— Ахъ, да! Это дѣйствительно Божье внушеніе! Это единственное средство спасти его; дай его, дай его мнѣ!

Лиза вынула письмо изъ ящика, стоявшаго на одномъ изъ столовъ комнаты, и подала своей госпожѣ.

Донья Гермоза побѣжала къ дверямъ гостинной и обратилась къ двумъ мужчинамъ, притаившимся подъ навѣсомъ:

— Не шевелитесь, ради неба! слушайте все, но не говорите ничего и особенно не вхотите въ эту комнату.

Не ожидая отвѣта, она защелкнула дверную задвижку и, подбѣжавъ къ окну, внезапно открыла его.

При шумѣ открывшагося окна, десять или двѣнадцать человѣкъ, оставивъ дверь, бросились къ нему и просунули дула своихъ терсеролей сквозь отверстія желѣзной рѣшетки, защищавшей его.

Донья Гермоза не отбѣжала, она даже не двинулась съ мѣста, а сказала спокойнымъ и исполненнымъ достоинства голосомъ:

— Зачѣмъ нападаете вы на жилище женщины, сеньоры? здѣсь нѣтъ ни мужчинъ, ни богатствъ!

— Развѣ вы принимаете насъ за воровъ?—сказалъ съ грубымъ видомъ человѣкъ, выступившій впереди всѣхъ.

— Кто-же вы тогда?—спросила она сухо.

— Мы—военный патруль!

— Ахъ, если этотъ отрядъ военный патруль, то онъ не долженъ пытаться взломать двери *этого дома.*

— А кому принадлежитъ *этотъ домъ*, скажите пожалуй-

ста?—отвѣчалъ тотъ, который казался начальникомъ патруля, пародируя выговоръ молодой женщины при словахъ „этотъ домъ“.

— Прочтите и вы узнаете это, — сказала высокомѣрно донья Гермоза;—Лиза, посвѣти!

Тонъ доньи Гермозы, ея молодость, красота, таинственность того спокойствія и той угрозы, которыя заключались въ ея словахъ, сопровождаемыхъ представленіемъ его бумаги, произвели извѣстное впечатленіе на этихъ людей, которые начинали бояться, что они были обмануты и могутъ такимъ образомъ подвергнуться гнѣву Розаса.

— Но почему, сеньора, вы не открываете дверей?—сказалъ почти учтиво начальникъ патруля, который былъ никто иной, какъ самъ Мартинъ Санта-Колома.

— Читайте сначала, а затѣмъ я открою вамъ, если вы все еще требуете этого!—отвѣчала донья Гермоза, еще болѣе усиливая свой тонъ упрека.

Лиза, по знаку своей госпожи, приблизила свѣчу. Санта-Колома развернулъ письмо, не спуская глазъ съ молодой женщины, представшей предъ нимъ такимъ страннымъ образомъ въ этомъ мрачномъ пустынномъ мѣстѣ.

Онъ посмотрѣлъ сначала на подпись и удивленіе тотчасъ же отразилось на его энергичныхъ чертахъ, которымъ не хватало только красоты.

— Будьте добры прочесть вслухъ, чтобы всѣ слышали!—произнесла донья Гермоза.

— Сеньора, я начальникъ этого патруля, — отвѣчалъ онъ;—достаточно, если я буду одинъ знать содержаніе этого письма. Впрочемъ....

И онъ прочелъ, что тамъ было написано:

Сеньорѣ доньѣ Гермозѣ Саенъ де Салаберри.

„Моя прелестная соотечественница; съ большимъ сожаленіемъ я узнала, что Ваше уединеніе имѣютъ смѣлость нарушить безъ всякаго повода и безъ приказанія Татиты. Это большое злоупотребленіе, которое онъ наказалъ, еслибы узналъ о немъ. Тотъ образъ жизни, который Вы ведете,

не можетъ внушать подозрѣнія никому, исключая тѣхъ, кто злоупотребляетъ именемъ губернатора для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Вы принадлежите къ числу тѣхъ лицъ, которыхъ я люблю больше всего и я прошу Васъ, какъ Вашъ другъ, увѣдомить меня тотчасъ-же, какъ только въ другой разъ Васъ будутъ безпокоить, такъ какъ, еслибы это случилось безъ приказа Татиты, въ чемъ я убѣждена, то я его увѣдомлю сейчасъ-же объ этомъ, чтобы болѣе не злоупотребляли его именемъ.

„Повѣрьте, что это будетъ весьма счастливый моментъ въ моей жизни, когда я могу быть Вамъ полезной.

„Ваша покорнѣйшая слуга и другъ—Мануела Розасъ. 23 августа 1840 г.

— Сеньора,—проговорилъ Санта-Колома, снимая свою шляпу;—я никоимъ образомъ не имѣлъ намѣренія причинять вамъ непріятность; я не зналъ, кто живетъ въ этомъ домѣ, а предполагалъ, что нѣсколько лицъ, уѣхавшихъ часъ или два тому назадъ поблизости этихъ мѣстъ, вышли изъ этой дачи; я только что имѣлъ перестрѣлку съ непріятельской шлюпкой въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, и такъ какъ здѣсь вблизи нѣтъ другого дома, кромѣ этого....

— То вы и явились взломать у меня двери, не правда-ли?—прервала его сухо донья Гермоза, чтобы окончательно подавить его.

— Сеньора, такъ какъ мнѣ не открывали и такъ какъ я видѣлъ свѣтъ.... Но простите меня, я не зналъ, что здѣсь живетъ другъ доньи Мануелиты.

— Хорошо. Теперь не хотите-ли вы войти и осмотрѣть домъ?—и она сдѣлала движеніе, какъ-будто желая идти къ дверямъ.

— Нѣтъ, сеньора, нѣтъ! Я прошу у васъ только одной милости—позволить мнѣ прислать завтра починить дверь, которая, можетъ быть, разбита.

— Благодарю васъ, сеньоръ! Завтра я разсчитываю вернуться въ свой городской домъ; здѣсь ничего нѣтъ.

— Я отправлюсь самъ, — сказалъ Санта-Колома, — изви-

ниться передъ доньей Мануелитой; повѣрьте, что никакого дурного намѣренія съ моей стороны не было.

— Я убѣждена въ вашей правдивости; и вамъ безполезно извиняться, такъ какъ я не скажу никому о томъ, что здѣсь произошло. Вы ошиблись, вотъ и все!—сказала донья Гермоза, смягчая свой голосъ на сколько было возможно.

— Сеньоры на коней! Это федеральный домъ,—закричалъ Санта-Колома своимъ солдатамъ. Еще разъ прошу у васъ прощенія,—прибавилъ онъ обращаясь къ доньѣ Гермозѣ.— Покойной ночи, сеньора!

— Не хотите-ли вы отдохнуть немного?

— Нѣтъ, сеньора, тысячу разъ благодарю васъ. Это вы нуждаетесь въ отдыхѣ отъ тѣхъ непріятныхъ минутъ, которыя я вамъ невольно причинилъ!

Санта-Колома поклонился и уѣхалъ со шляпой въ рукѣ.

Минуту спустя донъ Луисъ нашелъ донью Гермозу бывшею въ салонѣ на софѣ въ обморокѣ.

Галопъ лошадей патруля вскорѣ затихъ вдали.

XXI.

Гдѣ министръ Ея Британскаго Величества боится компрометировать себя.

Исчезла надежда, которою жили унитаріи, получивъ извѣстіе о вступленіи арміи генерала Лавалля на самую территорію провинціи Буэносъ-Айресъ; этотъ генералъ, запугиваемый своими приверженцами, оставшимися въ Монтевидео; почти покинутый французами, на помощь которыхъ онъ имѣлъ ошибку разсчитывать для своего предпріятія и еще болѣе обманутый въ тѣхъ симпатіяхъ, которыя онъ разсчитывалъ встрѣтить среди жителей деревень, симпатій которыя почти совершенно отсутствовали, не осмѣлился взять на себя одного отвѣтственности за предпріятіе, которое имѣло такъ мало шансовъ на успѣхъ,—и противъ своего убѣж-

денія, съ яростью и отчаяніемъ въ душѣ началъ отступать въ провинціи.

Жители Буэносъ-Айреса испустили долгій крикъ скорби, видя окончательное удаленіе освободительной арміи.

Федералисты, какъ ни трусливы они казались нѣсколько дней тому назадъ, тотчасъ же начали проявлять все свое нахальство; немедленно началась страшная реакція: убійства, насилія, грабежъ стали обыкновеннымъ явленіемъ и тянулись длинной вереницей. Проскрипціи не знали себѣ границъ; звѣрства Масъ-Горки приняли страшные размѣры и какъ будто недостаточно было этихъ бичей обрушившихся на несчастный народъ, къ нимъ присоединилъ свои ужасы еще голодъ, вызванный Розасомъ, который какъ бы для своего удовольствія опустошилъ деревни. Былъ обнародованъ знаменитый законъ о конфискаціи имуществъ; богатыя семьи были ограблены безъ всякаго иного повода, кромѣ ихъ богатства. Вскорѣ нищета, голодъ и смерть распространились по Буэносъ-Айресу, по улицамъ котораго струилась кровь и который по энергичному выраженію очевидца, въ нѣсколько дней превратился въ настоящую человѣческую бойню.

Однажды около восьми часовъ вечера, по улицѣ Завоеванія быстро мчалась по направленію къ Барракасъ карета, запряженная парой лошадей.

Вскорѣ она остановилась передъ дачей сеньора министра Ея Британскаго Величества сэра Вальтера Спринга.

Эта карета не замедлила при своемъ проѣздѣ привлечь всеобщее вниманіе, такъ какъ въ это время республиканскаго федерализма кареты были отобраны, и лошади были предложены Ресторадору или взяты по федеральнымъ реквизиціямъ.

Поэтому, когда карета остановилась предъ домомъ англійскаго министра, собралось большое число любопытныхъ, чтобъ посмотрѣть на это чудо.

Кучеръ открылъ дверцу кареты и изъ нея вышли двое мужчинъ.

Одинъ изъ нихъ однако остался одно время стоять на

подножкѣ и между нимъ и другимъ лицомъ, оставшимся въ каретѣ произошелъ слѣдующій быстрый разговоръ:

— Вы ничего не забыли, мой дорогой учителъ?—спросилъ мужчина, стоявшій на подножкѣ.

— Нѣтъ, Мигуель, но....

— Но что?

— Не лучше-ли узнать, у себя-ли сеньоръ министръ раньше, чѣмъ я уѣду одинъ по этимъ мрачнымъ улицамъ, въ такой поздній часъ, заключенный въ этой каретѣ?

— Это не важно; если его нѣтъ, мы подождемъ, а когда вы вернетесь, то увидите насъ здѣсь.

— Но если пріоръ меня спроситъ?

— Я уже повторялъ вамъ сто разъ: вы не должны отвѣчать прямо ни на одинъ вопросъ; узнайте только, хотятъ или не хотятъ они сдѣлать то, о чемъ ихъ просятъ и какова-бы ни была сумма, которую они потребуютъ, они ее получатъ; вотъ и все!

— Непремѣнно надо чтобы онъ былъ моимъ племянникомъ?

— Или вашимъ сыномъ.

— У меня дѣти, Мигуель!

— Или двоюроднымъ братомъ.

— О!

— Или вашимъ пріемнымъ сыномъ, наконецъ, тѣмъ, что вы хотите.

— Пусть Богъ вложитъ свое благорадушіе въ мое сердце!

— И въ ваши уста, дорогой учитель.

— Вы можете вернуться скорѣе, чѣмъ черезъ часъ.

— Прощай, Мигуель, прощай!

— До скораго свиданія, мой дорогой учитель и другъ!

Донъ Мигуель сошелъ съ подножки, закрылъ дверцу кареты и сдѣлалъ знакъ Тонильо, бывшему за кучера.

Карета быстро помчалась.

Министръ былъ у себя.

Донъ Мигуель и его спутникъ, въ которомъ читатель

безъ сомнѣнія узнаетъ дона Луиса были введены въ гостиную, гдѣ только что зажигали лампы.

Сэръ Вальтеръ Спрингъ не заставилъ себя долго ждать; ласково улываясь, онъ вошелъ въ гостинную и протянулъ руку дону Мигуелю.

— Какой пріятный сюрпризъ, сеньоръ дель Кампо!— воскликнулъ онъ.—Вы не можете себѣ представить, какъ я счастливъ и гордъ тѣмъ, что принимаю васъ у себя!

— Сеньоръ Спрингъ,—отвѣчалъ Мигуель, пожимая руку министра,—я не знаю, какъ васъ благодарить за столь милый пріемъ. Позвольте мнѣ представить вамъ сеньора Бельграно, моего близкаго друга.

— А, сеньоръ Бельграно! Уже давно я желалъ имѣть честь познакомиться съ этимъ кабаллеро. Не подарите-ли вы мнѣ весь вечеръ, сеньоръ дель Кампо?

— Это счастье для меня не быть совсѣмъ неизвѣстнымъ сеньору Спрингу! — отвѣчалъ съ поклономъ донъ Луисъ.

— Что подѣлаете, мой юный другъ; хотя я и старъ, но испытываю большое удовольствіе въ обществѣ прекрасныхъ дамъ Буэносъ-Айреса; тамъ я узналъ имена наиболѣе выдающихся лицъ и ихъ городской молодежи.

— Каждое ваше слово комплиментъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это справедливость, сеньоръ Бельграно. Мы, старики, должны быть готовы всегда отдать отчетъ въ нашихъ поступкахъ Богу; поэтому не надо ли намъ стараться быть всегда справедливыми и правдивыми? Вы видѣли Мануелиту, сеньоръ дель Кампо?

— Не сегодня, сеньоръ Спрингъ.

— Что за очаровательное созданіе; я никогда не устану любоваться ею и говорить съ ней. Многіе думаютъ, что всѣ мои визиты къ Его Превосходительству имѣютъ цѣлью только политику; нѣтъ, я ищу въ обществѣ этой восхитительной дѣвушки чего-то такого, что успокоиваетъ мой духъ, измученный скучными дѣлами. Въ Лондонѣ Мизи Мануелита произвела-бы фуроръ.

— А ея отецъ?—спросилъ донъ Луисъ, котораго остановилъ взглядъ его друга.

— Ея отецъ!... сеньоръ генералъ Розасъ... видите-ли вы, въ Лондонѣ...

— Онъ заболѣлъ-бы!—сказалъ донъ Мигуель, чтобы вывести англійскаго министра изъ его затруднительнаго положенія.

— Да, въ Лондонѣ отвратительный климатъ. Вы были въ Европѣ, сеньоръ дель Кампо?

— Нѣтъ, сеньоръ, но я разсчитываю поѣхать туда на нѣсколько лѣтъ.

— Скоро?

— Да, но во всякомъ случаѣ не сейчасъ когда здѣсь находится эскадра сеньора де Макко!—сказалъ молодой человѣкъ, чтобы дать другой оборотъ разговору.

— Какъ! Вице-адмиралъ де-Макко уже прибылъ?

— Вы не знали этого, сеньоръ Спрингъ?

— Говоря по чести, нѣтъ.

— Ну, онъ прибылъ.

— Сюда?

— Нѣтъ; въ Монтевидео, третьяго дня, въ часъ пополудни.

— Его Превосходительство знаетъ это?

— Развѣ вы предполагаете, что если я знаю, то Его Превосходительство сеньоръ губернаторъ можетъ не знать?

— Это правда, это правда! Однако, странно, что коммидоръ ничего не сообщилъ мнѣ.

— Во время вечерни былъ виденъ англійскій бригъ.

— А, былъ противный вѣтеръ, сеньоръ Спрингъ,—сказалъ донъ Луисъ;—только въ пять часовъ шлюпка привезла это извѣстіе.

— Такъ что мы переживаемъ кризисъ! — сказалъ министръ, играя своими манжетками.

— Это еще не все.

— Есть еще что нибудь?

— Глупость, сеньоръ Спрингъ. Вы знаете, что мы ожи-

дали, что французскій посланникъ пріѣдетъ сюда къ намъ въ качествѣ врага, не правда-ли?

— Да, да, дѣйствительно!

— Ну, совсѣмъ нѣтъ; онъ пріѣхалъ съ самыми мирными намѣреніями.

— Ахъ, какое счастье!

— Для насъ?

— Для всѣхъ, сеньоръ дель Кампо!

— Исключая восточнаго вопроса.

— Да; дѣло можетъ и его коснуться.

— Самое маленькое затрудненіе для Франціи будетъ очень большимъ для европейскаго мира; теперь, къ счастью, отношенія, существующія между Франціей и Англіей, гарантируютъ намъ результатъ миссіи Макко.

— Британское правительство не замедлитъ въ этомъ случаѣ употребить все свое вліяніе.

— Я не то хотѣлъ сказать; напротивъ, если Англія хоть немного заинтересована тѣмъ, чтобы развлечь вниманіе Франціи Ла-Платскимъ вопросомъ, то она имѣетъ теперь превосходный случай для этого; сейчасъ только мы говорили объ этомъ съ сеньоромъ Бельграно.

— Однако... если инструкціи адмирала Макко требуютъ окончанія этого вопроса во что-бы то ни стало, то, признаюсь, не вижу, какимъ образомъ Англія, какъ-бы она ни была заинтересована въ этомъ дѣлѣ, можетъ воспрепятствовать улаженію этого вопроса.

— Здѣсь, нѣтъ, но во Франціи. Весьма легко, мнѣ кажется, было-бы помѣшать ратификаціи трактата, если-бы оказалась какая-нибудь ошибка, какой-нибудь пустякъ, который, къ счастью, не замѣтятъ во Франціи, но которая могла-бы парализовать все, если-бы Англія пробудила французскую оппозицію! — сказалъ донъ Луисъ министру, который тщетно пытался уловить тайную мысль молодыхъ людей.

— Но какую-же ошибку можно предполагать?—спросилъ сэръ Вальтеръ.

— Просто подпись сеньора губернатора! — сказалъ Мигуель.

— Какъ?

— Унитаріи, находящіеся въ Монтевидео, приготовились выставить на видъ сеньору Макко такое указаніе, которое до извѣстной степени является очень сильнымъ аргументомъ.

— И оно состоитъ... сеньоръ дель Кампо!

— Въ томъ, что подпись сеньора губернатора не имѣетъ никакого значенія. Вообразите себѣ, сеньоръ Спрингъ, что эти люди разсуждаютъ такъ: если сеньоръ адмиралъ Макко имѣетъ инструкціи для заключенія трактата на какихъ-бы то ни было условіяхъ, то въ Аргентинской республикѣ нѣтъ власти, съ которой онъ можетъ заключить договоры, что генералъ Розасъ не имѣетъ ни какого права, на власти заключать договоры отъ имени Аргентинской республики.

— Но это фактическая власть! — вскричалъ министръ, — дѣло адмирала не удостовѣрять ея законность, а только узнать ее и заключать съ ней договоры.

— Унитаріи отвергаютъ это, — отвѣчалъ Мигуель; — они говорятъ, что если адмиралъ заключаетъ трактатъ съ генераломъ Розасомъ, какъ простымъ губернаторомъ провинціи Буэносъ-Айресъ и только относительно этой провинціи, то онъ можетъ это дѣлать въ такой же формѣ, какъ адмиралъ Лебланъ и сеньоръ Мартиньи заключили договоръ съ правительствомъ провинціи Корріентесъ; но если онъ хочетъ заключить трактатъ съ правительствомъ, облеченнымъ націею верховною властью, то такого правительства не существуетъ.

— Въ этихъ разсужденіяхъ есть доля истины, въ самомъ дѣлѣ! — сказалъ задумчиво сеньоръ Спрингъ.

— Унитаріи подтверждаютъ свои доводы тѣмъ, что изъ четырнадцати провинцій, изъ которыхъ состоитъ Аргентинская республика, семь отказали генералу Розасу въ правѣ заключать отъ ихъ имени договоры.

— Вы думаете, что адмиралъ Макко знаетъ эти важные факты?

— Нельзя и сомнѣваться въ этомъ; но я боюсь, что до-

говоръ не подвинетъ впередъ дѣлъ, въ особенности если Англія вмѣшается; но Англія, я думаю, предоставить дѣла ихъ собственному теченію, несмотря на реакцію, которая замѣчается теперь въ ея пользу въ восточной части государства.

— Какъ, сеньоръ дель Кампо?

— Мнѣ кажется, что, когда будетъ потеряна надежда на Францію, общественныя симпатіи, вполнѣ послѣдовательно и логически, обратятся къ Англіи, которая въ прежнее время оказала немалую услугу дѣлу свободы.

— Дѣйствительно, независимость восточныхъ государствъ обязана до извѣстной степени вліянію Англіи.

— Такъ что послѣ потери французами своего вліянія, въ случаѣ, если восторжествуютъ ревнители свободы, дѣйствія Англіи не только будутъ успѣшны, но и помогутъ ей завоевать въ свою пользу весь районъ, потерянный Франціей въ этихъ странахъ съ богатымъ будущимъ.

— Сеньоръ дель Кампо, вы были-бы опаснымъ посланникомъ для генерала Розаса!—сказалъ министръ, не пропустившій ни одного слова молодого человѣка.

— Я думаю, мой другъ излагалъ не свои собственныя мысли!—замѣтилъ донъ Луисъ.

— Онѣ такъ мало принадлежатъ мнѣ,—возразилъ живо донъ Мигуель,—что я недалекъ отъ мысли, что я наговорилъ вамъ массу глупостей, повторяя на память то, что я слышалъ и читалъ въ журналахъ въ Монтевидео.

— Сеньоръ дель Кампо,— сказалъ хитрый англичанинъ,— я уже не столь благодаренъ вамъ за вашъ визитъ, такъ какъ вы отняли у меня по крайней мѣрѣ два часа сна въ эту ночь, заставивъ меня взяться за нѣкоторыя секретныя ноты. Поэтому, чтобы отдалить сонъ, мы выпьемъ немножко хересу.

Онъ самъ взялъ бутылку и, поставивъ на столъ стаканы, налилъ ихъ.

— Я принимаю хересъ, но не коснусь нотъ!—отвѣчалъ донъ Мигуель.

— Будьте любезны объяснить, почему, сеньоръ дель Кампо?

— Нѣтъ ничего легче, сеньоръ Спрингъ. Въ настоящее время одни иностранные министры могутъ браться за ноты, такъ какъ никто не выше клеветы. Какъ вы счастливы, сеньоръ Спрингъ, что, живя въ этомъ домѣ, въ то-же самое время находитесь въ Англіи.

— Это взаимныя уступки; аргентинское посольство въ Лондонѣ представляетъ собою Аргентинскую республику.

— Знаете-ли, сэръ Вальтеръ, какая вещь меня чрезвычайно удивляетъ?—сказалъ донъ Мигуель съ удивленнымъ видомъ.

— Какая, сеньоръ дель Кампо?

— Та, что, когда Англія находится такимъ образомъ въ Буэносъ-Айресѣ, гдѣ много лицъ дѣлаютъ тысячи лье, чтобы найти себѣ убѣжище, никому не приходитъ мысль сдѣлать всего нѣсколько шаговъ и придти сюда.

— А, да, но...

— Извините меня, я не хочу ничего знать; если нѣсколько несчастныхъ скрылись здѣсь подъ защитой англійскаго флага, то это долгъ и гуманность съ вашей стороны, сеньоръ Спрингъ; я не буду имѣть нескромность освѣдомляться объ этомъ.

— Здѣсь нѣтъ никого; даю вамъ честное слово, что никто не скрывается у меня. Мое исключительное положеніе и мои инструкціи положительнымъ образомъ предписываютъ мнѣ соблюдать полнѣйшій нейтралитетъ; при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ съ моей стороны, я не могу пренебрегать своими инструкціями.

— Такъ что этотъ домъ, какъ всѣ другіе и ничего больше!—сказалъ донъ Луисъ съ язвительной иroніей.

— Мы всѣ понимаемъ ваше положеніе, сэръ Вальтеръ,—поспѣшилъ прибавить донъ Мигуель;—въ настоящее время разгара народныхъ страстей само наше правительство было-бы не въ состояніи защитить этотъ домъ, и вы желаете избѣжать дипломатическихъ конфликтовъ, которые возникли-бы, еслибы народъ забылъ о правахъ посольства.

— Вотъ именно, — сказалъ министръ, довольный тѣмъ, что ему не пришлось отвѣчать на затруднительный вопросъ дона Луиса;—вотъ именно. Я нахожусь въ печальной необходимости отказывать въ убѣжищѣ многимъ лицамъ, которыя просили его у меня, потому что не могу отвѣчать за ихъ безопасность; да мнѣ и запрещено становиться въ такое положеніе, которое могло-бы вызвать конфликтъ со страною, къ жителямъ которой я чувствую глубочайшую симпатію и съ которой мое правительство стремится поддерживать самыя тѣсныя, дружественныя отношенія.

— Мнѣ кажется, Мигуель, наша карета подъѣхала и намъ пора предоставить сеньору Спрингу заняться его обычнымъ дѣломъ! — сказалъ донъ Луисъ, красный отъ негодованія.

— Я чувствую величайшее удовольствіе въ вашемъ обществѣ, сеньоръ Бельграно.

— Однако, мой другъ правъ; намъ надо разстаться съ сеньоромъ Спрингомъ и его превосходнымъ хересомъ!—прибавилъ донъ Мигуель.

Съ этими словами онъ наполнилъ два стакана, одинъ изъ нихъ поставилъ передъ министромъ и осушилъ другой, раскланиваясь съ нимъ съ самой любезной улыбкой.

Затѣмъ они распростились въ передней съ сеньоромъ министромъ Ея Британскаго Величества, который остался въ совершенномъ недоумѣніи, не зная, зачѣмъ приходили къ нему молодые люди, что такое они были въ дѣйствительности и что думали они о немъ при своемъ уходѣ.

XXII,

Какъ генеральный Консулъ Соединенныхъ Штатовъ понимаетъ обязанности своего званія.

Хотя дурное настроеніе дона Луиса и побудило его оставить гостинную сеньора Спринга не особенно вѣжливымъ

образомъ, однако его ухо не обмануло его, когда онъ сказалъ своему другу, что ихъ карета подъѣхала.

Въ самомъ дѣлѣ, ихъ дожидалась карета, заключавшая въ себѣ дона Кандидо Родригесъ, испустившаго вздохъ облегченія, когда онъ увидѣлъ дона Мигуеля и дона Луиса, входящихъ въ карету.

Едва послѣдняя начала танцевать по дурно содержимой мостовой улицѣ Реконкиста, какъ донъ Мигуель спросилъ у дона Кандидо:

— Къ которому изъ двухъ?

— Что такое, Мигуель?

— Въ Санъ-Доминго или въ Санъ-Франциско?

— Дай мнѣ сначала разсказать тебѣ о томъ, что произошло, спокойно, въ подробностяхъ, и....

— Я хочу знать все, но намъ надо начать съ конца, чтобы отдать приказаніе кучеру.

— Ты рѣшительно хочешь этого.

— Да, тысячу чертей!

— Очень хорошо.... Ты не разсердишься?

— Говорите или мы выбросимъ васъ на мостовую!— сказалъ донъ Луисъ съ такимъ взглядомъ, который устрашилъ дона Кандидо.

— Что за характеръ! Что за характеръ! Ну, горячіе молодые люди, моя дипломатическая миссія не удалась.

— Т. е. его не хотѣли принять ни въ Санъ-Доминго, ни въ Санъ Франциско?

— Нигдѣ.

Донъ Мигуель, открывъ переднее окно, сказалъ два слова Тонильо, и карета помчалась съ удвоенною быстротою по тому же направленію.

— Я тебѣ скажу,—продолжалъ Кандидо, — что велѣлъ каретѣ остановиться у Санъ-Доминго; выйдя изъ нея, я, сдѣлавъ крестное знаменіе, вошелъ въ мрачный и пустынный притворъ, гдѣ остановился и хлопнулъ въ ладони. Ко мнѣ вышелъ послушникъ съ лампой въ рукѣ. Я, освѣдомившись о здоровьѣ всѣхъ, спросилъ у него о томъ почтенномъ отцѣ,

котораго ты мнѣ назвалъ. Послушникъ повелъ меня въ его келью; войдя туда, я, послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій не преминулъ поздравить святого отца съ той спокойной, счастливой, и святой жизнью, которою онъ наслаждается въ этомъ домѣ покоя и мира; надо вамъ знать, что въ молодости мои вкусы и наклонности влекли меня въ монастырь и сегодня, когда я думаю о томъ, что могъ бы счастливо жить подъ священными сводами обители, вдали отъ политическихъ треволненій, запертый на ключъ, я не могу простить себѣ моей ошибки, моего безумія, моего ослѣпленія, наконецъ....

— Да, наконецъ; конецъ всегда лучше всего, мой дорогой учитель.

— Я сказалъ, что установилъ сначала основу всего.

— Вы были неправы.

— Развѣ я не долженъ былъ говорить оби этомъ?

— Да, ни никогда не начинаютъ съ того, чего хотятъ достигнуть.

— Дай ему говорить!—сказалъ донъ Луисъ, откидываясь въ уголъ кареты, какъ бы желая заснуть.

— Продолжайте,—сказалъ донъ Мигуель.

— Я продолжаю! я ясно и опредѣленно сказалъ ему о положеніи одного изъ моихъ племянниковъ, который будучи превосходнымъ федералистомъ, тѣмъ не менѣе подвергается преслѣдованію вслѣдствіе личной ненависти нѣкоторыхъ людей, изъ-за зависти, ревности нѣсколькихъ дурныхъ слугъ дѣла, не уважающихъ, какъ должно, славную честь и репутацію патріархальнаго правительства нашего знаменитаго Ресторадора законовъ и его уважаемой семьи. Съ краснорѣчіемъ и энтузіазмомъ я разсказалъ біографію всѣхъ членовъ знаменитыхъ семей высокочтимаго губернатора и Его Превосходительства сеньора временнаго губернатора, сказавъ въ заключеніе, что ради чести этихъ знаменитыхъ отпрысковъ федеральнаго древа религія и политика заинтересованы тѣмъ, чтобы избѣжалъ преслѣдованія племянникъ такого дяди, какъ я, давшій столько положительныхъ доказательствъ феде-

ральныхъ мужества и постоянства. Поэтому, — продолжалъ я,—чтобы не развлекать вниманія сеньоровъ губернаторовъ и другихъ высокопоставленныхъ и могущественныхъ особъ, занятыхъ въ настоящее время дарованіемъ независимости Америкѣ, я прошу у монастыря Санъ-Доминго убѣжища, защиты и пропитанія для моего невиннаго племянника, предлагая пожертвовать большую сумму золотомъ или кредитными билетами, какъ будетъ угодно благочестивымъ отцамъ. Такова была, въ крайне сжатомъ видѣ, моя рѣчь, которою я открылъ наши переговоры; однако, вопреки моимъ ожиданіямъ и предчуствію, благочестивый отецъ отвѣчалъ мнѣ:

— Сеньоръ, я хотѣлъ-бы быть вамъ полезнымъ, но намъ невозможно мѣшаться въ политическія дѣла; если вашего племянника преслѣдуютъ, стало быть онъ виноватъ.

— Я протестую противъ этого однажды, дважды и трижды,—отвѣчалъ я,—противъ всего, что осмѣлятся говорить противъ моего невиннаго племянника.

— Не въ томъ дѣло,—возразилъ онъ,—мы не можемъ идти противъ дона Хуана Мануеля. Единственная вещь, которая намъ позволена, это — просить Бога, чтобы онъ защитилъ вашего племянника, если онъ невиненъ.

— Аминь!—сказалъ донъ Луисъ.

— Это справедливо, — отвѣчалъ я,—продолжалъ донъ Кандидо,—и вставъ съ своего мѣста, попросилъ извиненія у Его Преподобія за то время, которое я отнялъ у него. Теперь я перехожу къ моимъ переговорамъ въ монастырѣ Санъ-Франциско.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Довольно монаховъ, ради Бога! и довольно всего, даже жизни! Это не жизнь, а адъ!— вскричалъ донъ Луисъ, блѣдный, съ нахмуренными бровями.

— Все это, мой дорогой другъ,—отвѣчалъ успокоительнымъ тономъ донъ Мигуель, — ничто иное, какъ сцена изъ великой драмы жизни, нашей жизни и нашей эпохи, даже, если хочешь, драмы, не имѣющей себѣ подобныхъ; но только

слабыя сердца позволяютъ отчаянію овладѣть собою въ критическія минуты: вспомни, что это были послѣднія слова Гермозы: она женщина, но — слава Богу! — у ней больше мужества, чѣмъ у тебя.

— Мужество умереть—это меньше всего; но хуже смерти униженіе. Со вчерашняго дня меня отовсюду гонятъ, мои слуги бѣгутъ отъ меня, родственники не признаютъ меня; иностранецъ и даже домъ Божій закрываютъ передо мною свои двери. Это тысячу разъ хуже, чѣмъ ударъ кинжала.

— Это правда; но ты имѣешь женщину подобной которой нѣтъ другой, возлѣ тебя преданный человѣкъ; дружба и любовь заботятся еще о тебѣ, а всѣ преслѣдуемые въ Буэносъ-Айресѣ не могли-бы сказать того-же. Вотъ три дня, какъ у тебя нѣтъ болѣе дома и ты раззоренъ. Они уничтожили, разграбили и конфисковали все твое имущество, какъ, по крайней мѣрѣ, они думаютъ, но я успѣлъ спасти тебѣ болѣе милліона піастровъ, а вмѣстѣ съ этимъ невѣсту, прекрасную, какъ день и такого друга, какъ я; слава Богу! я не вижу еще причинъ жаловаться тебѣ на свою судьбу.

— Да, но я блуждаю, какъ нищій.

— Оставь эти глупости, Луисъ!

— Куда мы ѣдемъ, Мигуель? Я замѣчаю, что мы приближаются къ Ретиро.

— Вѣрно, мой дорогой учитель.

— Въ своемъ-ли ты умѣ?

— Да, сеньоръ.

— Развѣ ты не знаешь, что полкъ генерала Раллона и часть батальона Масы находятся въ Ретиро?

— Знаю.

— Значитъ, ты хочешь, чтобы насъ арестовали?

— Какъ хотите.

— Мигуель, я не хочу еще, чтобы насъ принесли въ жертву. Кто знаетъ, сколько счастливыхъ дней еще ожидаетъ насъ въ будущемъ? Вернемся, сынъ мой, вернемся; обрати вниманіе на то, что мы находимся вблизи казармы; вернемся!

Донъ Мигуель снова опустилъ переднее стекло и сказалъ нѣсколько словъ Тонильо; карета повернула направо и менѣе, чѣмъ черезъ двѣ минуты, была передъ великолѣпнымъ домомъ сеньора Лаприды, въ которомъ жилъ тогда генеральный консулъ Соединенныхъ Штатовъ.

Большія желѣзныя ворота были заперты и во всемъ зданіи, даже шагахъ въ стахъ отъ рѣшетки, едва можно было разглядѣть свѣтъ въ комнатахъ перваго этажа.

Донъ Мигуель сильно ударилъ дважды молоткомъ и подождалъ мгновеніе. Никто не являлся.

— Поѣдемъ, Мигуель, — сказалъ донъ Кандидо изнутри кареты и съ глазами, устремленными на окна казармы, которая въ это время (десять часовъ вечера) была совершенно темна.

Донъ Мигуель ударилъ сильнѣе.

Вскорѣ медленно подошелъ къ рѣшеткѣ какой-то человѣкъ, мирно посмотрѣлъ и сказалъ по-англійски;

— Кто тамъ?

Донъ Мигуель отвѣчалъ ему также лаконически:

— Мастеръ Слэдъ?

Слуга молча вынулъ тогда ключъ изъ своего кармана и открылъ большія ворота

Донъ Кандидо тотчасъ-же выскочилъ изъ кареты и, ставъ между своими бывшими учениками, послѣдовалъ, подъ такой охраной, за слугою.

Послѣдній, заперевъ снова ворота, ввелъ ихъ въ маленькую переднюю, гдѣ и попросилъ ихъ знакомъ подождать, а самъ ушелъ.

Минуты двѣ спустя онъ снова появился на порогѣ двери и попросилъ ихъ выйти, все также знакомъ.

Гостинная была слабо освѣщены двумя восковыми свѣчами.

Сеньоръ Слэдъ полулежалъ на софѣ, въ рубашкѣ, безъ жилета, безъ галстуха и безъ сапогъ; на стулѣ, возлѣ софы, стояла бутылка коньяку, графинъ съ водою и стаканъ.

Донъ Мигуель только мелькомъ видалъ консула, но за то хорошо зналъ его націю.

Сеньоръ Слэдъ флегматично сѣлъ, пожелалъ добраго вечера вновь прибывшимъ, сдѣлалъ знакъ слугѣ пододвинуть стулья и такъ же спокойно надѣлъ свои сапоги и сюртукъ, какъ если-бы онъ былъ одинъ.

— Нашъ визитъ не будетъ продолжителенъ, гражданинъ Слэдъ!—сказалъ по-англійскій донъ Мигуель.

— Вы аргентинецъ?—спросилъ консулъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, высокаго роста, съ открытымъ и энергичнымъ лицомъ, хотя немного грубымъ.

— Да, сеньоръ, всѣ трое!—отвѣчалъ донъ Мигуель.

— Хорошо, я очень люблю аргентинцевъ. Джонъ, налейте коньяку.

— Я въ этомъ убѣжденъ, сеньоръ; поэтому я и пришелъ предложить вамъ случай выказать свои симпатіи.

— Я это знаю.

— Вы знаете, зачѣмъ я пришелъ, сеньоръ Слэдъ?

— Да; вы пришли искать убѣжища въ посольствѣ Соединенныхъ Штатовъ! Не правда-ли?

Донъ Мигуель былъ пораженъ этой странной откровенностью, но тотчасъ же понялъ, что надо пользоваться открытой передъ нимъ дорогой, и отвѣтилъ, отпивъ полстакана воды, смѣшанной съ коньякомъ:

— Да, мы пришли сюда для этого!

— Хорошо. Ну, вы здѣсь!

— Но сеньоръ Слэдъ ни знаетъ еще нашихъ именъ! — сказалъ донъ Луисъ.

— Зачѣмъ мнѣ ваши имена? Вотъ знамя Соединенныхъ Штатовъ; оно защищаетъ всѣхъ, каковы бы ни были ихъ имена!—прибавилъ консулъ, ложась спокойно на софу, безъ всякихъ церемоній, когда донъ Мигуель сжалъ ему энергически руку, проговоривъ съ волненіемъ.

— Вы наиболѣе полный типъ націи, самой свободной и самой демократичной на свѣтѣ!

— И самой сильной, прибавьте еще!—проговорилъ улыбаясь, консулъ.

— Да, и самой сильной,—вскричалъ донъ Луисъ,—такъ какъ у ней нѣтъ недостатка въ такихъ гражданахъ, какъ вы!

И молодой человѣкъ, будучи ве въ силахъ побѣдить своего волненія и желая скрыть его, всталъ и подошелъ къ балкону.

— Хорошо, мистеръ Следъ,—сказалъ Мигуель.—Мы не всѣ трое явились къ вамъ просить убѣжища, но только тотъ кабаллеро, который всталъ; это одинъ изъ самыхъ выдающихся молодыхъ людей нашей страны и его преслѣдуютъ; я не знаю, быть можетъ, впослѣдствіи и мнѣ придется просить вашего покровительства, но теперь я прошу его только для сеньора Бельграно, племянника одного изъ героевъ нашей назависимости.

— А, хорошо! Онъ здѣсь—въ Соединенныхъ Штатахъ.

— Никто не осмѣлится войти сюда?—спросилъ донъ Кандидо.

— Кто? — Задавъ этотъ вопросъ, консулъ нахмуривъ брови, посмотрѣлъ на дона Кандидо и сталъ смѣяться.— Я очень друженъ съ генераломъ Розасомъ,—продолжалъ онъ,—если онъ спроситъ у меня имена тѣхъ, которые находятся здѣсь, я ему скажу; но если онъ вздумаетъ силой взять ихъ отсюда, то у меня есть вотъ что!—и онъ показалъ на столъ, на которомъ лежали два пистолета, шпага и длинный ножъ;—а тамъ знамя Соединенныхъ штатовъ,— прибавилъ онъ, указывая рукою на потолокъ.

— И я въ помощь къ вамъ!—вскричалъ донъ Луисъ.

— Хорошо, спасибо. Съ вами это будетъ двадцать.

— У васъ находятся двадцать человѣкъ?

— Да, двадцать лицъ, искавшихъ у меня убѣжища.

— Здѣсь?

— Да, въ другихъ комнатахъ и въ верхнемъ этажѣ. Мнѣ говорили болѣе, чѣмъ о сотнѣ.

— А!

— Пусть приходятъ всѣ. У меня не хватитъ па всѣхъ кроватей, но за то кровъ и знамя Соединенныхъ Штатовъ для ихъ защиты [1])

— Хорошо, хорошо, у насъ все есть; намъ достаточно вашей защиты, благородный сынъ Вашингтона, и я также остаюсь здѣсь!—сказалъ донъ Кандидо, поднимая свою голову и ударяя по полу своею тростью съ такимъ серьезнымъ и рѣшительнымъ видомъ, что донъ Мигуель и донъ Луисъ не могли удержаться отъ смѣха.

Донъ Мигуель объяснилъ консулу по англiйски въ двухъ словахъ, съ какимъ человѣкомъ онъ имѣетъ дѣло Это сообщенiе доставило такое большое удовольствiе сеньору Слэду, что онъ самъ налилъ коньяку дону Кандидо и чокнулся съ нимъ, проговоривъ:

— Съ этого дня вы находитесь подъ защитой Соединенныхъ Штатовъ! Если васъ убьютъ, то я сожгу Буэносъ-Айресъ!

— Я не принимаю такой гипотезы, сеньоръ консулъ; если вамъ все равно, то я предпочелъ бы, чтобы вы раньше сожгли Буэносъ-Айресъ.

— Это шутки, мой дорогой сеньоръ донъ Кандидо!— сказалъ Мигуель,—Вамъ надо отправиться со мною.

— Я не уйду, и ты не имѣешь болѣе на меня никакихъ правъ, потому что я нахожусь на иностранной территорiи. Я хочу провести мою жизнь здѣсь, заботясь о здоровьи этого замѣчательнаго человѣка, котораго я уже необычайно люблю.

---

[1]) Говорили, что этотъ благородный гражданинъ продавалъ свое покровительство; но это гнусная клевета; онъ былъ, наоборотъ, такъ бѣденъ, что отослалъ свою семью въ Соединенные Штаты изъ за невозможности содержать ее прилично при себѣ. Онъ спасъ болѣе двухсотъ человѣкъ и окончательно раззорился, кормя ихъ. Никакой другой членъ дипломатическаго корпуса не отваживался подражать его благородному примѣру. Память о мистерѣ Слэдѣ свято чтится въ Буэносъ-Айресѣ.

Г. Эмаръ.

— Нѣтъ, сеньоръ донъ Кандидо,—сказалъ донъ Луисъ,—идите съ Мигуелемъ; вспомните, что у васъ дѣло завтра утромъ!

— Это безполезно, я не уйду: съ этого момента я разрываю всѣ наши отношенія.

Донъ Мигуель всталъ, отвелъ дона Кандидо въ сторону и сталъ быстро говорить съ нимъ; но все было-бы напрасно, если бы молодой человѣкъ къ угрозамъ не присоединилъ обѣщаніе того, что онъ предоставитъ ему полнѣйшую свободу вернуться въ Соединенные Штаты, какъ только онъ узнаетъ въ домѣ временнаго губернатора одну вещь, которую ему важно знать.

— Ну, хорошо,—сказалъ донъ Кандидо оканчивая перечисленіе своихъ условій,— эту ночь я проведу у тебя, а завтра, завтра я приду въ этотъ гостепріимный и безопасный домъ!

— Согласенъ!

— Сеньоръ консулъ,—продолжалъ донъ Кандидо, обращаясь къ мистеру Слэду,—я не могу сегодня ночью имѣть чести, удовольствія, удовлетворенія видѣть развѣвающимся надъ своей головою незапятнанное знамя Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, но завтра я сдѣлаю все, что будетъ отъ меня зависѣть, чтобы быть здѣсь.

— Хорошо,—отвѣчалъ консулъ,—я выпущу васъ только мертвымъ!

— Какой дьявольской откровенностью обладаетъ этотъ человѣкъ!—прошепталъ донъ Кандидо.

— Идемъ, другъ мой!—сказалъ молодой человѣкъ.

— Идемъ, Мигуель!

Мистеръ Слэдъ лѣниво всталъ, простился по англійски съ дономъ Мигуелемъ и, обнимая дона Кондидо, сказалъ:

— Если мы не увидимся больше, то надѣюсь, что встрѣтимся на небесахъ!

— Ба! Что это! Тогда я не ухожу, сеньоръ консулъ!—вскричалъ донъ Кандидо, дѣлая движеніе, чтобы снова сѣсть.

— Это шутка, мой дорогой учитель!—сказалъ Мигуель.

— Идемъ, идемъ, теперь поздно!

— Да, но эта шутка, которая...

— Идемъ! До завтра, Луисъ!

Молодые люди обнялись.

— Ради нея!—прошепталъ Луисъ.

Тотъ-же слуга, который ввелъ ихъ раньше, проводилъ ихъ до дверей на улицу; когда онъ открылъ ворота, донъ Кандидо спросилъ его:

— Дверь на улицу постоянно заперта?

— Да!—отвѣчалъ слуга.

— Не лучше-ли оставлять ее открытою?

— Нѣтъ!

— Какой дьявольскій лаконизмъ! Посмотрите на меня хорошенько, мой другъ; вы узнаете меня въ другой разъ?

— Да!

— Идемъ, сеньоръ донъ Кандидо! — сказалъ Мигуель, содясь въ карету.

— Ну, спокойной ночи, благородный слуга самаго знаменитаго изъ всѣхъ консуловъ!

— Добраго вечера!—отвѣчалъ слуга, запирая дверь.

Карета быстро покатилась.

XXIII.

Гдѣ оказалось, что донъ Кандидо приходился родственникомъ Китиньо.

Было около восьми часовъ утра. Старый учитель чистописанія дона Мигуеля поглощалъ огромными глотками пѣнящійся горячій шоколадъ изъ огромной чашки, тогда какъ его ученикъ приводилъ въ порядокъ, свертывалъ и запечатывалъ штукъ двадцать писемъ, написанныхъ, вѣроятно, въ теченіи только что истекшей ночи, которую, повидимому, оба мужчины провели безъ сна.

— Мигуель, сынъ мой, — сказалъ донъ Кандидо съ полнымъ ртомъ,—не отдохнуть-ли намъ немного, минутку, четверть часа?

— Сейчасъ, сеньоръ, послѣ; вы еще нужны мнѣ на нѣсколько минутъ!

— Но пусть это будетъ послѣднiй разъ, Мигуель, потому что я сегодня-же отправляюсь въ Соединенные Штаты. Знаешь-ли ты, что вотъ уже прошло пять дней, какъ я далъ слово этому уважаемому консулу поселиться на его территорiи?

— Вы не знаете, что тамъ такое?—сказалъ донъ Мигуель, запечатывая письмо.

— Что тамъ такое?

— Или что можетъ быть на этой территорiи?

— Нѣтъ, ты меня не обманешь; сегодня ночью, пока ты писалъ, я прочелъ пять трактатовъ международнаго права и два учебника дипломатiи, гдѣ спецiально разбираются вопросы о льготахъ, которыми пользуются дипломатическiя агенты, и домахъ, въ которыхъ они живутъ. Представь себѣ, Мигуель, даже ихъ кареты неприкосновенны. Это позволяетъ мнѣ заключить, что я могу съ безопасностью прогуливаться въ каретѣ консула, безъ страха, безопасно, спокойно!

— Ну, мой дорогой учитель, слушайте то, что я буду читать, и слѣдите внимательно за оригиналомъ, который вы мнѣ принесли!

— Вотъ моя бумага!—сказалъ донъ Кандидо.

— Или, правильнѣе, дона Филиппа...

— Конечно! Но она принадлежитъ мнѣ, какъ частному секретарю.

— Хорошо, — отвѣтилъ Мигуель и прочелъ списокъ, въ которомъ значилось двадцат восемь именъ, лицъ наиболѣе уважаемыхъ въ Боэносъ-Айресѣ, между которымн находилось имя дона Альваро Нуньесъ со слѣдующей мрачной припиской:

„Попался 18, въ половинѣ перваго часа ночи, въ руки Николая Мариньо; по словесному приказу, разстрѣлянъ часъ спустя въ казармѣ, неизвѣстно, по какой причинѣ.

И прочтя имя этого стараго и вѣрнаго друга его отца, донъ Мигуель вздрогнулъ и вытеръ слезу.

— Увы! Мигуель,—пробормоталъ донъ Кандидо, — самъ донъ Филиппъ плакалъ, узнавъ объ этой горестной потерѣ!

— Объ этомъ ужасномъ убійствѣ, хотите вы сказать! Но будемъ продолжать. Теперь, вотъ мертвые!—прибавилъ онъ, складывая бумагу, которую держалъ, и взялъ другую.

— Подожди, остановись, мой дорогой и любимый Мигуель, оставимъ мертвыхъ въ покоѣ!

— Я хочу посмотрѣть только цифру.

— Цифра вотъ, Мигуель: пятьдесятъ восемь въ двадцать два дня.

— Такъ, — отвѣчалъ Мигуель, записывая, — пятьдесятъ восемь въ двадцать два дня.

Онъ свернулъ и запечаталъ эту бумагу.

— Остаются еще марши арміи въ провинціи Санта-Фе.

—- Вотъ что я съ ними сдѣлаю! — сказалъ молодой человѣкъ.

Съ этими словами онъ хладнокровно поднесъ бумагу къ пламени свѣчи и сжегъ ее, затѣмъ заперъ всѣ эти депеши въ секретный ящикъ своего бюро.

Донъ Мигуель написалъ письмо дону Луису, въ которомъ, сообщивъ своему другу о кровавыхъ подвигахъ Масъ-Горки, прибавилъ, что эти убійства должны принять вскорѣ еще болѣе ужасающіе размѣры; затѣмъ онъ сообщилъ, что, какъ кажется, предполагается новый обыскъ въ дачѣ де-Баркасъ, но что еще ничего не рѣшено на этотъ счетъ и что слѣдуетъ удвоить свое благоразуміе; что донья Гермоза хотѣла назначить свою свадьбу съ нимъ 1-го октября, такъ какъ она не хочетъ покидать города иначе, какъ его женой, но что это невозможно, такъ какъ мистеръ Дугласъ, контрабандистъ людей, не вернется изъ Монтевидео раньше 5-го, что надо подождать до тѣхъ поръ. Письмо оканчивалось такъ:

„Все кончено, мой дорогой другъ; результатомъ переговоровъ съ адмираломъ Макко будетъ миръ. Однако, я буду

ждать до послѣдняго момента, затѣмъ отведу къ тебѣ Гермозу, какъ это было условлено.

Мои дѣла въ соверш нномъ порядкѣ; я ожидаю пріѣзда моего горячо любимаго отца съ минуты на минуту.

Я не увижусь съ тобою ранѣе послѣ завтра.

Нашъ старый учитель доставитъ тебѣ это письмо. Онъ рѣшилъ не выходить болѣе изъ консульства. Побереги его близъ себя".

— Вы заснули, сеньоръ донъ Кандидо?—сказалъ онъ, запечатывая письмо.

— Нѣтъ, я размышлялъ, дорогой Мигуель.

— А, вы размышляли!

— Да, я говорилъ себѣ, что, еслибы мать нашего главнаго сеньора губернатора не вышла замужъ за своего достойнаго супруга, то, вѣроятно, не имѣла-бы своего знаменитаго сына, а сегодня мы не страдали-бы изъ-за супружеской любви этой зловѣщей дамы.

— Другъ мой, клянусь вамъ, я никогда не думалъ объ этомъ! — отвѣчалъ съ величайшею серьезностью молодой человѣкъ, запечатавъ письмо и подавая его своему учителю.

— Это письмо безъ адреса?

— Все равно, оно къ Луису; спрячьте его!

— Я отнесу его сейчасъ.

— Когда хотите; но вы должны взять мою карету, а она еще не заложена.

— Я предпочитаю не ходить пѣшкомъ, спасибо!

Донъ Мигуель хотѣлъ позвонить, какъ въ дверь на улицу постучали, и почти тотчасъ-же пришедшій въ кабинетъ слуга доложилъ тревожнымъ голосомъ о приходѣ подполковника Китиньо.

Донъ Кандидо откинулся на спинку своего стула и закрылъ глаза.

— Пусть онъ войдетъ,—сказалъ молодой человѣкъ и прибавилъ, обращаясь къ своему старому учителю: успокойтесь, это ничего!

— Я мертвъ, дорогой Мигуель!—отвѣтилъ тотъ, не открывая глазъ.

— Войдите, подполковникъ!—сказалъ, вставая, Мигуель.

Донъ Кандидо, услыхавъ, что Китиньо вошелъ въ кабинетъ, чисто машинально всталъ сразу, раскрылъ свои губы съ конвульсивной улыбкой и протянулъ обѣ руки подполковнику, сѣвшему около угла того самаго стола, за которымъ учитель и ученикъ провели всю ночь.

— Когда вы получили мою записку, подполковникъ?

— Около шести часовъ утра, сеньоръ донъ Мигуель!

— Развѣ вы больны, что такъ опоздали?

— Нѣтъ, сеньоръ, я былъ въ экспедиціи.

— Вотъ я и говорилъ: Ohalà, еслибы всѣ были такіе, какъ вы, когда дѣло идетъ о службѣ! Такъ именно я говорилъ вчера президенту, потому что если мы желаемъ ходить размѣренными шагами, какъ начальникъ полиціи, то ужъ лучше признаемся прямо Ресторадору вмѣсто того, чтобы его обманывать. Что касается меня, подполковникъ, то я не знаю, что такое сонъ: я провелъ всю ночь съ этимъ сеньоромъ, запечатывая газеты, которыя я разсылаю по всѣмъ направленіямъ. Ресторадоръ хочетъ, чтобы вездѣ знали объ энтузіазмѣ федералистовъ и вотъ, нѣсколько минутъ тому назадъ, этотъ сеньоръ,—прибавилъ онъ, поворачиваясь къ дону Кандидо, который, зная, что Китиньо пришелъ по приглашенію Мигуеля, началъ приходить въ себя,—этотъ сеньоръ обратилъ мое вниманіе на одну вещь, которую вы, должно быть, уже замѣтили, подполковникъ!

— Что такое, донъ Мигуель?

— Что наша газета ни слова ни говоритъ о васъ и тѣхъ федералистахъ, которые каждую минуту рискуютъ своей жизнью для поддержки дѣла.

— Точно также она не говоритъ и о депешахъ.

— Кому вы ихъ адрессуете, подполковникъ?

— Теперь, когда Ресторадорѣ въ лагерѣ, я адресую ихъ въ полицію. Я замѣтилъ все, что вы сказали. Этотъ человѣкъ совершенно правъ.

— О сеньоръ полковникъ!—воскликнулъ донъ Кандидо,—кто не удивится молчанію о такомъ человѣкѣ, который имѣетъ такія прекрасныя качества, какъ вы?!

— Да, и который ведетъ свое начало издавна!

— Конечно, издавна, — отвѣчалъ донъ Кандидо; — уже до вашего рожденія вы владѣли благосклонностью общества, потому что сеньоръ Китиньо, вашъ отецъ, принадлежитъ къ одной изъ древнѣйшихъ вѣтвей нашей благородной фамиліи. Одинъ изъ вашихъ знаменитыхъ дядей, уважаемый сеньоръ подполковникъ, женился на одной изъ кузинъ моей матери, такъ что я всегда имѣлъ къ вамъ симпатію добраго родственника тѣмъ болѣе, что мы связаны еще тѣсными узами нашего общаго федеральнаго дѣла.

— Такъ вы мой родственникъ?—спросилъ Китиньо.

— Родственникъ очень близкій, — отвѣчалъ донъ Кандидо,—одна и та же кровь течетъ въ нашихъ жилахъ и мы обязаны другъ къ другу взаимной дружбой, покровительствомъ и уваженіемъ для сохраненія этой драгоцѣнной крови.

— Хорошо! Если я могу быть вамъ чѣмъ-либо полезнымъ....

— Итакъ, подполковникъ,—прервалъ его донъ Мигуель, чтобы помѣшать дону Кандидо распространяться дальше,—даже не публикуютъ вашихъ депешъ?

— Нѣтъ, сеньоръ! Я только что отправилъ депешу о дикомъ унитаріи Халасѣ; они не опубликуютъ ее.

— Халасъ?

— Ну, да, старый Халасъ; мы его сейчасъ только умертвили.

Донъ Кандидо закрылъ свои глаза.

— Онъ легъ,—продолжалъ Кандидо,—но мы его выбросили на улицу, гдѣ онъ и былъ убитъ передъ своими дверями. Въ другой день, мы такимъ же образомъ покончили съ Тукуманомъ Ламадридомъ. Прошлый четвергъ мы умертвили Заньюдо и семерыхъ другихъ; объ этомъ ничего не говорили въ Газетѣ. Въ томъ, что касается меня, мой кузенъ правъ.... Какъ его зовутъ?

— Кандидо!—отвѣчалъ донъ Мигуель, видя, что владѣтель этого имени совсѣмъ не владѣетъ собой.

— Я сказалъ, что мой кузенъ Кандидо правъ и что теперь, когда начнется большое дѣло, я болѣе не скажу ничего никому.

— Какъ! Развѣ это скоро начнется? — спросилъ донъ Кандидо голосомъ, прерывавшимся отъ ужаса.

— Ну, да! Теперь начнется хорошее дѣло; мы уже получили приказъ.

— Вы получили его прямо, сеньоръ подполковникъ?

— Да, сеньоръ донъ Мигуель. Я веду переписку прямо съ Ресторадоромъ. Я не хочу имѣть ничего общаго съ доньей Маріей Хозефой.

— Она чернила васъ.

— Теперь она прицѣпилась къ Гаетану, къ Бадіа и Тронкозо и все время думаетъ о Барракасъ и о томъ дикомъ унитаріи, который ускользнулъ, какъ будто онъ уже не находится давно съ Лаваллемъ.

— Эта дама и меня ненавидитъ!

— Нѣтъ, она ничего не говорила мнѣ про васъ; но вашу кузину она ненавидитъ.

— На этихъ дняхъ я скажу вамъ, почему, подполковникъ.

— Сегодня она заперлась съ Тронкозо и негритянкой тамъ, въ окресностяхъ дачи.

— Вотъ вы, подполковникъ, занимаетесь настоящей федераціей! А чѣмъ занята донья Марія Хозефа...

— Ché! она шпіонитъ за женщинами.

— Очевидно, негритянка—шпіонка. Не хотите-ли чего закусить, подполковникъ?

— Ничего, донъ Мигуель; я только что завтракалъ.

— Вы ничего не узнали?

— О чемъ?

— Вы еще не получили извѣстнаго приказа?

— Я не знаю.

— О Ретиро.

— О Ретиро?

— Ну, да, большой домъ.

— Домъ консула?

— Да.

— Нѣтъ, у насъ нѣтъ еще приказа, но мы уже знаемъ.

— Такъ?—спросилъ донъ Мигуель.

При этомъ вопросѣ онъ, сложивъ, вмѣстѣ пальцы правой руки, поднялъ ихъ на высоту глазъ Китиньо; донъ Кандидо, съ волосами чуть не ставшими дыбомъ, съ глазами, готовыми выскочить изъ орбитъ, подумалъ, что самъ Іуда воплотился въ дона Мигуеля.

— Я знаю!—отвѣчалъ Китиньо.

— Но приказа нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Тѣмъ лучше, подполковникъ!

— Какъ тѣмъ лучше?

— Да, я знаю, что говорю, вотъ почему и спросилъ у васъ объ этомъ; вашъ кузенъ увѣренъ; онъ знаетъ всѣ эти секреты.

— Что-же такое?

— Еще не время!

— А!

— Ихъ еще слишкомъ мало; но какъ только *доброе дѣло* начнется, домъ будетъ полонъ и около 8 или 9.... Вы меня понимаете?

— Да, донъ Мигуель!—вскричалъ Китиньо съ свирѣпой радостью.

— Всѣхъ вмѣстѣ, одной сѣтью.

Донъ Кандидо думалъ, что онъ сходитъ съ ума: онъ не могъ вѣрить тому, что слышалъ.

— Вѣрно!—промолвилъ Китиньо, — такъ будетъ лучше; но у насъ нѣтъ приказа, донъ Мигуель.

— Чортъ возьми! Безъ приказа.... Гм.... я понимаю это.

— И Санта-Колома?

— Я знаю.

— Онъ сильно смахиваетъ на гринго (иностранца)!

— Это правда, подполковникъ.

— Они вмѣстѣ могутъ что-нибудь напутать.

— Правда; такъ что если я получу приказъ....

— Со всѣмъ моимъ отрядомъ, донъ Мигуель.

— Но если Санта-Колома получитъ его, вы меня извѣстите?

— Конечно!

— Вотъ почему надо это: весьма важно, чтобы я пошелъ съ вами, чтобы увлеченные федеральнымъ энтузіазмомъ не трогали бумагъ консула.

— Ага!

— Ресторадоръ былъ-бы очень раздраженъ тѣми осложненіями, которыя могли-бы произойти вслѣдствіе захвата консульскихъ бумагъ; вы понимаете?

— Да, донъ Мигуель.

— Однако, если и Санта-Колома получитъ приказъ, то я держусь того мнѣнія, что намъ надо подождать, чтобы ихъ собралось больше: около 8 или 9.

— Правда, такъ лучше.

— Какой ударъ, подполковникъ!

— Мы его желаемъ всѣ!

— Такъ что вы всѣ это знаете?

— Всѣ; но мы не смѣемъ ничего дѣлать, пока не будетъ отданъ приказъ.

— Вы правы; вотъ это называется быть федералистомъ!

— Но знаете-ли вы, о чемъ я думалъ?

— Скажите, подполковникъ.

— Начиная съ этой ночи, мы разставимъ вокругъ дома посты.

— Хорошо придумано; но остерегайтесь одной вещи.

— Какой?

— Не арестуйте экипажей, а только пѣшеходовъ.

— Почему же нельзя арестовывать экипажей?

— Потому что они могутъ принадлежать консулу, а вы не должны касаться ихъ!

— Почему это?

— Потому что они принадлежатъ ему, а все, что относится къ консульству, находится подъ покровительствомъ губернатора.

— Ага!

— Такъ что коснуться экипажа — значитъ нарушить неприкосновенность консула.

— Я и не зналъ этого!

— Вотъ видите, какъ полезно было поговорить! Каковъ-бы былъ гнѣвъ Ресторадора, еслибы какая нибудь неловкость повела къ новымъ войнамъ!

— Я пойду сейчасъ-же извѣстить своихъ товарищей.

— Не теряйте ни секунды, эти вещи очень деликатны!

— Дѣйствительно.

— Итакъ, ничего безъ приказа!

— Боже сохрани, сеньоръ донъ Мигуель!

— Когда будетъ полученъ приказъ, мы подождемъ, чтобы ихъ набралось больше.

— Такъ. Хорошо, донъ Мигуель. Я ухожу; боюсь, чтобы они не арестовали экипажа.

— Да, скажите это всѣмъ.

— Итакъ, Кандидо, если я могу тебѣ услужить, то ты знаешь, что я твой кузенъ?

— Благодарю, мой дорогой и уважаемый кузенъ!—отвѣчалъ донъ Кандидо, имѣвшій видъ скорѣе мертвеца, нежели живого человѣка, вставая съ своего мѣста и пожимая руку, протянутую ему Китиньо.

— Гдѣ ты живешь?

— Дорогой другъ, я живу... я живу здѣсь!

— Хорошо я навѣщу тебя.

— Благодарю, благодарю!

— Прощай-же!

Катиньо вышелъ въ сопровожденіи дона Мигуеля, который, простившись съ нимъ въ передней, порылся у себя въ карманѣ и произнесъ:

— Подполковникъ, это для васъ; тутъ пять тысячъ піастровъ, присланныхъ моимъ отцомъ для раздачи между

бѣдными федералистами. Будьте добры принять на себя эту заботу!

— Давайте, донъ Мигуель. Когда прiѣзжаетъ сеньоръ донъ Антонiо?

— Я жду его съ минуты на минуту!

– Извѣстите меня немедленно сбъ его прiѣздѣ.

— Непремѣнно, подполковникъ. До свиданiя и служите дѣлу!

Донъ Мигуель вернулся въ свой кабинетъ и, не обращая никакого вниманiя на дона Кандидо, осматривавшаго его съ ногъ до головы глазами, въ которыхъ былъ замѣтенъ гнѣвъ, смѣшанный съ крайнимъ изумленiемъ, сѣлъ за столъ и написалъ слѣдующую записку:

„Дорогой Луисъ, была рѣчь о нападенiи на домъ сеньора Слэда; я хорошо знаю, что еще нѣтъ никакого приказа на этотъ счетъ; но важно, чтобы консулъ увѣдомилъ всѣхъ лицъ, скрывающихся у него, что они никоимъ образомъ не должны выходить изъ дому пѣшкомъ, такъ какъ за домомъ будетъ установленъ надзоръ; но за то они могутъ вполнѣ безопасно выѣзжать въ экипажѣ и, если возможно, лучше въ консульскомъ“.

Прощай!

— Теперь, мой дорогой учитель, вмѣсто одного письма, вы отнесете два! — и донъ Мугуель протянулъ дону Кандидо записку.

Но послѣднiй отвѣтилъ.

— Нѣтъ! не хочешь-ли ты и меня впутать въ черную измѣну?

— Adios mi plata!—прощай мои денежки!

— Вы съ ума сошли, почтенный кузенъ Китиньо!

— Кузеномъ Вельзевула преисподней долженъ быть этотъ разбойникъ!

— Но вы сами-же называли такъ?

— Развѣ я сознаю самъ, что говорю! Мнѣ кажется, что я схожу съ ума въ этомъ лабиринтѣ преступленiй, измѣнъ и лжи!

— Кто ты такой, скажи мнѣ! Опредѣли твое положеніе, какимъ образомъ ты говорилъ въ моемъ присутствіи о нападеніи на домъ, гдѣ я хочу искать убѣжища, гдѣ находится молодой человѣкъ, котораго ты называешь своимъ другомъ, гдѣ...

— Ради Бога, сеньоръ донъ Кандидо! Я вамъ объясню все это.

— Какое объясненіе можетъ быть тому, что я слышалъ собственными ушами?

— Вотъ какое!—сказалъ донъ Мигуель, развертывая и подавая серьезно испуганному дону Кандидо послѣднюю, написанную имъ записку.

— А!—вскричалъ тотъ, прочтя ее два раза.

— Вотъ что значитъ, сеньоръ донъ Кандидо, извлекать выгоды изъ сношеній съ иностранцами, опутывать людей ихъ-же собственными сетями и заставлять своихъ враговъ служить себѣ; это наука Ришелье, прилагаемая, правда, къ мелочамъ, потому что передъ ними нѣтъ ни Ларошели, ни Англіи; но еслибы онѣ были, мы дѣйствовали-бы также. Теперь ступайте съ миромъ и отдыхайте спокойно на сѣверо-американской территоріи!

— Приди въ мои объятія, удивительный молодой человѣкъ, облегчившій самую ужасную минуту въ моей жизни!

— Обнимемся и садитесь въ мою карету, знаменитый кузенъ Китиньо!

— Не смѣйся надо мною, Мигуель!

— Хорошо, до завтра, нѣтъ до послѣ завтра; карета у дверей!

— Прощай, Мигуель!

Бѣдный донъ Кандидо обнялъ въ послѣдній разъ своего ученика, который, полчаса спустя пытался заснуть, между тѣмъ какъ почтенный профессоръ каллиграфіи, съ высоко поднятою головою, прогуливался по территоріи Соединенныхъ Штатовъ, какъ онъ выражался, пока донъ Луисъ читалъ обѣ записки своего друга.

---

*

XXIV.

Гдѣ эта длинная исторія обѣщаетъ кончиться, подобно водевилю.

5-го октября, — день, назначенный для свадьбы доньи Гермозы и дона Луиса,—при наступленіи ночи, передъ домомъ попечительства о бѣдныхъ улицы Корріентесъ, остановилась карета. Въ ту-же самую минута дверь дома открылась,—и изъ нея вышелъ священникъ съ бѣлыми волосами, сѣлъ въ карету, гдѣ, повидимому, его ждали два лица, и лошади тотчасъ-же помчались, повернувъ въ улицу Суйпача; но внезапно онѣ должны были замедлить свой бѣгъ, чтобы не врѣзаться въ средину группы кавалеристовъ, состоявшихъ человѣкъ изъ двѣнадцати солдатъ, въ костюмѣ гаучо, не подкованные лошади которыхъ, повидимому, совершили большой переѣздъ. Одинъ изъ этихъ всадниковъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти съ характерными чертами своего энергичнаго лица, казалось, былъ начальникомъ или хозяиномъ прочихъ, о чемъ можно было судить какъ по тому почтительному отдаленію, въ которомъ держались отъ него прочіе кавалеристы, такъ и по богатому убранству его лошади.

Замѣтивъ этого всадника, кучеръ кареты испустилъ подавленный крикъ удивленія, сдѣлалъ движеніе, чтобы остановить карету, но солдаты исчезли, и карета безпрепятственно продолжала свой путь.

Нѣсколько минутъ спустя она остановилась у дверей дачи Барракасъ и изъ нея вышли три человѣка.

Эти лица были — донъ Луисъ Бельграно, донъ Мигуель и священникъ, о которомъ мы говорили.

Тонильо, соскочивъ съ козелъ, почтительно приблизился къ своему господину и, когда послѣдній хотѣлъ войти въ домъ, тронулъ его слегка за руку.

— Чего ты хочешь?—спросилъ донъ Мигуель.

— Вы не видѣли, mi amo *) всадниковъ, которые пересѣкли намъ дорогу на улицѣ Федераціи?

---

*) Хозяинъ.

— Я едва замѣтилъ ихъ.

— Того, кто ѣхалъ во главѣ ихъ?

— Ну?

— Это былъ вашъ отецъ, mi amo!

Молодой человѣкъ вздрогнулъ и лучъ радости блеснулъ въ его взорѣ.

— Ты не ошибаешься?

— О, mi amo!

— Хорошо! Садись снова на козлы и будь наготовѣ, а главное—молчаніе!

Тонильо поклонился.

— Отецъ,—прошепталъ про себя донъ Мигуель,—самъ Богъ посылаетъ его въ эту минуту!

И онъ вошелъ въ домъ дверь котораго опять молча заперли за нимъ.

Хотя дача и казалась снаружи совершенно темною, но внутри ея донья Гермоза устроила храмъ.

Она заканчивала свой туалетъ для новобрачной.

Часы пробили восемь разъ; молодая женщина вздрогнула.

— Вы поблѣднѣли, сеньора,—сказала, улыбаясь, Лиза,—какъ разъ въ ту минуту, когда пробило восемь часовъ!

— Да, этотъ бой испугалъ меня!—отвѣчала донья Гермоза, проводя рукой по лбу и садясь въ кресла.

— Потому что пробило восемь часовъ!

— Да, я не понимаю сама, что дѣлается, со мною, но съ шести часовъ вечера, каждый разъ, какъ я слышу бой часовъ, я испытываю страшное страданіе.

— Дѣйствительно, и я замѣтила это!—проговорила дѣвушка.—Знаете-ли, что я сдѣлаю?

— Что, Лиза?

— Я остановлю часы, чтобы, когда пробьетъ девять часовъ, вы не блѣднѣли и не страдали болѣе.

— Нѣтъ, Лиза. Въ девять часовъ они будутъ здѣсь и все будетъ кончено; впрочемъ это пустяки, я уже не страдаю.

Она встала и прошла въ гостинную, блиставшую огнями.

— Правда, правда!—вскричала радостно Лиза;—вотъ вы сдѣлались еще прекраснѣе, чѣмъ я когда-либо видѣла васъ, сеньора!

— Молчи, сумасшедшая! Поди и позови ко мнѣ Хозе.

Лиза повиновалась и почти тотчасъ-же вошла вновь со старымъ солдатомъ.

— Хозе,—сказала ему донья Гермоза съ прелестной улыбкой,—вы одинъ изъ самыхъ старыхъ и преданныхъ помощниковъ моего отца; вы видѣли меня ребенкомъ, я почти ваше дитя; я хочу просить у васъ одной услуги:

— У меня, сеньора?—отвѣчалъ съ удивленіемъ ветеранъ;—о, говорите!

— Я хочу, чтобы вы были свидѣтелемъ моей свадьбы; никого другого не будетъ, кромѣ васъ съ дономъ Мигуелемъ.

Вмѣсто всякаго отвѣта, старый солдатъ, приблизившись къ своей госпожѣ, почтительно поцѣловалъ у ней руку.

— Благодарю!—сказала, улыбаясь, молодая женщина.— Вы разсчитали слугъ?

— Такъ, какъ вы приказали, сеньора; я отпустилъ ихъ еще съ вечерни.

— Значитъ, вы одинъ?

— Одинъ.

— Хорошо. Завтра вы раздадите имъ эти деньги, не говоря за что.—И взявъ свертокъ съ банковыми билетами, она вложила его въ руку Хозе.

— Сеньора,—сказала Лиза,—мнѣ кажется, слышенъ шумъ на улицѣ.

— Все заперто, Хозе?

— Да, сеньора, только рѣшетка дачи,—я не знаю, что это значитъ,—вотъ ужъ второй разъ я докладываю вамъ объ этомъ, сеньора,—была открыта сегодня утромъ, хотя я самъ заперъ ее вчера вечеромъ и взялъ съ собою ключь.

— Не будемъ думать объ этомъ въ эту ночь!

— Сеньора,—сказала снова Лиза,—я слышу шумъ; это, кажется, карета.

— И я тоже думаю.

— Она остановилась.

— Это правда: это они! Подите, Хозе, но не открывайте, пока не удостовѣритесь.

— Будьте покойны, сеньора, я одинъ, но.... будьте покойны!

Донья Гермоза не ошиблась; пріѣхавшіе были дѣйствительно тѣ, кого она ждала съ такимъ безпокойствомъ.

Она открыла дверь изъ своей уборной въ гостинную и узнала шаги Мигуеля, шедшаго черезъ кабинетъ и ея спальню.

— А, сеньора,—произнесъ молодой человѣкъ, съ восхищеніемъ останавливаясь на порогѣ дверей въ уборную,—я надѣялся имѣть удовольствіе встрѣтить здѣсь прелестную женщину и вотъ натыкаюсь на богиню!

— Правда?—спросила она съ восхитительной улыбкой.

— Правда!—произнесъ онъ, подходя ближе. — Такая правда, что, мнѣ кажется, я въ первый разъ такъ восхищаюсь женщиной, какъ я восхищался другой, которой.....

— Которой я передамъ объ этой новости сегодня-же ночью.

— Хорошо! А я... я... я вамъ вотъ что сдѣлаю,—И схвативъ свою кузину за талію, онъ поцѣловалъ ее въ обѣ щеки, затѣмъ сдѣлалъ четыре прыжка впередъ, смѣясь, какъ ребенокъ.—Поговоримъ теперь серьезно!—сказалъ онъ.

— Пора, негодный!—отвѣчала она съ своей прелестной улыбкой.

— Луисъ тамъ!

— А я здѣсь!

— И я также; мнѣ остается только взяться за васъ.

— Не на мнѣ только!

— Ты-бы сдѣлала хорошо. Священникъ здѣсь, ему можно остаться не болѣе десяти минутъ.

— Почему это?

— Потому что, пока онъ остается, карета должна стоять у дверей.

— Ну, такъ что-же?

— Ну, можетъ пройти какой-нибудь патруль; карета возбудитъ его вниманіе, онъ станетъ слѣдить и....

— Ахъ, да, да, я понимаю все.... Идемъ, Мигуель; но...— прибавила она, опираясь на стѣнку кресла

— Но что!

— Я не знаю.... Я хотѣла-бы смѣяться сама надъ собою, но не могу. Я не знаю, что чувствую въ своемъ сердцѣ, но.....

— Идемъ, Гермоза!

— Идемъ, Мигуель!

Молодой человѣкъ подалъ руку своей кузинѣ и повелъ ее въ гостинную, гдѣ ихъ ждали донъ Луисъ, одѣтый во все черное, и священникъ.

Донъ Луисъ былъ блѣденъ, безпокоенъ; онъ также чувствовалъ, что его сердце сжимается отъ какого-то предчувствія. Священникъ, предупрежденный дономъ Мигуелемъ о необходимости окончить какъ можно скорѣе церемонію, всѣ необходимыя принадлежности для которой были приготовлены заранѣе, тотчасъ же приступилъ къ самому серьезному акту своей священной службы.

Въ гостинной находилось только шесть человѣкъ: священникъ, новобрачные, донъ Мигуель, Хозе и Лиза.

Въ эту эпоху убійства и измѣны надо было обладать большимъ мужествомъ тѣмъ священникамъ, которые остались чистыми и, слѣдовательно, были внесены въ списки осужденныхъ и принуждены были скрываться, чтобы рисковать вѣрною смертью, исполняя тайнымъ образомъ обязанности ихъ сана.

Святой отецъ, приведенный Мигуелемъ, давно знавшимъ его, отвѣчалъ на предложеніе молодого человѣка однимъ словомъ:

— Идемъ!

Когда послѣдній хотѣлъ вложить ему въ руку кошелекъ,

полный золота, онъ, тихонько оттолкнулъ его и сказалъ Мигуелю съ кроткой и печальной улыбкой:

— Такихъ вещей не дѣлаютъ за деньги, братъ мой; я солдатъ Христа и исполню свой долгъ, что бы ни случилось со мною затѣмъ.

Спокойный, полный достоинства и съ улыбкой на губахъ, вошелъ онъ въ этотъ домъ, при выходѣ изъ котораго быть можетъ, его ждала страшная смерть.

Церемонія началась; она была проста, но величественна.

Священникъ произнесъ молитву, задалъ тотъ вопросъ, отвѣтъ на который закрѣпляетъ судьбу супруговъ и за предѣлами гроба и который ни одни человѣческія уста не могутъ выполнить безъ живого біенія сердца. Протоколъ церемоніи былъ подписанъ священникомъ, супругами и свидѣтелями: донъ Луисъ и донья Гермоза были соединены навѣки и ни какая человѣческая власть отнынѣ не могла разорвать на землѣ тѣ узы, которыя были заключены на небѣ.

Вздохъ облегченія вырвался изъ стѣсненной груди молодыхъ супруговъ; при нѣжномъ пожатіи ихъ рукъ, лица ихъ, бывшія блѣдныя за минуту передъ тѣмъ, окрасились живымъ румянцемъ: счастливое будущее открывалось передъ ними.

Едва, по окончаніи церемоніи, донья Гермоза успѣла обнять дона Луиса, плакавшаго отъ радости въ ея объятіяхъ, какъ донъ Мигуель подошелъ къ Хозе.

— Ваша лошадь осѣдлана? — спросилъ онъ у стараго слуги шопотомъ

— Да.

— Мнѣ она нужна на часъ!

— Хорошо.

И онъ вышелъ, не произнеся болѣе ни слова.

Донъ Мигуель приблизился тогда къ доньѣ Гермозѣ, взялъ ее за руку и ввелъ въ кабинетъ.

— Священникъ уходитъ и я также! — сказалъ ей онъ прямо.

— Ты?

— Да, m-me Бельграно, я, потому что я осужденъ не быть спокойнымъ нигдѣ для того, чтобы вашъ супругъ былъ спокоенъ въ Монтевидео.

— Что такое, Боже мой! Что такое! Не обѣщалъ-ли ты намъ, что останешься съ ними до самаго отъюзда!

— Да, и вотъ именно изъ-за этого-то обѣщанія я и долженъ идти немедленно. Послушай: ты знаешь, что мы условились сѣсть въ лодку у Бака, потому что никто не подумаетъ наблюдать въ этомъ мѣстѣ. Дугласъ будетъ насъ ждать между девятью и десятью часами въ одной изъ хижинъ, находящихся въ этомъ мѣстѣ, чтобы въ случаѣ какого-нибудь непредвиденнаго обстоятельства, мы могли измѣнить свой планъ. Такъ какъ этотъ шотландецъ пунктуаленъ, какъ англичанинъ,—а этимъ все сказано,—то я увѣренъ, что черезъ четверть часа онъ будетъ въ хижинѣ, потому что скоро пробьетъ девять часовъ. Раньше, чѣмъ черезъ часъ я вернусь. Въ это время Тонильо, служащій мнѣ за кучера, отвезетъ священника; затѣмъ онъ вернется сюда верхомъ, ведя мою лошадь въ поводу, чтобы я могъ уѣхать послѣ отъѣзда Луиса.

— Мы съ Луисомъ отправимся туда пѣшкомъ.

— Пѣшкомъ?

— Да, потому что мы пойдемъ черезъ дачи Сомельеры и Броцна, что сократитъ намъ дорогу, а затѣмъ пройдемъ взморьемъ, гдѣ мы будемъ въ такой-же безопасности, какъ еслибы были въ Парижѣ или Лондонѣ.

— Да, да, такъ дѣйствительно лучше, мнѣ кажется,— отвѣчала донья Гермоза;—но вы возьмете съ собою Хозе и Тонильо, я этого требую.

— Нѣтъ мы пойдемъ одни; предоставь мнѣ дѣйствовать.

— Мигуель!

— Прошу тебя, Гермоза, не настаивай: слишкомъ много лицъ могли-бы возбудить вниманіе и навлечь на себя подозрѣнія; два-же рѣшительныхъ человѣка пройдутъ всюду.

— Ты хочешь этого?

— Такъ надо, Гермоза!

— Пусть будетъ такъ,—прошептала она, вздохнувъ;—но ты мнѣ отвѣчаешь за Луиса?

— Своей головою!—отвѣчалъ онъ смѣясь.

— Ты все смѣешься, Мигуель!—сказала она тономъ нѣжнымъ упрека.

— Кто знаетъ, дорогая кузина, быть можетъ, я смѣюсь для того, чтобы не плакать.

— О Мигуель, какъ ты добръ! Вѣдь тебѣ мы обязаны нашимъ счастьемъ!—проговорила она, сжимая его руку.

— Мы поговоримъ объ этомъ послѣ,—отвѣчалъ онъ, поднося ея руку къ своимъ губамъ,—а теперь намъ надо разстаться; я только тогда успокоюсь, когда карета уѣдетъ отсюда.

— Идемъ тогда.

— Идемъ!

И они встали съ софы, на которой сидѣли.

— Ты захватилъ оружіе?

— Да, будь покойна. Поди проститься со священникомъ, онъ ужъ и то слишкомъ долго остается здѣсь.

Мигуель и донья Гермоза вернулись въ гостинную.

Минуту спустя донъ Луисъ съ своей молодой женой проводили до самыхъ дверей на улицу достойнаго пастыря, не колебавшагося рискнуть своей жизнью для того, чтобы освятить ихъ союзъ.

Въ то самое время какъ карета понеслась по направленію къ городу, а донъ Луисъ тщательно запиралъ дверь на улицу, донъ Мигуель выѣхалъ изъ-за рѣшетки на лошади Хозе и помчался полнымъ галопомъ, тщательно закутавшись въ свое пончо и безпечно напѣвая вполголоса одну изъ тѣхъ пѣсенокъ, столь дорогихъ для гаучо, напѣвъ которыхъ всегда однообразенъ, какъ-бы не измѣнялись слова.

XXV.

Гдѣ выступаетъ на сцену, хотя и немножко поздно, новое лицо.

Донъ Мигуель не сказалъ правды своей кузинѣ или, по крайней мѣрѣ, скрылъ отъ молодой женщины, безпокойство и нервность которой онъ хорошо замѣтилъ, часть правды.

Онъ самъ былъ безпокоенъ; тайная тоска сжимала его столь твердое и рѣшительное сердце; онъ чувствовалъ печаль, не сознавая самъ — почему. Было-ли это предчувствіе близкаго несчастья или то было просто жалость покинуть своего друга, котораго онъ любилъ какъ брата и съ которымъ боялся больше не встрѣтиться,—онъ не могъ себѣ дать яснаго отчета въ этомъ, но его страданія, его предчувствія слишкомъ давали знать о себѣ.

Вереница мрачныхъ мыслей, вертѣвшихся въ его мозгу, туманили его умъ. Однако слабая искра свѣта внезапно мелькнула въ этомъ хаосѣ: неожиданная встрѣча съ его отцомъ, увѣренность въ томъ, что тотъ дѣйствительно въ этотъ вечеръ пріѣхалъ въ Буэносъ-Айреса придали ему мужество, необходимое для того, чтобы выдержать до конца гигантскую борьбу, затѣянную однимъ противъ всѣхъ, и давали ему надежду, если не побѣдить, то по крайней мѣрѣ обезпечить бѣгство его друга и его жены; а затѣмъ, по заключеніи мира съ Франціей и ему придется искать убѣжища въ Монтевидео, гдѣ его уже давно съ тоскою и съ печалью ждетъ его прелестная невѣста.

Донъ Мигуель зналъ, что его отецъ былъ однимъ изъ старинныхъ друзей Розаса и что онъ имѣлъ огромное вліяніе на этого тигра съ человѣческимъ лицомъ, вліяніе— поспѣшимъ мы прибавить, — которымъ достойный гасіендеро пользовался только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ и всегда съ благородною и возвышенною цѣлью.

Никогда Ресторадоръ не отказывалъ ни въ одной изъ этихъ просьбъ сеньора дона Педро дель Кампо, личныхъ или письменныхъ.

Какъ только Мигуель очутился далеко отъ дачи, пѣсенка, которую онъ напѣвалъ, внезапно оборвалась на его губахъ; поправившись въ сѣдлѣ, онъ отдалъ поводъ лошади, свистнулъ особеннымъ образомъ, какъ дѣлаютъ это солдаты, — и лошадь, рванувшись впередъ, понесла его по темнымъ и пустыннымъ улицамъ города съ быстротою вихря.

Двадцать минутъ спустя онъ остановился передъ дверями своего дома.

Его ждалъ Тонильо.

— Священникъ?—спросилъ у него молодой человѣкъ.

— Вернулся къ себѣ.

— Здравъ и невредимъ?

— Да, mi amó!

— Я доволенъ тобою!—сказалъ Мигуель, соскакивая на землю.—А мой отецъ?

— Онъ ждетъ въ гостинной.

— Хорошо.

Бросивъ поводья, донъ Мигуель, вошелъ въ домъ. Отецъ и сынъ обожали другъ друга; увидѣвъ другъ друга, они бросились въ объятія одинъ къ другому и оставались долго въ такомъ положеніи.

Послѣ первыхъ восторговъ взаимной встрѣчи они сѣли и заговорили: болѣе года они уже не видѣлись; имъ было, о чемъ поговорить.

Донъ Мигуель, отвѣтивъ на безчисленные вопросы своего отца, спросилъ его въ свою очередь:

— Вы пріѣхали одинъ?

— Нѣтъ; я привелъ съ собою,—отвѣчалъ гисіендеро,—одиннадцать человѣкъ моихъ самыхъ преданныхъ вакеросъ, все старыхъ солдатъ и рѣшительныхъ молодцовъ; теперь не такое время, чтобы путешествовать одному.

— Правда; и вы пріѣхали прямо въ Буэносъ-Айресъ?

— Ну, да, проѣхавъ черезъ Сантосъ-Лугаресъ, само собою разумѣется.

— Вы видѣли Ресторадора?—спросилъ, вздрогнувъ, Мигуель.

— Я остерегся не сдѣлать этого; Розасъ не простилъ-бы мнѣ этого; кромѣ того я хотѣлъ подарить ему сотню своихъ Пампасскихъ быковъ: у нихъ мало тамъ жизненныхъ припасовъ.

— Такъ что ваше стадо было благосклонно встрѣчено?

— Благосклонно встрѣчено и благосклонно принято; Розасъ былъ восхищенъ.

— Ага!—произнесъ молодой человѣкъ съ задумчивымъ видомъ.

— Что съ тобой, мальчикъ? Я нахожу тебя совсѣмъ смѣшнымъ. Развѣ ты недоволенъ тѣмъ сюрпризомъ, который я сдѣлалъ тебѣ, пріѣхавъ такъ неожиданно?

— Не думайте этого, батюшка,—сказалъ живо сынъ, сжимая его руку;—нѣтъ я просто печаленъ.

— Печаленъ, ты, самый веселый молодой человѣкъ, какого я знаю. Ого! что-же такое случилось? Говори, сынокъ, ты не имѣешь секретовъ отъ твоего отца, а?

— Боже меня сохрани, отецъ! Развѣ вы не часть самого меня?

— Очень хорошо мальчикъ!—отвѣчалъ весело старикъ.— Ну, исповѣдуйся, не бойся ничего; я не откажу тебѣ въ отпущеніи.

— Я это знаю, батюшка: вы всегда были такъ добры ко мнѣ.

— Vive Dios! Развѣ ты не самое дорогое для меня на свѣтѣ изъ всего, что я имѣю? Безъ тебя, чтобы мнѣ дѣлать? Ну, говори, скажи мнѣ, что тебя мучитъ и дѣлаетъ печальнымъ?

— Дѣло идетъ не обо мнѣ лично, а о двухъ особахъ, которыхъ я люблю.

— Ба! Кто-же эти особы?

— Донья Гермоза.

— Наша кузина?

— Да, батюшка.

— Съ нею случилось несчастье?—живо спросилъ донъ Педро.

— Нѣтъ еще, отецъ!

— Караи! Ты пугаешь меня! Знаешь-ли, что я ее люблю, какъ свою дочь, бѣдное дорогое дитя!

— Она въ эту минуту подвергается большой опасности.

— Она, донья Гермоза?

— Да, батюшка!

— Говори мнѣ все, мнѣ надо все знать,—вскричалъ донъ Педро съ волненіемъ,—Гермоза въ опасности! Vive Dios! Я пріѣхалъ во время мальчикъ. Ну, говори, я слушаю, но будь кратокъ.

Молодой человѣкъ, не заставлаяя себя просить дальше, разсказалъ своему отцу до мельчайшихъ подробностей все, что произошло въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; какимъ образомъ донья Гермоза спасла раненаго дона Луиса, какому отчаянному преслѣдованію подверглась изъ-за этого молодая женщина, разсказалъ и о свадьбѣ, совершившейся часъ тому назадъ и о предполагаемомъ бѣгствѣ этой ночью.

Разсказъ дона Мигуеля, какъ сильно ни старался онъ сократить его, вышелъ довольно длиненъ; все время гасіендеро слушалъ его съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ. Иногда его брови хмурились, и у него вырывался недовольный жестъ; но онъ ни разу не прервалъ своего сына.

Когда молодой человѣкъ, наконецъ, замолчалъ, послѣдовало довольно долгое молчаніе.

— Все это очень печально!—сказалъ наконецъ старикъ, покачавъ два или три раза головою. — Донья Гермоза и Бельграно дѣйствовали, какъ два сумасшедшихъ, а ты былъ еще болѣе безуменъ, когда дѣлалъ то, что ты говорилъ.

— Батюшка.....

— Я не упрекаю тебя, мальчикъ, я только устанавливаю фактъ, вотъ и все; ты слѣдовалъ движенію твоего сердца, я не могу вмѣнить тебѣ этого въ преступленіе; но

въ политическихъ дѣлахъ сердце—самый плохой совѣтникъ, оно только толкаетъ на глупости!

— Однако, батюшка....

— Однако, теперь не время проповѣдывать, хочешь ты сказать, и ты правъ, надо сначала вытащить этихъ несчастныхъ молодыхъ людей изъ тины, въ которую они пошли по шею, и этимъ я хочу заняться не позже какъ сейчасъ.

— Какъ, батюшка, едва пріѣхавъ, послѣ долгой дороги...

— Я пойду къ Розасу, это дѣло одного часа — самое большое: онъ одинъ можетъ ихъ спасти и онъ сдѣлаетъ это, я обѣщаю тебѣ. Позови Тонильо. Кстати, доволенъ ты этимъ забавникомъ?

— Очень доволенъ отецъ; онъ честень и преданъ!

— Тѣмъ лучше. Позови его.

Молодой человѣкъ всталъ, чтобы исполнить приказаніе своего отца, какъ на улицѣ раздался шумъ лошадиныхъ копытъ и въ двери сильно постучали.

— Что это такое?—просилъ гасіендеро.

— Мы узнаемъ это!—отвѣчалъ донъ Мигуель, съ плохо скрытымъ безпокойствомъ.

— Подполковникъ Китиньо!—доложилъ Тонильо, открывая двери.

— Пусть онъ пожалуетъ!—вскричалъ донъ Мигуель.

Подполковникъ вошелъ. Замѣтивъ гасіендеро, онъ сдѣлалъ радостное движеніе и бросился къ нему съ протянутой рукою.

— Che! - вскричалъ онъ, - вотъ пріятный сюрпризъ, въ самомъ дѣлѣ. Давно вы пріѣхали, сеньоръ донъ Педро?

— Едва часъ тому назадъ!—отвѣчалъ старикъ! пожимая ему руку.

— Я очень счастливъ васъ видѣть.

— Я также: вы настоящій федералистъ!

— Я горжусь этимъ, сеньоръ донъ Педро; четыре дня тому назадъ я освѣдомлялся о васъ у сеньора дона Мигуеля.

— Дѣйствительно, батюшка, подполковникъ васъ очень любитъ!

— Я также.

— Какому счасливому случаю я обязанъ вашимъ пріятнымъ визитомъ въ столь поздній часъ? — спросилъ донъ Мигуель, спѣшившій прекратить скорѣе этотъ обмѣнъ взаимныхъ любезностей, такъ какъ его безпокойство достигло крайняго напряженія.

— Вотъ ужъ дѣйствительно,—отвѣчалъ подполковникъ, садясь на стулъ, предложенный ему дономъ Мигуелемъ,— случай привелъ меня сюда, право, чортъ меня возьми, если часъ тому назадъ я думалъ быть здѣсь сегодня вечеромъ.

— Что-же такое произошло?

— Представьте себѣ, сеньоръ донъ Мигуель, что въ дверяхъ дома дона Филиппа Араны я встрѣтилъ моего кузена, знаете?

— Дона Кандидо?—спросилъ живо Мигуель.

— Кандидо, да; смѣшное имя! Но это не важно: всетаки онъ мой родственникъ. Онъ выходилъ отъ временнаго министра; у него былъ довольно сконфуженный видъ, когда онъ замѣтилъ меня; затѣмъ онъ, подбѣжавъ ко мнѣ, сердечно обнялъ меня и проговорилъ: „я принужденъ отъ дона Филиппа отправиться въ домъ Американскаго консула, чтобы передать ему письмо Ресторадора законовъ, поэтому не будетъ-ли вы добры зайти къ дону Мигуелю дель Кампо? Это вамъ по дорогѣ, вы скажите ему, что я не вернусь сегодня ночью; онъ, вѣдь, здѣсь живетъ, какъ говорилъ мнѣ“?

— Да, да, дѣйствительно,—отвѣчалъ донъ Мигуель сбитый съ толку и не понявшій ничего въ этой вереницѣ словъ;—благодарю васъ подполковникъ.,

— Подождите, это еще не все!

— Ага!

— Вы увидите. „Кстати,—прибавилъ вдругъ мой кузенъ Кандидо,—вы увѣдомите дона Мигуеля, что Санто—Колома и Мариньо получили приказъ отъ доньи Маріи Хозефы осмотрѣть дачу де Барракасъ“.

— Дачу де Барракасъ!—вскричалъ Мигуель съ испугомъ

— Да..

— Въ какое время долженъ состояться этотъ визитъ?

— Сегодня-же ночью, какъ увѣряетъ мой кузенъ Кандидо. Смѣшное имя! Но онъ не знаетъ, въ которомъ часу.

— А!—прошепталъ молодой человѣкъ, блѣдный, какъ трупъ.

— Такъ какъ мой кузенъ произвелъ на меня впечатлѣніе отчаяннаго труса и просилъ меня дать ему конвой,—продолжалъ Китиньо,—то я велѣлъ двумъ своимъ людямъ проводить его къ консулу, а самъ поспѣшно явился сюда тѣмъ болѣе, что я обѣщалъ извѣстить васъ тотчасъ же, какъ будетъ полученъ приказъ.

— Благодарю васъ, подполковникъ!

— Не стоитъ. Ахъ, да, еще одно слово: не довѣряйте Санто-Коломѣ и особенно Мариньо; я подозрѣваю, что они имѣютъ дурныя намѣренія относительно сеньоры въ Барракасъ.

— Вы думаете?

— Я не утверждаю ничего, но на этихъ дняхъ слышалъ кое-что. Я предупредилъ васъ, этого довольно, а вы подумайте, что вамъ слѣдуетъ дѣлать. Я исполнилъ свое порученіе, мнѣ остается только пожелать вамъ спокойной ночи и удалиться.

И онъ всталъ съ своего мѣста.

— Подождите минутку, подполковникъ, я поѣду съ вами!—произнесь гасіендеро.

— Вы, донъ Педро?

— Да, я поѣду въ Сантосъ-Лугаресъ.

— Въ этотъ часъ?

— Это въ двухъ шагахъ. Я хочу узнать, по какому праву донья Марія Хозефа отдаетъ приказы въ Буэносъ-Айресѣ, отъ имени господина ресторадора или нѣтъ?

— Ахъ, сеньоръ донъ Педро, вы окажете настоящую услугу дѣлу,—вскричалъ подполковникъ,—если добьетесь отъ

Его Превосходительства, чтобы эта сеньора не совала по всякому поводу своего носа въ наши дѣла.

— Вотъ именно объ этомъ я и постараюсь попросить Ресторадора. Эта дама въ Барракасъ—моя родственница, мой долгъ помѣшать тому, чтобы ей докучали.

— Вы правы, сеньоръ донъ Педро; что касается меня, то клянусь вамъ, что если вы получите приказъ Ресторадора, то я исполню его противъ кого-бы то ни было.

— Я разсчитываю на ваше обѣщаніе, подполковникъ!

— Это рѣшено, сеньоръ донъ Педро.

— Будьте добры подождать меня минутку, я прощусь со своимъ сыномъ и буду къ вашимъ услугамъ.

— Хорошо, хорошо, не спѣшите: у меня есть время!

Съ этими словами Китиньо вышелъ.

— Вы видите, батюшка, все потеряно!—вскричалъ съ отчаяніемъ донъ Мигуель.

— Не совсѣмъ еще, мальчикъ, предоставь мнѣ дѣйствовать. Тонильо!

— Mi amo!—сказалъ входя гаучо.

— Сѣдлай живѣй лошадь.

— Моего темнаго бѣгуна!—прибавилъ донъ Мигуель.

— А, твоего пожирателя воздуха!—сказалъ гасіендеро.

— Да, того, котораго вы мнѣ послали въ прошлый мѣсяцъ.

Тонильо исчезъ по знаку своего господина.

— Послушай,—началъ донъ Педро;—теперь едва девять съ половиной часовъ, черезъ часъ я надѣюсь вернуться и прямо отправиться въ Барракасъ.

— Хорошо.

— Ты будешь тамъ?

— Конечно!

— Не говори ни слова молодымъ людямъ о томъ, что происходитъ; безполезно безпокоить ихъ заранѣе; предоставь имъ спокойно наслаждаться тѣмъ счастьемъ, которое еще имъ остается; чтобы все было готово для ихъ бѣгства!

— Обоимъ?

— Если возможно, Бельграно во всякомъ случаѣ долженъ уѣхать.

— Онъ? хорошо!

— Есть-ли у васъ тамъ люди?

— Только старый слуга.

— Возьми съ собой шестерыхъ моихъ вакеросъ; это рѣшительные люди, какъ я тебѣ сказалъ, и пригодятся на всякій случай.

— О, батюшка, вы возвращаете мнѣ жизнь!

— Ободрись, мой мальчикъ; быть можетъ, насъ безпокоили напрасно и ничего не случится!

— Нѣтъ, нѣтъ, вы ошибаетесь, батюшка, на дачу будетъ сдѣлано нападеніе.

— Ну, тогда съ Богомъ! Обойми меня и разстанемся; особенно соблюдай молчаніе и благоразуміе.

Отецъ и сынъ обнялись; затѣмъ донъ Педро вышелъ.

Почти тотчасъ же послышался топотъ копытъ лошадей, несшихся во всю прыть.

— Боже мой!—прошепталъ донъ Мигуель, оставшись одинъ.—Защити ихъ, защити насъ!

Мгновеніе онъ оставался въ задумчивости, затѣмъ быстро поднялъ голову.

— Тонильо!—вскричалъ онъ.

— Mi amo?

— Ты выбралъ шестерыхъ вакеросъ моего отца?

— Mi amo, они тамъ подъ навѣсомъ; сеньоръ донъ Педро предоставилъ ихъ въ ваше распоряженіе.

— Хорошо; садитесь всѣ на коней и мчитесь во весь духъ въ Барракасъ; ты условишься съ Хозе спрятать ихъ въ домъ такъ, чтобы ни донъ Луисъ, ни моя кузина и не подозрѣвали объ ихъ присутствіи; понимаешь?

— Да, сеньоръ; это не трудно.

— Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома ты будешь дожидаться меня. Вооружитесь всѣ хорошенько.

— Итакъ будетъ сраженіе, сеньоръ?—спросилъ радостно молодой человѣкъ.

— Можетъ быть. Моя лошадь?

— Готова.

— Тогда отправимся каждый въ свою сторону.

Донъ Мигуель сѣлъ на коня и поѣхалъ галопомъ по дорогѣ къ мѣсту, гдѣ ждалъ его мистеръ Дугласъ.

Что касается Тонильо, то нѣсколько минутъ спустя онъ также покинулъ домъ и направился къ Барракасъ въ сопровожденіи шести вакеросъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы.

XXVI.

Гдѣ описывается развязка дѣла.

Вернувшись въ гостинную, донъ Луисъ сѣлъ, наконецъ, на свободѣ подлѣ доньи Гермозы и, обнявъ ее за талію, запечатлѣлъ поцѣлуй на ея лбу; молодая женщина улыбнулась краснѣя; но вдругъ нервная дрожь охватила ее; вставъ съ своего мѣста, блѣдная, какъ трупъ, съ головою, опущенною на грудь, она сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и тихо склонилась на колѣни передъ распятіемъ, скрестила свои руки и стала безмолвно молиться.

Донъ Луисъ, испуганный внезапною блѣдностью молодой женщины, бросился къ ней, поднялъ ее на руки и заставилъ сѣсть подлѣ него.

— Боже мой!—вскричалъ онъ съ безпокойствомъ.—Что съ тобою, Гермоза?

— Ничего, ничего, Луисъ, ничего; это прошло.... Я столько страдала.... это суевѣріе.... нервы.... почемъ я знаю?... это прошло....

— Нѣтъ, Гермоза, есть что-то, чего я не знаю, но что я хочу знать, такъ какъ страдаю въ эту миниту больше тебя.

— Успокойся, Луисъ, это бой часовъ, вотъ и все.

— Но....

— Не спрашивай меня, не строй предположеній, я знаю все, что ты мнѣ скажешь; но не могу помѣшать этому

оно сильнѣе меня. Весь вечеръ я испытывала подобное-же страданіе при боѣ часовъ.

— Это все?

— Клянусь тебѣ.

Донъ Луисъ вздохнулъ.

— Дорогая Гермоза,—произнесъ онъ,—когда я почувствовалъ, чта ты дрожишь въ моихъ рукахъ, когда увидѣлъ, что ты бѣжишь отъ меня къ подножію этого распятія, страшная мысль мелькнула у меня: я предчувствовалъ, что ты испытала чувство отвращенія, что твоя душа протестуетъ противъ тѣхъ узъ, которыми мы только что соединены съ тобою навѣки.

— Луисъ! Ты могъ подумать это? Боже мой!

—Прости, дорогая Гермоза, прости! Но еслибы ты знала, какъ я тебя люблю! —проговорилъ молодой человѣкъ, протягивая съ мольбою руки. Прости!

— Увы! Я люблю теперь въ первый разъ, я счастлива всего только часъ.

— Гермоза!

— Я забываю все теперь, я сильна вблизи тебя, ты защитишь меня противъ самой себя.

— О, теперь несчастіе не можетъ постигнуть насъ. Одно твое слишкомъ живое воображеніе причиняетъ тебѣ всѣ эти огорченія, дорогая моя. Это ядовитый воздухъ Буэносъ-Айреса дѣлаетъ тебѣ больною душой и тѣломъ; скоро мы будемъ вмѣстѣ далеко отсюда.

— Скоро, скоро, не такъ-ли, Луисъ? Я не могу жить здѣсь, не могу жить нигдѣ безъ тебя.

— Мы будемъ путешествовать вмѣстѣ.

— Почему-же не съ этой ночи?

— Это невозможно.

— Я оставлю все; Лиза и Хозе присоединятся къ намъ послѣ.

— Это невозможно.

— Возьми меня съ собою, Луисъ, возьми! Развѣ я не твоя жена? Не должна-ли я слѣдовать за тобою всюду?

— Это правда, но я не долженъ подвергать тебя опасности, моя любовь.

— Меня подвергать опасности?

— Какое нибудь непредвидѣнное обстоятельсто.....

— А ты будешь подвергаться опасности? Зачѣмъ-же вы меня обманули? Не говорили-ли мнѣ, что тебѣ нечего бояться?

— Это правда; опасности никакой нѣтъ, но, быть можетъ, мы будемъ принуждены остаться на берегу два, три или четыре дня.

— Что-же изъ того, если я проведу ихъ съ тобою?

— Гермоза, не будемъ измѣнять ничего въ нашемъ планѣ; станемъ уважать, будучи теперь женаты, наши обѣщанія обрученныхъ. Если раньше двухъ недѣль ты не пріѣдешь съ Мигуелемъ, то отправишься одна, такъ какъ тогда будетъ заключенъ миръ съ Франціею и ничто не помѣшаетъ твоему отъѣзду.

— Вспомни, дорогая моя, что я уѣзжаю, потому что ты такъ приказываешь, а ты остаешься здѣсь потому что я тебя прошу объ этомъ. Но я слышу чьи-то шаги въ передней.

— Лиза вѣроятно.

— Нѣтъ, я думаю, что это Мигуель.

Донъ Луисъ поцѣловалъ въ лобъ свою жену и пошелъ на встрѣчу своему другу, а донья Гермоза приказала Лизѣ подать чай въ кабинетъ, гдѣ всѣ трое вскорѣ и сидѣли вмѣстѣ.

— Слава Богу, дорогое дитя,—сказалъ весело донъ Мигуель,—все совершенно улажено; только вмѣсто того, чтобы ждать до утра, Дугласъ назначилъ отъѣздъ въ полночь, т. е. черезъ два часа.

— Почему это измѣненіе?—спросила донья Гермоза.

— Право, я самъ не знаю этого! Но я такъ довѣряю благоразумію и проницательности моего славнаго контрабандиста, что, когда онъ назначилъ мнѣ этотъ часъ, я не спросилъ у него ничего, убѣжденный въ томъ, что стало быть, это самое удобное время.

Донъ Луисъ нѣжно сжалъ руку доньи Гермозы; донъ Мигуель мгновеніе смотрѣлъ на нихъ съ нѣжностью.

— Судьба,—сказалъ онъ прочувствованнымъ голосомъ,— не согласилась исполнить мои завѣтныя желанія; я хотѣлъ видѣть ваше счастье одновременно со своимъ, перестрадавъ однѣ и тѣ-же невзгоды; надѣялся, что и наше счастье возродится одновременно; еслибы теперь возлѣ меня находилась Аврора, то я былъ-бы счастливѣйшій изъ людей. Всетаки я получилъ одну половину того, чего желалъ; другую-же.... на то Божья воля!

Подавивъ свое внутреннее волненіе, которое увлекло его дальше, чѣмъ онъ того хотѣлъ, и заставило забыть его роль, Мигуель опять принялъ свой веселый и непринужденный видъ и сказалъ, со смѣхомъ обнимая обоихъ молодыхъ людей.

— Ну, ну, будемъ довольствоваться нѣсколькими минутами которыя даетъ намъ судьба; будемъ думать только о тѣхъ дняхъ, которые мы будемъ вскорѣ проводить въ Монтевидео. Будемъ смѣяться, пить чай и думать только о будущемъ, такъ какъ прошлое слишкомъ скверно.

Ему довольно было десяти минутъ, чтобы развеселить своихъ друзей; невозможно было устоять предъ его оживленіемъ.

Ему не хватало только одного: разсердить ихъ одного противъ другого, чтобы тотчасъ же дать имъ удовольствіе примириться.

Это онъ и поспѣшилъ сдѣлать.

— Луисъ, — обратился онъ съ самымъ серьезнымъ видомъ къ своему другу, наливая себѣ вторую чашку чаю,— я забылъ спросить у тебя объ одной вещи.

— Какой?

— Что мнѣ дѣлать съ мѣшкомъ съ письмами?

— Какимъ мѣшкомъ и какими письмами? — спросилъ донъ Луисъ, между тѣмъ какъ донья Гермоза пристально посмотрѣла на него.

— Ну, да,—возразилъ донъ Мигуель,—съ знаменитымъ

мѣшкомъ,—ты хорошо его знаешь,—въ которомъ находятся еще, по крайней мѣрѣ я такъ думаю, волосы Гермозы, потому что они такого же цвѣта.

— Ты съ ума сошелъ, Мигуель!

— Нѣтъ еще, слава Богу!

— Зачѣмъ притворяться такъ, кабалерро? Чего-же болѣе естественнаго, какъ имѣть такіе сувениры и стараться ихъ сохранить!

— Клянусь тебѣ, Гермоза, что во всю свою жизнь я никогда не имѣлъ такого мѣшка и не знаю, о какихъ письмахъ хочетъ говорить Мигуель. Или онъ смѣется надо мною или, повторяю, онъ сошелъ съ ума.

— Зачѣмъ отрицать это?—спросила донья Гермоза, краснѣя и бросая ироническую улыбку дону Луису.

— Ты видишь, что дѣлаешь своими шутками, Мигуель!—сказалъ молодой человѣкъ, угадавшій, наконецъ, намѣреніе своего друга.

— Такъ что....

— Такъ что ты не правъ, ты видишь это.

— Что?

— Что Гермоза отодвинула свой стулъ отъ меня!—сказалъ онъ печально.

Донъ Мигуель расхохотался. Онъ взялъ руку своей кузины, вложивъ ее въ руку дона Луиса.

— Они неподражаемы!—вскричалъ онъ.—Аврора была-бы болѣе благоразумна.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не солгалъ! — возразила донья Гермоза, не отнимая своей руки и желая окончательно убѣдиться въ томъ, что то была шутка.

Новый взрывъ смѣха дона Мигуеля и взглядъ дона Луиса окончательно прекратили вспышку и разсѣяли это легкое облачко.

Но въ то-же самое время, какъ ударъ грома, вблизи нихъ раздался крикъ Лизы.

Въ этомъ крикѣ не было ничего человѣческаго: онъ былъ ужасенъ, пронзителенъ.

Въ то-же мгновеніе Лиза, блѣдная, съ блуждающими взорами, въ разорванной одеждѣ, вбѣжала стремительно въ кабинетъ изъ внутреннихъ комнатъ.

На дворѣ послышалось нѣсколько выстрѣловъ, сопровождаемыхъ яростными криками, топотъ людей и лошадей.

Прежде чѣмъ Лиза успѣла произнести хоть одно слово, прежде чѣмъ успѣли спросить ее, каждый понялъ то, что произошло и почти тотчасъ же замѣтилъ черезъ стеклянную дверь кабинета, бывшую съ той стороны, откуда вбѣжалъ ребенокъ, человѣкъ пятнадцать людей съ злыми лицами, бросившихся черезъ комнату Лизы въ уборную.

Все это произошло съ быстротою молніи.

Но съ такою-же быстротою и донъ Луисъ увлекъ свою молодую супругу въ гостинную и схватился за свои пистолеты, лежавшіе на каминѣ.

— О, мои предчувствія,—вскричала донья Гермоза, въ безумномъ ужавѣ.—Спаси насъ, Мигуель, спаси!

— Да, да, Гермоза, — отвѣчалъ молодой человѣкъ, уже сражаясь;—теперь не время болѣе говорить.

— Боже мой! — произнесла молодая женщина, хватая дона Луиса за руку;—они убили Хозе!

— Нѣтъ еще,—вскричалъ ветеранъ, появляясь вдругъ во главѣ съ вакеросами дона Педро.—Ложитесь всѣ.

Машинально донъ Мигуель и донъ Луисъ нагнули, несмотря на ихъ сопротивленіе, обѣихъ женщинъ къ полу.

Бандиты ринулись въ гостинную.

— Пли!—вскричалъ Хозе пронзительнымъ голосомъ.

Раздался громовой залпъ, за которымъ немедленно послѣдовала страшная суматоха.

Затѣмъ все исчезло.

Хозе и его вакеросъ бросились преслѣдовать масъ-горкистовъ, испуганныхъ этой энергичной защитой: они думали, что нападаютъ на беззащитныхъ людей.

Четыре трупа лежали въ гостинной.

Не теряя ни минуты, оба молодыхъ человѣка опроки-

нули мебель и нагромоздили ее передъ дверью столовой, образовавъ такимъ образомъ баррикаду.

Густой дымъ наполнялъ комнаты; стекла, зеркала, все было разбито, сломано.

Между тѣмъ на дворѣ продолжалась битва съ прежней яростью.

Масъ-горкисты имѣли перевѣсъ своей численностью, возбуждаемые голосами Мариньо и Санто-Коломы; они возобновили атаку, рыча:

— A degüello, a degüello!—Убивайте! Убивайте!

Снова началась борьба ужасная и безпощадная.

Страшная рѣзня! Бойня, которой нѣтъ названія и которая должна была окончиться лишь смертью всѣхъ обитателей дачи.

— Донья Гермоза схватилась за дона Луиса, который никакъ не могъ освободиться отъ нея: бѣдная женщина болѣе не сознавала, что она дѣлала.

— Ты насъ губишь, Гермоза, ты губишь; оставь меня, ложись на софу!—вскричалъ молодой человѣкъ съ отчаяніемъ.

Необычайнымъ усиліемъ своихъ рукъ онъ поднялъ ее и положивъ за баррикаду, импровизированную имъ и его другомъ. Тамъ уже лежала безъ чувствъ Лиза.

Въ ту-же самую минуту два человѣка бросились въ гостинную.

— А, — вскричалъ донъ Мигуель съ страшнымъ смѣхомъ,—Тронкозо и Бандіа, палачи Маріи Хозефы.

— И Мариньо!—прибавилъ донъ Луисъ, замѣтивъ начальника сереносовъ, слѣдовавшаго за двумя первыми съ саблей въ рукѣ.

Оба молодыхъ людей обмѣнялись взглядомъ и, прыгнувъ какъ тигры на свою добычу, одновременно бросились на трехъ человѣкъ.

Тронкоза и Бадіа покатились на полъ, убитые страшнымъ кастетомъ дона Мигуеля; Мариньо упалъ съ крикомъ ярости, пораженный изъ пистолетовъ дона Луиса; но онъ не былъ

мертвъ: поднявшись на колѣни, онъ ползкомъ ускользнулъ изъ гостинной, оставивъ за собою длинную полосу крови.

Масъ—горкисты были поражены этимъ сильнымъ сопротивленіемъ, котораго они далеко не ожидали, и нѣкоторое время не рѣшались вновь войти въ домъ.

Этимъ перерывомъ въ нѣсколько минутъ молодые люди воспользовались для того, чтобы усилить свою баррикаду всѣмъ тѣмъ, что находилось подъ рукою и погасить свѣтъ въ столовой.

— Спасай Гермозу,—сказалъ затѣмъ по французски донъ Луисъ своему другу,—пройди черезъ переднюю, выйди на затерянныя тропы, которыя находятся противъ дома; черезъ пять минутъ я пробьюсь сквозь эту сволочь и присоединюсь къ тебѣ.

— Да,—отвѣчалъ донъ Мигуель,—это единственное средство, которое намъ остается; я думалъ о немъ, но не хотѣлъ оставлять тебя одного и еще болѣе не хочу теперь; однако я попыталась спасти Гермозу и насъ самихъ; черезъ двѣ минуты я буду съ тобою; оставайся за баррикадой!

— Я не хочу спасенія!—вскричала донья Гермоза съ лихорадочной энергіей;—я хочу умереть здѣсь вмѣстѣ съ вами.

Молодой человѣкъ, не отвѣчая ей, бросился впередъ.

Вдругъ въ тотъ самый мигъ, когда онъ подошелъ къ двери она внезапно открылась и толпа свирѣпыхъ бандитовъ, рыча, бросилась въ гостинную.

Тутъ произошло нѣчто неописуемое: страшная борьба впотьмахъ, освѣщаемая только бѣглымъ огнемъ выстрѣловъ.

Были слышны только крики ярости и бѣшенства сражавшихся, демонскій топотъ смѣшивался съ мрачнымъ блескомъ пистолетныхъ выстрѣловъ и съ тяжелыми ударами сабель по тѣлу.

Молодыхъ людей ожидала вѣрная гибель; запертые въ своей биррикадѣ, они сражались не для того, чтобы побѣдить, но чтобы дорого продать свою жизнь.

Въ то время дверь на улицу разлетѣлась вдребезги и

многочисленный отрядъ кавалеристовъ, изъ которыхъ нѣкоторые зажгли факелы, бросился въ самый домъ.

Во главѣ ихъ, съ саблею въ рукѣ, былъ донъ Педро дель Кампо.

— Во имя Ресторадора,—кричалъ онъ громовымъ голосомъ,—остановитесь!

Пробило одинадцать часовъ.

— Сюда, отецъ, сюда!—закричалъ донъ Мигуель, узнавъ его голосъ.

Старикъ заставилъ свою лошадь прыгнуть въ средину гостинной.

За нимъ послѣдовали многіе изъ его спутниковъ.

Масъ-горкисты сбитые съ ногъ, получая страшные удары отъ тяжелыхъ копытъ лошадей, стали убѣгать во всѣ стороны, испуская жалобный вой.

— Подполковникъ!—вскричалъ гасіендеро,—рубите этихъ мерзавцевъ!

— A degüello, a degüel!ó!—закричалъ Катиньо, бросаясь со всѣмъ своимъ отрядомъ преслѣдовать бандатовъ Сатно-Коломы и Мариньо.

Имя Розаса, брошенное этимъ дикимъ звѣрямъ, опьяненнымъ рѣзнею, укротило ихъ и наполнило ужасомъ.

При красноватомъ свѣтѣ факеловъ гостинная дачи имѣла ужасный видъ.

Повсюду виднѣлись кровь и трупы...

Донъ Мигуель и донъ Луисъ открывали свою баррикаду и вынесли на своихъ рукахъ донью Гермозу.

Молодая женщина была въ обморокѣ; ея бѣлое платье было разорвано и обагрено кровью, сочившейся изъ руки, раненой шальною пулею.

Оба молодыхъ человѣка были также ранены, но, къ счастію, легко.

Донъ Педро бросилъ вокругъ себя печальный взглядъ.

— Ну; дѣти,—произнесъ онъ,—уходите! На этотъ разъ я спасъ васъ; не будемъ терять ни минуты, уѣдемъ, пока не вернулся Китиньо. На коней всѣ!

— Но Гермоза!—вскричалъ донъ Луисъ.

— Дай ее мнѣ, Бельграно!

Гасіендеро перегнулся съ сѣдла, поднялъ сильною рукою молодую женщину и положилъ ее поперекъ шеи своей лошади.

— Скорѣй!—сказалъ опять донъ Педро.

— Лошади готовы!—сказалъ, появляясь, Тонильо.

— А Лиза, а Хозе?—спросилъ съ тревогой донъ Мигуель.

— Хозе мертвъ,—отвѣчалъ Тонильо, а Лиза—здѣсь;—и онъ указалъ на молодую дѣвушку, лежавшую на софѣ.

Ребенокъ былъ цѣлъ. Страхъ лишилъ ее сознанія. Донъ Мигуель взялъ ее на свои руки.

Нѣсколько минутъ спустя многочисленная группа всадниковъ вихремъ мчались по направленію къ Бока.

Дугласъ былъ на своемъ посту; отъѣздъ состоялся безъ затрудненій.

— Поѣзжай-же съ нами, отецъ!—сказали оба молодыхъ человѣка, бросаясь въ объятія, которыя раскрылъ передъ ними старикъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ, покачавъ головою,—уѣзжайте, дѣти. То, чего Вы не могли сдѣлать, я, клянусь Богомъ сдѣлаю, и тиранъ падетъ.

Донъ Педро оставался на берегу до тѣхъ поръ, пока лодка, уносившая тѣхъ, которые были ему дороги, но исчезла, наконецъ, во мракѣ.

Тогда, давъ знакъ своимъ вакеросъ, онъ медленно поѣхалъ съ ними въ городъ,

Послѣдній и, быть можетъ, вѣрнѣйшій другъ Розаса, устрашенный этими ужасными убійствами, внезапно сдѣлался его самымъ непримиримымъ врагомъ.

. . . .

. . . .

. . . .

Хроника, изъ которой мы почерпнули только что разсказанное нами, быть можетъ, впослѣдствіи дастъ намъ интересныя подробности о нѣкоторыхъ лицахъ, фигурировавшихъ

въ этой длинной исторіи, но теперь она даетъ намъ ихъ только относительно настоящихъ событій.

На другой день послѣ описанной нашей кровавой драмы, жители Барракасъ, придя изъ любопытства въ атакованную дачу, нашли семнадцать труповъ, лежавшихъ тамъ и сямъ во всѣхъ комнатахъ. Среди нихъ были трупы Хозе и четырехъ вакеросъ съ пробитыми головами; оставленные двѣнадцать принадлежали Народному Обществу Ресторадора. Они были оставлены тамъ до полдня, когда ихъ подобралъ полицейскій фургонъ, между тѣмъ какъ домъ былъ совершенно разграбленъ и опустошенъ федералистами.

Донъ Кандидо Радригесъ, послѣ смерти сеньора Слэда, происшедшей нѣсколько недѣль спустя послѣ этого событія, мировымъ судьей принужденъ былъ оставить домъ Консула, гдѣ онъ упорно хотѣлъ остаться на яко-бы американской территоріи, такъ какъ, за смертью консула, не существовало болѣе консульства.

Наша хроника прибавляетъ еще, что донья Марселина пришла однажды предложить свою руку дону Кандидо, въ память тѣхъ опасностей, которымъ они подвергались вмѣстѣ, чѣмъ провела достойнаго профессора въ такой ужасъ, что онъ окончательно рѣшилъ эмигрировать и былъ перевезенъ мастеромъ Дугласомъ въ Монтевидео, гдѣ донъ Мигуель, сдѣлавшійся супругомъ доньи Авроры Барроль, предложилъ ему убѣжище въ своемъ домѣ. Здѣсь онъ мирно жилъ, любимый и лелѣемый своими двумя бывшими учениками и ихъ прелестными женами.

Донъ Педро дель Кампо сдержалъ данную имъ клятву; съ помощью полковника Сарменто и другихъ достойныхъ сыновей Буэносъ-Айреса ему удалось ниспровергнуть Разаса.

ЕП КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.